

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2020 / ТОМ 11 / НОМЕР 1

НОВОЕ ДЕСЯТИЛЕТIE: ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

11–26 Н.Ю. СИЛАЕВ
Н.П. ПРОЦЕНКО

Снова модерн?
COVID-19 возвращает
государству его
изначальную природу

42–57 А.В. КОРОБКОВ

Пандемия COVID-19,
Дональд Трамп и будущее
Америки

27–41 В.Б. КАШИН
В.А. СМIRНОВА
И.В. АКСЕНОВ

Информационно-
политическое
измерение
эпидемического
кризиса COVID-19
в Китае

58–70 Е.А. МАСЛОВА

Итальянский
коронакризис и его
последствия:
национальное,
общеевропейское и
глобальное измерения

2020 / VOLUME 11 / No. 1

The journal publishes research results in the field of international relations and world politics, regional studies, and the history of international relations.

Published since 2010, 4 times a year.

DOI Prefix 10.46272

ISSN (print) 2587-8476

ISSN (online) 2541-9633

CHIEF EDITOR

Sergey Markedonov

MGIMO University (Russia)

DEPUTY EDITOR

Akhmet Yarlykapov

MGIMO University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Richard Sakwa – University of Kent (UK)

Andrew Kuchins – American University of Central Asia (Kyrgyzstan)

Zhao Huasheng – Fudan University (Shanghai)

Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)

Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)

Sayed Mohammad Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)

Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)

Marlene Laruelle – George Washington University (USA)

Benedict Harzl – University of Graz (Austria)

Matthew Bonham – Syracuse University (USA)

Irina Busygina – Free University of Berlin (Germany)

Bjorn Wittrock – Uppsala University (Sweden)

Nikolay Gribin – MGIMO University (Russia)

Vladimir Degoev – MGIMO University (Russia)

Andrey Kazantsev – MGIMO University (Russia)

Alexander Lukin – MGIMO University (Russia)

Vadim Mukhanov – MGIMO University (Russia)

Alexander Nikitin – MGIMO University (Russia)

Karlygash Nugmanova – Centre for Political Projection “East-West” (Kazakhstan)

Liudmila Okuneva – MGIMO University (Russia)

Pavel Parshin – Moscow State Linguistic University (Russia)

Viktor Sergeev – MGIMO University (Russia)

Pedro Maria Sodupe Corcuera – University of The Basque Country (Spain)

Andrei Sushentsov – MGIMO University (Russia)

Andrey Fedorchenko – MGIMO University (Russia)

Stanislav Chernyavskiy – MGIMO University (Russia)

Alexander Chechevishnikov – MGIMO University (Russia)

The journal is included in Russian Science Citation Index.

Mass media registration certificate

PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

FOUNDER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”

EDITORS

Nikita Neklyudov

Vladimir Pavlov

Natalia Samoylovskaya

Dmitry Tkach

COMPUTER LAYOUT

Alexey Talalaevsky

2020 / ТОМ 11 / № 1

В журнале публикуются результаты исследований в области международных отношений и мировой политики, регионоведения, а также истории международных отношений. Издаётся с 2010 г. Выходит 4 раза в год.

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
(МГИМО МИД России)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
(МГИМО МИД России)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)
Эндрю Качинс – Американский университет в Центральной Азии (Киргизия)
Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (Шанхай)
Кимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)
Митат Челикпала – Университет Кадир Хас (Турция)
Сайед Мохаммед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)
Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)
Марлен Ларюэль – Университет Джорджа Вашингтона (США)
Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)
Мэтью Бонэм – Сиракузский университет (США)
Ирина Марковна Бусыгина – Свободный университет Берлина (ФРГ)
Бьёрн Виттрок – Уппсальский университет (Швеция)
Николай Петрович Грибин – МГИМО МИД России (Россия)
Владимир Владимирович Дегоев – МГИМО МИД России (Россия)
Андрей Анатольевич Казанцев – МГИМО МИД России (Россия)
Александр Владимирович Лукин – МГИМО МИД России (Россия)
Вадим Михайлович Муханов – МГИМО МИД России (Россия)
Александр Иванович Никитин – МГИМО МИД России (Россия)
Карлыгаш Жангельдиновна Нугманова – Центр геополитического прогнозирования «Восток-Запад» (Казахстан)
Людмила Семеновна Окунева – МГИМО МИД России (Россия)
Павел Борисович Паршин – МГЛУ (Россия)
Виктор Михайлович Сергеев – МГИМО МИД России (Россия)
Педро Мария Содупе Коркуэра – Университет Страны Басков (Испания)
Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО МИД России (Россия)
Андрей Васильевич Федорченко – МГИМО МИД России (Россия)
Станислав Иванович Чернявский – МГИМО МИД России (Россия)
Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО МИД России (Россия)

Журнал включен в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-65736 от 20 мая 2016 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Неклюдов Никита Яковлевич
Павлов Владимир Владимирович
Самойловская Наталья Александровна
Ткач Дмитрий Николаевич

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Талалаевский Алексей Владимирович

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Уроки пандемии для международных отношений

С.М. МАРКЕДОНОВ

7

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу

Н.Ю. СИЛАЕВ Н.П. ПРОЦЕНКО

11

Информационно- политическое измерение эпидемического кризиса COVID-19 в Китае

В.Б. КАШИН В.А. СМЕРНОВА И.В. АКСЕНОВ

27

Пандемия COVID-19, Дональд Трамп и будущее Америки

А.В. КОРОБКОВ

42

Итальянский коронакризис и его последствия: национальное, общеевропейское и глобальное измерения

Е.А. МАСЛОВА

58

Влияние распространения коронавируса на конфликт в Сирии

М.А. СУЧКОВ С. ТАК

71

Эпидемии и реформы: опыт Саудовской Аравии

Г.Г. КОСАЧ

85

Южный Кавказ: глокализация пандемии

А.М. ИСКАНДАРЯН Г.Г. МИКАЕЛЯН

97

Пандемия COVID-19 как вызов для постсоветских стран Центральной Азии

А.М. АХУНОВ

114

CONTENT

EDITORIAL NOTE

Drawing Lessons from the Pandemic for International Relations

S. MARKEDONOV

7

RESEARCH ARTICLES

Back into Modernity? COVID-19 Returns Nation-State to its Original Nature

N. SILAEV N. PROTSENKO

11

Political Aspects of COVID-19 Epidemic Crisis in China

V. KASHIN V. SMIRNOVA I. AKSENOV

27

The COVID-19 Pandemic, Donald Trump, and the Future of American Politics

A. KOROBOV

42

Italian Coronacrisis and its Repercussions: National, European, and Global Dimensions

E. MASLOVA

58

Implications of COVID-19 for the Conflict in Syria

M. SUCHKOV S. TACK

71

Epidemics and Reforms: Experience of Saudi Arabia

G. KOSACH

85

South Caucasus: Glocalization of the Pandemic

A. ISKANDARYAN H. MIKAELIAN

97

The COVID-19 Pandemic as a Challenge for Post-Soviet Central Asia Countries

A. AKHUNOV

114

Уроки пандемии для международных отношений

«Стихийное бедствие и на самом деле вещь довольно обычная, но верится в него с трудом, даже когда оно обрушится на вашу голову. В мире всегда была чума, всегда была война. И, однако ж, и чума, и война, как правило, заставляли людей врасплох...». Процитированный выше фрагмент из известного романа-притчи Альбера Камю «Чума» как нельзя лучше передает ту атмосферу, которая наблюдалась на начальном этапе распространения пандемии коронавирусной инфекции. Потребовалось всего несколько месяцев для осознания того, что «китайская проблема» оказалась вовсе не локальным и даже не региональным, а глобальным вызовом.

Угроза пандемии COVID-19 стала действительно общим знаменателем мирового масштаба. Перед ее наступлением спасовали и государства – члены «Большой семерки», и страны, традиционно имеющие невысокий индекс качества жизни. От болезни не спасло членство в интеграционных объединениях и военных альянсах. Напротив, принципы национального эгоизма вышли на первый план. От коронавируса пострадали и союзники, и противники. Для вирусной инфекции международные приоритеты той или иной страны не имели никакого значения. Будучи внеполитическим по своей природе вызовом коронавирус оказал серьезное воздействие на весь спектр общественных процессов. И снова, как нельзя точно оценка Альбера Камю: «...никто никогда не будет свободен, пока существуют бедствия».

Сегодня в оценках последствий коронавируса нет недостатка. Между тем в этом сложном уравнении присутствует слишком большое количество переменных. Следовательно, его решение не будет быстрым. Преждевременно говорить о «посткоронавирусной эпохе», так как мы еще не пережили саму пандемию, а определенные улучшения, наметившиеся в некоторых странах, не имеют необратимого характера. Возможны возвратные движения вирусного маятника, новые «волны» пандемии, а вместе с ними и новые разрушительные последствия для международной экономики и внутривнутриполитической стабильности. Не следует спешить с выводами и о том, что COVID-19 изменил мир. Пандемия не открыла противоречий внутри интеграционных объединений и коллизий между национальным суверенитетом и решениями в интересах международных организаций в целом. Она не принесла с собой этнополитических конфликтов и межгосудар-

ственной конфронтации. Потенциальная опасность COVID-19 для мира состоит не столько в какой-то особой «новизне», сколько в том, что пандемия стала дополнительным стресс-тестом для многих стран: она до предела заострила имеющиеся проблемы, подчеркнула уязвимость даже тех государств, которые претендуют на роль глобального гегемона. Казус США с их волнениями на расовой и социальной почве – самый яркий тому пример. Как бы то ни было, а наступление COVID-19 станет важным символом приближающегося третьего десятилетия нашего века. Даже в случае успешного применения вакцины против инфекции и купирования угрозы проблема останется с нами. И обращаться к ней по разным поводам придется еще не раз.

Уроки пандемии в контексте международных отношений – главная тема первого номера журнала «Международная аналитика» в 2020 году. Этот год – знаковый для нашего издания. Во-первых, мы отмечаем десятилетний юбилей. За это время журнал прошел путь от объемного ежегодника до междисциплинарного издания, посвященного актуальным проблемам международных отношений. Во-вторых, 2020 год станет годом перезапуска «Международной аналитики», которая из преимущественно институционального журнала станет ресурсом, где будут публиковаться исследователи из российских, зарубежных вузов и экспертно-аналитических центров. Планируя общую тему года, мы определили ее как «Вступление в новое десятилетие». Как видим, приближение к этому рубежу будет непростым. Наряду с традиционными политическими и экономическими вызовами мы столкнулись, если угодно, с «атипичными проблемами», не имеющими изначально социальных корней, но становящиеся социальными по своим последствиям.

В нашем издании наряду с изучением глобальных последствий пандемии мы уделили значительное внимание рассмотрению региональных ситуаций, ведь при анализе исключительно глобального измерения проблемы из поля зрения выпадают процессы, происходящие в отдельных странах и регионах. Между тем, без должного учета их нюансов выводы о глобальных последствиях COVID-19 будут, очевидно, грешить известным схематизмом.

В какой степени эпидемии влияют на историю человечества и есть ли в этом контексте какая-то особенная новизна у COVID-19? На этот вопрос отвечают в своей статье Николай Силаев и Николай Проценко. По их мнению, коронавирусная пандемия лишь напоминает, что «обуздание эпидемий исторически было побочным эффектом возникновения европейского государства Нового времени». Она же усиливает запрос на ценности «государственного суверенитета, национализма, экономического протекционизма», но это не означает, что подобный запрос будет существовать вечно.

Какое будущее есть у США, страны, по-прежнему претендующей на глобальную гегемонию, несмотря на множество признаков утраты былого влияния? Этому посвящена статья Андрея Коробкова. Автор утверждает, что ответ на этот вопрос усложняет кампания по выборам президента, провоцирующая поляризацию страны. Все это происходит на фоне острого кризиса национального здравоохранения, а также роста напряженности в отношениях с Китаем, притом что Вашингтон не забывает о таких своих проблемных партнерах, как Россия или Иран.

Ситуация с другого «полюса», китайско-американского противостояния, представлена в статье Василия Кашина, Вероники Смирновой и Ивана Аксенова. Она фокусируется на информационно-политическом измерении эпидемического кризиса в КНР. С точки зрения авторов, «несмотря на относительный успех предпринятых мер, ситуация в самом Китае остается напряженной: перед ним встают задачи по недопущению повторной вспышки инфекции и по восстановлению экономики уже в условиях информационного и экономического давления со стороны США».

Последствия «коронакризиса» для Италии рассмотрены в работе Елены Масловой. Пандемия в этой стране не открыла, но обострила евроскептицизм. Интересным событием в этом контексте стала военно-медицинская помощь Италии со стороны России, несмотря на то, что Рим участвует в антироссийских санкциях и является стратегическим союзником Вашингтона, членом НАТО. В статье анализируются несколько уровней влияния пандемии на итальянскую политику (национальный, общеевропейский и международный).

Воздействию COVID-19 на постсоветское пространство посвящены статьи Азата Ахунова, а также Александра Искандаряна и Гранта Микаеляна. В первом случае разбирается ситуация в Центральной Азии, а во втором – в Закавказье. Авторы предоставляют широкую палитру методов реагирования на наступление коронавируса. Очевидно, что в обоих регионах Евразии власти различных государств выбирали разную стратегию от отрицания до введения режима чрезвычайного положения и комендантского часа. И в обоих же регионах борьба с эпидемией ярче подчеркнула коллизии между участием в интеграционных объединениях и следованию собственным национальным интересам.

Насколько пандемия может обострить вооруженный конфликт? И способна ли она поставить гуманитарные соображения выше интересов воюющих сторон. На эти темы размышляют Максим Сучков и Сим Так на примере конфликта в Сирии. С их точки зрения, влияние COVID-19 на военное противостояние носит двойственный характер. С одной стороны, оно позволяет Дамаску расширить зону контроля, а с другой – нормализовать отношения с международным сообществом в виду сложных эпидемиологических последствий.

Ближневосточный регион в контексте санитарно-эпидемиологических угроз рассматривается также в статье Григория Косача. В его статье анализируется не только последствия COVID-19, но также и эпидемий A/H1N1 и MERS. Автор рассматривает их как своеобразный ускоритель реформ, происходивших в Саудовской Аравии после 2009 года. Наряду с тем, что всякая эпидемия приносит дополнительные риски и угрозы, в саудовском случае санитарно-эпидемиологические вызовы подталкивали власти к серьезным трансформациям, делающим страну более современной и открытой миру.

В следующих номерах мы продолжим обсуждение различных аспектов темы «Вступая в новое десятилетие». И анализ воздействия COVID-19 на международную политику останется в фокусе внимания нашего обновленного журнала.

С.М. Маркедонов, главный редактор

Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу

Силаев Николай Юрьевич Проценко Николай Петрович

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-11-26>

АННОТАЦИЯ

Обуздание эпидемий исторически было побочным эффектом возникновения европейского государства Нового времени, и пандемия коронавируса напоминает об этом. Она усиливает ранее сформировавшийся тренд на рост ценности государственного суверенитета, национализма, экономического протекционизма. В то же время, в последние десятилетия эволюция систем здравоохранения в направлении дерегулирования, опоры на рыночные механизмы и уменьшения государственного вмешательства была одним из самых выразительных свидетельств демонтажа государства модерна. Разворачивающийся кризис ставит в повестку дня перспективу возвращения Нового времени с его острыми социально-политическими конфликтами, противоборством государств при возрастающем неравенстве игроков международной системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*Европа, модерн, государство, эпидемия, коронавирус,
национальная система здравоохранения, капитал*

За последние десятилетия как минимум в двух книгах по макроистории, имевших массовый успех, – «Эпидемиях и народах» У. Макнилла¹ и «Ружьях, микробах и стали» Дж. Даймонда² – доказывалось, что болезнетворные микроорганизмы в огромной, а иногда и в решающей степени влияли на историю человечества. В этой перспективе коронавирусная пандемия не представляет что-то принципиально новое. Однако, как объясняет Дж. Даймонд в своей другой, не менее популярной книге «Коллапс»³, далеко не всякую угрозу, даже очень опасную, общество в состоянии вовремя различить. Жители развитых стран давно привыкли смотреть на эпидемии как на вещи, которые происходят «не с нами» – во многом потому, что, как подчеркивает У. Макнил в предисловии к своей книге, они являются представителями «привычного к инфекционным заболеваниям общества, где сравнительно высокий уровень иммунитета к известным инфекциям очень быстро заглушает любую вспышку уже знакомых эпидемий»⁴. Вероятно, именно поэтому первая реакция британской и американской прессы на COVID-19 сводилась к несколько брезгливому описанию китайских пищевых привычек и несовершенств национальной системы здравоохранения КНР. История о том, как в Совете национальной безопасности США в 2018 г. был расформирован комитет по эпидемическим рискам⁵, достойна пополнить список даймондовских примеров неадекватной реакции на неизбежную, как теперь уже ясно, угрозу.

Первый итог пандемии состоит в том, что и правительства, и публика осознали, «это происходит с нами». Как бы ни мутировал вирус в ближайшие месяцы или годы, институциональная память об этом событии окажется прочной и заставит большинство правительств учитывать эпидемические угрозы в своем планировании и политическом курсе. Цель этой статьи в том, чтобы оценить сегодняшнюю ситуацию в широкой исторической перспективе и наметить вероятные направления, по которым вирус (не в первый раз в человеческой истории) изменит мир.

С опорой на работы У. Макнилла и терминологию И. Валлерстайна («мир-система»)⁶ авторы показывают, что кризис глобализации, продемонстрированный распространением вируса и реакцией на него национальных государств, поставил на повестку дня вопрос о «возвращении Левиафана»: государства «высоких стен» и всеохватывающего контроля за жизнью своих граждан. Структурно работа состоит из трех элементов: вначале авторы определяют, что такое «Левиафан», называя его классическим государством эпохи модерна; во второй части на примере эволюции системы здравоохранения Великобритании авторы демонстрируют, как она претерпевала изменения в эпоху глобализации и открытости рынка и рассуждают о том, можно ли назвать такую систему эффективной в нынешних условиях. Наконец, в третьей части авторы задаются вопросом, оправдано ли говорить, что новый коронавирус заставит многие государства «вернуться в модерн».

1 McNeill 1998.

2 Diamond 2017.

3 Diamond 2005.

4 McNeill 1998, 3–4.

5 “Top White House official in charge of pandemic response exits abruptly.” Washington Post, May 10, 2018, accessed May 27, 2020, <https://www.washingtonpost.com/news/to-your-health/wp/2018/05/10/top-white-house-official-in-charge-of-pandemic-response-exits-abruptly/>.

6 См. подробнее: Валлерстайн 2015, 7–11.

Порядок бьет класс: государство и эпидемии

Преодоление прежде разрушительных эпидемий лишь частично было заслугой ученых и врачей. Сейчас, как и во времена холеры, запершей А.С. Пушкина в Болдине, основная противоэпидемическая мера, без которой бессмысленны все остальные, это карантин. Но эффективное поддержание карантина зависит не от качества здравоохранения, а от наличия организации, способной следить за его соблюдением, то есть государства. История Европы неразрывно связана с борьбой с эпидемиями. История европейской системы государственного управления – тоже. Так, на примере борьбы Европы Средневековья и Нового Времени с чумой, проказой и оспой французский философ и историк М. Фуко по сути демонстрирует, как в системе властных институтов возникали необходимые стимулы не просто вести «бинарное разделение» на прокаженных и не прокаженных, но и формировать «систему юридических законов, регламентов, религиозных предписаний» для борьбы с болезнями¹. Позднее регуляционные управленческие механизмы подкреплялись статистическими данными, в XVIII веке к карантинным мерам стали добавлять практики прививок. Иными словами, знаменитая «тройка» М. Фуко «закон-дисциплина-безопасность» формировалась в европейских городах позднего Средневековья в ответ на новые вызовы, включая эпидемиологические.

Сокращение масштабов потерь, вызванных эпидемиями, в Европе Нового времени было связано не столько с ростом медицинских, в частности, эпидемиологических, знаний (до середины XIX века они лишь незначительно превышали таковые времен «Черной смерти»), сколько с появлением абсолютистских государств с регулярными армиями, способными поддерживать порядок на обширных территориях. Исторически основной функцией государства модерна было ведение войн. Управленческий аппарат и экономическая (в частности, налоговая) политика государства модерна во многом формировались исходя из необходимости финансирования постоянно растущих военных расходов. Как отмечает И. Валлерстайн, с того момента, когда у государств благодаря появлению избыточных денежных средств снизилась стоимость административного аппарата, необходимого для сбора налогов, возможно, наиболее важной статьей расходов этого излишка стало создание постоянных армий².

В качестве производных от задач ведения массовой войны можно рассматривать многие виды инфраструктуры, созданные государством модерна, включая транспортную, образовательную (как было отмечено О. Пешелем, «сражение при Садове выиграл прусский учитель») и национальные системы здравоохранения. Преодоление эпидемий, которые уносили миллионы человеческих жизней на протяжении столетий, было прежде всего заслугой государства модерна. Примеры могут быть многочисленными – от ключевой роли армий в обеспечении карантинов до изобретения пенициллина для военных нужд.

Победу над самым опасным инфекционным заболеванием в истории человечества – чумой – можно считать одним из результатов рационализации всех

1 Foucault 2009, 22-25.

2 Валлерстайн 2015, 167.

аспектов общественной жизни, случившейся в эпоху модерна. Ранние свидетельства эпидемий чумы наполнены подлинным ужасом и ощущением безысходности – таковы описания Юстиниановой чумы середины VI века у византийского историка Прокопия Кесарийского. Однако после того, как чума стала эндемичным для Европы заболеванием начиная с XIV века, меры по ее предотвращению подвергаются рационализации и рутинизации даже при отсутствии научного понимания механизма распространения инфекции, которое появилось в самом конце XIX века. Первые системные карантинные меры против чумы были предприняты в адриатическом порту Рагуза (Дубровнике) в 1465 г., в 1485 г. такой же режим был введен в Венеции, а затем 40-дневный карантин для всех прибывающих кораблей стал применяться систематически в большинстве средиземноморских портов.

Еще в XVII веке чума регулярно посещала европейские города, но уже вскоре Европа одержала над ней практически полную победу: последняя значимая эпидемия чумы на этом континенте произошла в Марселе и окрестностях в 1720 – 1722 гг. Исходя из исторических свидетельств, можно говорить о принципиальной роли государства в этих событиях. Для организации борьбы с эпидемией в Марсель была направлена делегация медиков, парламент Экс-ан-Прованса принял пакет чрезвычайных мер, включая строительство стены вокруг Марселя, пересечение которой каралось смертной казнью. Благодаря ускорению коммуникаций, достигнутому к тому времени, информация о чуме в Марселе быстро распространилась по всей Европе и способствовала принятию превентивных мер во многих странах, включая Россию – в частности, был запрещён заход любых французских судов во все российские порты.

Системная борьба с эпидемиями была неразрывно связана с военными функциями государства модерна, в том числе потому, что одним из главных очагов возникновения и распространения инфекционных заболеваний были вооруженные силы. Внезапные эпидемические вспышки не раз нарушали военные планы государств, в связи с чем развитие медицины и санитарных правил постепенно получало всемерную поддержку монархов.

«Взаимоотношения между политической историей Европы и состоянием здоровья профессиональных постоянных армий и флотов заслуживает большего внимания, чем историки обычно посвящали этому вопросу, – констатирует У. Макнил¹. – Очевидно, что подъем абсолютизма на европейском континенте зависел от наличия хорошо подготовленных армий для воплощения воли суверена, а сохранение таких армий, в свою очередь, зависело от разработки правил санитарии и личной гигиены, которые сокращали потери от эпидемических заболеваний до относительно незначительных масштабов зимой и летом, в полевых условиях и на квартирах».

Подобные практики стали нормой в XVIII веке. Пионером военной медицины выступила Франция, которая на тот момент воплощала в себе эталонные черты государства модерна. В начале XVIII века французская королевская администрация открыла первые военные госпитали и медицинские училища, благодаря кото-

1 McNeill 1998, 238.

рым военное здравоохранение приобрело без преувеличения индустриальный размах. Массовая вакцинация французской армии от оспы в 1798 г. состоялась всего через два года после того, как этот метод был изобретен Э. Дженнером, что стало, по мнению У. Макнила, принципиальным фактором расширения масштабов сухопутных кампаний в Наполеоновскую эпоху.

От защиты от эпидемий солдат, отмечает У. Макнил¹, был всего один шаг к медицинскому регулированию общественной жизни в целом. Шеститомный труд «Система всеобщей медицинской полиции» (1779 – 1819) немецкого врача И. Франка, считающегося основателем социальной гигиены как отдельной научной дисциплины, привлек огромное внимание со стороны правителей и правительственных чиновников, признававших, что количество и сила их подданных являются фундаментальным компонентом государственной власти. После публикации первых трех томов своей работы И. Франк стал одним из самых востребованных профессоров в европейских университетах: он преподавал в городах Геттингене, Павии, Вене, Вильно, а в 1805 – 1808 гг. был ректором и руководителем кафедры Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, а также лейб-медиком императора Александра I.

Следующая масштабная европейская эпидемия – холера 1830 – 1840-х гг. – способствовала дальнейшему формированию государственных институтов здравоохранения в Европе. В 1848 г., когда очередная вспышка холеры совпала с общеевропейским экономическим и политическим кризисом, парламент Великобритании оперативно санкционировал учреждение Генерального совета здравоохранения, разработавшее значительные программы государственной санитарии, за которые ранее долгое время безуспешно выступали общественные деятели. Как отмечает У. Макнил², в тесном контакте с некоторыми из наиболее известных сторонников санитарной реформы эта организация использовала свои обширные правовые полномочия для ликвидации множества источников загрязнения в британских городах и селах и начала установку систем водоснабжения и канализации по всей стране. Хотя в самих системах канализации, добавляет У. Макнил, не было совершенно ничего нового – они были известны еще со времен Римской империи.

Британская санитарно-гигиеническая политика была быстро скопирована рядом других передовых государств модерна. В частности, в 1866 г. в связи с опасениями о неизбежности новой эпидемии холеры аналогичный совет по здравоохранению по образцу британского прототипа был создан в Нью-Йорке. Любопытный пример разных моделей взаимосвязи между эпидемической обстановкой и характером действий властей У. Макнил приводит для Германии. Гамбург, сохранявший в границах Германской империи статус свободного города, упорно откладывал дорогостоящие меры по развитию канализации и сильно пострадал от очередной эпидемии холеры в 1892 г., поскольку вода для его жителей бралась из Эльбы почти без обработки. Однако эта эпидемия практически не затронула находящийся буквально через улицу город Альтону, управлявшийся

1 McNeil 1998, 238.

2 Ibid, 240.

прусской администрацией, которая выделила бюджет на строительство станции по фильтрованию воды. Этот случай окончательно опроверг представления «миазматистов», утверждавших, что источником холеры являются воздух и земля, и ускорил системные меры по очистке городских систем водоснабжения от бактериологического загрязнения – после 1892 г. в европейских городах новых вспышек холеры практически не фиксировалось.

Дерегулирование как диагноз: пример Великобритании

Высшая точка развития государства модерна – наиболее полный и глубокий государственный контроль над всеми сторонами жизни общества – была достигнута в годы Второй мировой войны. Это несло в себе и предпосылки для кризиса подобного типа государства. В послевоенный период прежняя взаимосвязь войны и государственного строительства если не перестала работать полностью, то значительно ослабла. Ч. Тилли подчеркивал, что его теория возникновения государств не работает в послевоенном мире¹. К. Тайс доказывает, что между интенсивностью межгосударственных споров с применением военной силы и ростом налоговых доходов государства положительная взаимосвязь сохранялась и в послевоенную эпоху². Другие исследователи приводят примеры как глубокого кризиса государственных структур вследствие долговременной войны или военной угрозы (на примере СССР в Афганистане³), так и обратные примеры, когда война служила укреплению государственных структур (на примере США во Вьетнаме⁴). Но в целом новейшая история той части мира, которая освободилась от колониальной зависимости после Второй мировой войны, мало напоминает энергичное государственное строительство в Европе Нового времени. Послевоенный международный порядок практически исключил угрозу завоевания одного государства другим, в то время как в предшествующие столетия в Европе именно эта угроза была главным источником как военных, так и организационных инноваций, создавших в итоге современное государство.

Прекращение (или, по крайней мере, резкое сокращение) массовых войн привел государство модерна к кризису. Государство перестало взимать со своих граждан «налог кровью», в связи с чем необходимость поддержания созданных им дорогостоящих инфраструктур исключительно за счет государства если не отпала, то стала вызывать сомнения. Вызов государственному суверенитету как основе международного порядка, который активно обсуждается в последние десятилетия, объяснялся не только ростом влияния единственной сверхдержавы – США – и экспансией транснациональных корпораций и международных неправительственных организаций. Суверенитет оспаривался также изнутри государств по мере того, как последние сокращали масштабы своего контроля над обществом и степень ответственности за положение дел в тех сферах, которые прежде считались традиционными для вмешательства государства, включая здравоохранение.

1 Tilly 1992.

2 Thies 2004.

3 Reuveny, Prakash 1999.

4 Taylor, Botea 2008.

В «третьем мире», или в странах глобальной периферии, этот кризис выразился в том, что лишь немногие из принадлежащих к нему государств смогли создать бюрократические аппараты, по своей мощи и эффективности сопоставимые с европейскими и североамериканскими. В «развитом мире» этот кризис выразился в развертывании широких программ дерегулирования в тех областях, которые раньше поддерживались усилиями государства и находились в его монопольном контроле. С этой точки зрения, весьма поучителен опыт Великобритании, которая сначала создала, а затем почти демонтировала одну из самых совершенных систем здравоохранения в западном мире.

В 1948 г., когда Великобритания все еще пребывала в состоянии затяжной и сложной послевоенной реконструкции (в этом году ее государственный долг значительно превосходил 200% ВВП), британские граждане получили листовку, которая гласила: «5 июля начнет работу ваша новая Национальная служба здравоохранения. Что это такое? Как вы получите ее услуги? Она обеспечит вас любой медицинской, стоматологической и медсестринской помощью. Каждый – богатый или бедный, мужчина, женщина или ребенок – может воспользоваться любой ее составляющей». Как отмечает современный британско-американский экономист М. Маццукато, в основе Национальной службы здравоохранения (NHS/НСЗ), созданной в 1948 г. по инициативе министра здравоохранения Э. Бивена, лежали три ключевых принципа¹:

- удовлетворение потребностей каждого;
- бесплатное оказание услуг;
- упор на необходимости оказания клинической помощи вне зависимости от материальной возможности пациента заплатить за услугу.

За почти семьдесят лет своего существования НСЗ, отмечает М. Маццукато, стала одной из самых эффективных и справедливых систем здравоохранения в мире, что было признано Всемирной организацией здравоохранения. В Великобритании она считается национальным достоянием, занимающим место в пантеоне страны вместе с группой Queen и Британской вещательной корпорацией (BBC). Кроме того, НСЗ является одной из самых малозатратных систем здравоохранения в экономически развитых странах: в соответствии с данными ОЭСР на 2015 г., расходы на здравоохранение в Великобритании составляли лишь 9,9% ВВП, или примерно половину от того, что тратится на эти цели в США (16,9% ВВП) с их гораздо менее эффективной получастной системой здравоохранения².

«Большинство прошлых успехов НСЗ объясняется ее общественной миссией и принципом универсальности, который трансформируется в эффективное централизованное предоставление услуг здравоохранения, ориентированное на сокращение транзакционных издержек. Граждане Великобритании неоднократно признавали значимость государственного статуса этой системы: в настоящее время 84% британцев считают, что она должна функционировать в рамках государственного сектора³. Даже премьер-министр М. Тэтчер во время конфе-

1 Mazzucato 2018, 253. В российской печати издание выходит в Издательском доме НИУ ВШЭ в пер. Н.П. Проценко.

2 "Health Status – Key Indicators," OECD.Stat, accessed May 30, 2020, http://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode=HEALTH_STAT.

3 Will Dahlgreen, "Nationalise energy and rail companies, say public," YouGov, November 4, 2013, accessed May 28, 2020, <https://yougov.co.uk/news/2013/11/04/nationalise-energy-and-rail-companies-say-public/>.

ренций Консервативной партии 1982 г. утверждала, что «Национальную службу здравоохранения мы не тронем», временно отказавшись от планов ее прямой приватизации¹.

Однако с принятием в 1990 г. в Великобритании закона о Национальной системе здравоохранения и муниципальной медико-социальной помощи в британскую систему здравоохранения началось последовательное внедрение элементов частного оказания услуг. Менеджмент НСЗ и служба ухода за пациентами были вынуждены действовать в качестве части «внутреннего рынка»: «Руководители здравоохранения и врачи общей практики становились автономными покупателями услуг в условиях ограниченных возможностей бюджета. Больницы были преобразованы в самоуправляемые филиалы НСЗ, а их ресурсы стали зависеть от контрактов, оговоренных с заказчиками. В качестве первого элемента аутсорсинга также вводилась передача выполнения услуг подрядчикам, предлагающим наименьшую цену, при этом НСЗ постепенно отходила от своей роли инстанции, оказывающей услуги, и становилась обычным их потребителем»².

Начиная с 1992 г. в процесс аутсорсинга в рамках предложенной кабинетом министров Дж. Мейджора доктрины «Частной финансовой инициативы» (ЧФИ – далее) также было вовлечено строительство больниц НСЗ. На базе ЧФИ компаниям было позволено строить больницы, которые затем сдавались в аренду НСЗ по весьма высокой цене. Механизм ЧФИ широко использовался и кабинетами «новых лейбористов» для экономии на инфраструктурных инвестициях³.

При премьер-министре Т. Блэре, который изначально стремился преодолеть ошибки своих неолиберальных предшественников, британское здравоохранение было подвергнуто очередному раунду «оптимизации». На первый взгляд, расходы на здравоохранение росли: в течение пяти лет начиная с 2002 г. они были увеличены на 50% в реальном выражении. Однако «залить деньгами» данную систему не удалось, поскольку при этом, как указывает норвежско-британский политолог С. Ринген, были допущены две серьезные ошибки: «Правительство переоценило эффективность лечебных мероприятий, на которые и пришлась большая часть расходов, и недооценила потребность в мероприятиях по стимулированию здорового образа жизни и профилактике заболеваний, оставшиеся практически без поддержки. Более того, расходы на лечебные цели были увеличены слишком резко и слишком скоро»⁴.

Почему в ответ на увеличение выделяемых средств врачи стали работать менее эффективно? Ответ, по мнению С. Рингена, заключается в отношении правительства к специалистам: «Оно уделяло излишне много внимания формальным показателям, индикаторам эффективности, рейтингам и т. п. Если бы вы спросили любого специалиста в системах здравоохранения и образования, что он обо всем этом думает, вы устали бы выслушивать его жалобы о навязанных показателях, мониторинге, заполнении документов и анкетировании»⁵.

1 Mazzucato 2018, 254.

2 Ibid.

3 Ibid.

4 Ringen 2013, 51–52.

5 Ibid.

Крайне неэффективным, по оценке М. Маццукато, оказалась и система аутсорсинга, внедряемая в деятельность НСЗ, особенно после того, как закон о здравоохранении и социальной помощи 2012 г. де-факто отменил второй исходный принцип НСЗ, введя сборы с потребителей медицинских услуг и основанную на страховании систему, напоминающую американскую модель здравоохранения, где издержки и риски ложатся на пациентов, которые теперь оказываются клиентами на рынке предоставления медицинских услуг. Реформа также привела к еще большему увеличению аутсорсинга во многих различных сферах, таких как уборка помещений, управление инфраструктурой, услуги врачей общей практики «вне обычных рабочих часов», диспансеризация и т. д.

В итоге сложившуюся в британском здравоохранении ситуацию М. Маццукато описывает следующим образом¹: «Вся система передачи контрактов на аутсорсинг оказывала искажающее воздействие на деятельность персонала НСЗ. Врачи, медсестры, менеджеры и полчища консультантов и юристов проводят дни напролет, готовя различные торги, конкурсы и контрактные подряды вместо того, чтобы обеспечивать уход за пациентами».

Возвращение Левиафана

Пандемия коронавируса потребовала от государств исполнения функций, заложенных эпохой модерна: организации и поддержания карантинных мер, предоставления массовой медицинской помощи, мобилизации необходимых для этого ресурсов. Хотя в полной мере оценить готовность различных государств к пандемии пока невозможно, последние месяцы продемонстрировали как успехи государств в обеспечении карантинных мер (Китай, Южная Корея), так и масштаб атрофии ряда их функций, где остановить распространение пандемии своевременно не удалось (Италия). По мере того как появится полная статистика, будут проясняться и различия в реакции систем эпидемического контроля и здравоохранения. Но уже сейчас можно с уверенностью предположить, что сохранение потенциальной установки государства на тотальный контроль создавало тот скрытый запас прочности, который оказался востребован в чрезвычайной ситуации, спрогнозировать которую было либо невозможно, либо вероятность её наступления трактовалась как незначительная.

Бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер в комментарии, написанном в начале апреля 2020 г., назвал возвращение архетипа государства как города, окруженного стенами, в эпоху, когда благосостояние зависит от глобальной торговли и свободного передвижения людей анахронизмом². Вполне разделяя его историческую интуицию – государство возвращается в свое, казалось бы, устаревшем облике закрытых границ и карантинных патрулей – мы в то же время не можем согласиться с оценкой этого как временного отступления с магистрального пути глобализации.

Р. Ниблет, глава британского аналитического центра *Chatham House*, напротив, полагает, что архитектура глобального экономического управления атро-

1 Mazzucato 2018, 254–255.

2 Henry A. Kissinger, “The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order,” *The Wall Street Journal*, April 3, 2020, accessed May 28, 2020, <https://www.henryakissinger.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order/>.

фируется, если у национальных лидеров не будет политической воли ее поддерживать¹. Р. Хаас на страницах журнала *Foreign Affairs* утверждает, что кризис, вызванный распространением коронавируса, нельзя считать поворотным пунктом мировой политики: он лишь сделал более рельефными тенденции, которые были заметны и раньше, а именно меньше американского лидерства, меньше международного сотрудничества, больше разлада между великими державами². Возвращаясь к метафоре Г. Киссинджера, можно сказать, что город стали обносить стенами еще до того, как пришла чума.

Экономический национализм и протекционизм дали себя знать еще после прошлого кризиса 2008 – 2009 гг. Текущий кризис добавляет к ним новые оттенки. В начале пандемии правительства множества стран, в том числе крупнейших и экономически развитых, столкнулись с физическим дефицитом необходимых медицинских изделий. Подобные обстоятельства подталкивают их к разворачиванию соответствующих производств на собственной территории, а также к автаркии: чем длиннее цепочки поставок товаров, комплектующих и больше национальных юрисдикций в них задействовано, тем больше риск дезорганизации в ситуациях, подобной нынешней. Таким образом, промышленный протекционизм, вернувшийся на сцену в середине 2010-х гг., обретает связь с безопасностью, причем еще более прочную, чем это было после прошлого экономического кризиса.

«Возвращение Левиафана» непохоже на триумфальное шествие. Государствам предстоит поиск ответов на возникающие социальные вызовы, которые хоть и предсказывались ранее, но в реальности в таком масштабе еще не возникали. Коронавирус создал нетипичную для государства модерна коллизию в экономической сфере, на неопределенное время фактически обнулив его важнейшую установку – рост ВВП. При сохранении жесткого карантина в течение нескольких месяцев обеспечение роста как глобальной экономики, так и экономик отдельных стран окажется невозможным: на первый план выйдет решение задач элементарного выживания, что, собственно, уже и происходит в ряде стран. Дискуссия о ценности и качестве экономического роста, которую в последние годы пытались инициировать самые разные силы, от «зеленых» до представителей современной монетарной теории³, в результате может оказаться бессмысленной, поскольку новой ценностью станет сохранение базовых средств к существованию, и основные рычаги решения этой задачи вновь окажутся в руках государства.

В конечном итоге речь идет о структурной перестройке экономики в соответствии с новыми вызовами, поскольку реалии постиндустриального общества, с одной стороны, оказались совершенно несоответствующими ожиданиям, а с другой стороны, экономика этого типа оказалась слишком уязвимой для непредвиденных рисков: внезапное обрушение сервисного сектора элементарно

1 "How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic," *Foreign Affairs*, March 20, 2020, accessed May 28, 2020, <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/>.

2 Richard Haas, "The Pandemic Will Accelerate History Rather Than Reshape It," *Foreign Affairs*, April 7, 2020, accessed May 28, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it>.

3 Modern monetary theory (MMT – далее), современная монетарная теория рассматривает деньги как продукт, монополично производимый государством, в связи с чем сторонники ММТ призывают к более активной роли государства в экономической и финансовой политике. Ключевые авторы ММТ: У. Митчелл, Л. Рэй и М. Уоттс.

оставило миллионы людей без средств к существованию. Идея базового безусловного дохода в этой ситуации обретает определенную актуальность, однако одновременно потребуются налаживать новые модели производства, распределения, контроля и т. д., которые еще только предстоит выработать.

Сможет ли государство решить эти задачи структурной перестройки всей экономики, неясно. Проблема требует незамедлительных действий, особенно учитывая все риски, источником чего выступает так называемый прекариат – «новый опасный класс», который в условиях развала сложившихся рынков может выступить разрушителем государства. Как всемирная пролетарская революция 1917 г. возникла из кризиса, порожденного Первой мировой войной, так и глобальная субпролетарская революция может быть порождена ситуацией с коронавирусом. Надвигающиеся симптомы этой революции были налицо задолго до нынешнего кризиса: от ИГИЛ¹ до французских «желтых жилетов». А поскольку современная теория революций учит нас, что революция – это прежде всего распад государства, порядок рисков в ситуации, когда многие государства демонстрируют свою дисфункциональность, совершенно очевиден. До недавнего времени прекариату определенно не хватало организационных ресурсов, но процессы его самоорганизации могут резко возрасти в условиях, когда ряды «нового опасного класса» стремительно расширятся.

Ранние теоретики постиндустриализма предполагали, что в рамках этой парадигмы произойдет формирование «общества двух третей»², то есть общества, в котором будет преобладать средний класс. Однако в действительности наиболее эффективным стимулом для расширения доли среднего класса в ядре капиталистической мир-системы было наличие альтернативы в виде той модели государства всеобщего благосостояния, которую пытался внедрять СССР, формируя нечто вроде собственной мир-системы. Поэтому с распадом СССР и социалистического лагеря стала набирать ход противоположная тенденция – к усилению неравенства как внутри отдельных обществ, так и на межгосударственном уровне.

«Дискуссии о неравенстве в Америке часто фокусируются на растущем разрыве между нижними 99% и верхним 1%. Однако увеличился и другой разрыв – между верхними 20% и всеми остальными, и эти тенденции будут резко усилены нынешним кризисом. В последние десятилетия доходы богатейших 20% американцев выросли существенно выше, чем тех, кто находится ниже в иерархии доходов. В ходе этого кризиса большинство этих людей будут иметь стабильные заработки, а все необходимое будет доставляться им до дверей», – констатирует один из ведущих американских политологов Т. Скочпол³, давая понять, что вместо общества «победившего среднего класса» постиндустриализм привел к формированию чего-то принципиально противоположного.

Если в результате нынешнего кризиса возобладает описанная выше модель «20/80», то мировая система определенно сдвинется в направлении гораздо большего неравенства как между ее игроками, так и в каждом отдельном социуме.

1 ИГИЛ – группировка «Исламское государство Ирака и Леванта», запрещенная в России.

2 Amoroso 1998, 73.

3 Theda Skocpol, "The inequality gap will widen," Politico, March 19, 2020, accessed May 28, 2020, <https://www.politico.com/news/magazine/2020/03/19/coronavirus-effect-economy-life-society-analysis-covid-135579>.

В таком случае тенденция к формированию посткапитализма, или гиперкапитализма, хорошо заметая еще задолго до коронавируса, станет доминирующей, и применение инструментов т. н. «биополитической власти»¹ может оказаться важным аспектом ее функционирования. Представители богатых 20% смогут организовать свою жизнь в соответствии с высокими стандартами «биобезопасности» (например, создав собственные анклав, откуда они смогут осуществлять дистанционное управление различными процессами), для оставшихся же 80% местом обитания станут мегаагломерации с ужесточенными мерами контроля, уже активно внедряемыми, например, в Китае (в Синьцзян-Уйгурском регионе). Возможны и новые неожиданные альянсы: «креативный класс» может стать на сторону государства, поскольку его трудовые возможности работать дистанционно в новых условиях становятся именно классовой чертой.

Таким образом, кризис выносит на первый план проблему социального неравенства, которую государству предстоит так или иначе решать. Следовательно, вопрос о том, есть ли будущее у капитализма, становится еще более актуальным. Этот вопрос прямо связан с проблемой исчерпания экологической ниши человечества, которая не раз становилась причиной глобальных системных кризисов: в VI–VIII (Юстинианова чума), XIV (время «Черной смерти»), XVII (Тридцатилетняя война) веках. Пространственное развитие капитализма последних десятилетий содержит в себе очевидный парадокс: с одной стороны, капитализм действительно стал глобальным, капиталистическая мир-система распространилась на весь мир, но, с другой стороны, человечество стало все больше концентрироваться в мегаагломерациях, что напоминает именно об ограниченной емкости экологической ниши, основанной на постиндустриальной модели. Новые структуры расселения должны соответствовать новой структуре экономики, но ее еще только предстоит создать.

Структурная перестройка экономики будет особенно тяжелой для государств, ориентированных на экспорт – эта новая структура определенно будет в гораздо большей степени ориентирована на протекционизм, причем сопряженный в первую очередь с обеспечением национальной безопасности и безопасности элит. Этому будет способствовать как нарастающее напряжение на рынке труда, так и необходимость создания стратегических резервов – от продовольствия до медикаментов. Появление структур наподобие Госплана в этой обстановке неизбежно – никто, кроме государства, не сможет взять на себя затраты на формирование новых инфраструктур. Государствам придется брать на себя гораздо большую ответственность, чем прежде, и это также будет способствовать нарастанию разрыва в мощи отдельных стран – справиться с новыми задачами смогут далеко не все. Индустриализированные страны с развитыми внутренними рынками имеют по определению больше шансов, однако новые конфликты за рынки неизбежны, поскольку производство большого количества товаров по-прежнему будет зависеть от доступности технологий.

Упомянутая выше установка на тотальное управление, совершенно уместная в военное время, выглядит исключительно проблематичной в мирных усло-

1 См. подробнее: Foucault 2008.

виях. Между тем многие ограничения, вводимые государствами в период угроз национальной безопасности, имеют тенденцию не просто сохраняться, но и расширяться после того, как эти риски нивелированы (можно вспомнить, например, корреляцию между террористическими актами в США 11 сентября 2001 г. и последующим глобальным ростом рынка систем слежения). Какие из теперь введенных ограничений сохранятся после того, как коронавирус будет взят под контроль, пока можно только гадать.

Широко применяемые практики цифрового контроля за соблюдением карантинных мер породили дискуссию о том, в какой мере эти практики могут подорвать демократические институты Запада и как возможен либеральный электронный надзор за гражданами¹. В целом движение в направлении большего неравенства будет, скорее, способствовать расширению практик цифрового контроля, наращивая тем самым информационную асимметрию между избирателями и элитами.

Вместо заключения: международные сдвиги

Перед болезнью все равны, но эффект пандемии распределяется неравномерно. Если предполагать вслед за И. Крастевым, что в возникновении сегодняшней ситуации будут винить глобализацию², то трудно также не заметить, что в наибольшей мере страдают ключевые узлы глобальных коммуникаций, как во время средневековых эпидемий страдали в первую очередь торговые города. Нью-Йорк – очевидный пример. В то же время способность государств справиться с пандемией и ее экономическими последствиями становится фактором их международного влияния.

Американская гегемония была подорвана еще кризисом 2008 – 2009 гг. Сейчас более чем десятикратный разрыв между США и Китаем по числу погибших от пандемии очевиден. Китай, раньше других крупных стран объявивший о победе над инфекцией и развернувший собственные программы международной помощи, давно не получал такого дипломатического преимущества. В то же время немало государств оказались практически недееспособными. Страны со слабыми экономиками, неэффективными государственными институтами, зависимые от зарубежных инвестиций и рынков труда, переживают «идеальный шторм». Один из очевидных примеров – это Украина. Страна переживает пандемию, массовое возвращение граждан, работавших за рубежом, экономический кризис, связанный с карантинными мерами и истощением потока денежных переводов из-за границы. При этом состояние бюджета страны не позволяет оказать сколь угодно серьезную помощь экономике.

Усиление разрыва между сильными и слабыми создает для первых множество соблазнов – от более агрессивной внешней политики до отказа от долговых и прочих обязательств, которые под предлогом чрезвычайных обстоятельств можно будет объявить утратившими силу. Подобные примеры в истории не

1 Nicholas Wright, "Coronavirus and the Future of Surveillance," *Foreign Affairs*, April 6, 2020, accessed May 29, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-04-06/coronavirus-and-future-surveillance>.

2 Крастев, И. Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa/> (дата обращения: 28.05.2020).

трудно найти. Отказ США от принципов Бреттон-Вудской системы, став одним из «сигнальных», в терминологии Дж. Арриги¹, кризисов для гегемонии США, лишь усилил глобальную долларовую систему, приведя к резкому ускорению инфляции во многих странах и притоку свободных капиталов в экономику США. Удастся ли США повторить нечто подобное сейчас, неизвестно, но такой вариант развития событий исключать нельзя, как и серии суверенных и корпоративных дефолтов. В то же время Китай вряд ли позволит «выскочить» из созданной им же долговой системы странам бывшего «третьего мира». Эта система, скорее всего, расширится, особенно учитывая то, что Китай уже заявляет о готовности помочь многим странам в борьбе с коронавирусом.

При этом далеко не исчерпан потенциал экономического конфликта между США и Китаем, который в новых условиях может вылиться уже в формирование конкурирующих глобальных сетей, основанных на политических и силовых балансах, нацеленных на противодействие новому всеобщему кризису. Уже наметившийся тренд на эрозию ранее прочных межгосударственных союзов может получить новый импульс. Система международных институтов, сформировавшихся после Второй мировой войны и получившая подобный импульс, проявившийся в десятилетиях глобализации, оказывается перед вызовом, с которым не сталкивалась раньше.

1 Arrighi 1994.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Предисл. Г.М. Дерлугьяна, пер. с англ., литер. редакц., комм. Н. Проценко, А. Черняева. – М: Русский фонд содействия образованию и науке, – 2015. – 552 с. [Wallerstein I. *Mir-sistema Moderna*. Tom I. *Kapitalisticheskoe sel'skoe khozyaistvo i istoki evropeiskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century] / preface by G.M. Derlug'yan, eds. N. Protsenko, A. Chernyaeva. – Moscow: Russian Foundation for education and science, – 2015. – 552 p.] [in Russian]
- Amoroso, Bruno. *On Globalization*. London: Palgrave Macmillan UK, 1998. doi:10.1057/9780230286986.
- Arrighi, Giovanni. *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times*. London: Verso, 1994.
- Diamond, Jared. *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. London: Penguin Books Ltd., 2005.
- Diamond, Jared. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. London: W.W. Norton & Company, 2017.
- Foucault, Michel. *Security, Territory, Population*. Edited by Michel Senellart, François Ewald, and Alessandro Fontana. London: Palgrave Macmillan UK, 2009. doi:10.1057/9780230245075.
- Foucault, Michel. *The Birth of Biopolitics*. Edited by Michel Senellart, François Ewald, and Alessandro Fontana. London: Palgrave Macmillan UK, 2008. doi:10.1057/9780230594180.
- Glottz, Peter. *The Two-thirds Society*. International Metalworkers' Federation.
- Mazzucato, Mariana. *The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy*. London: Allen Lane, 2018.
- McNeill, William H. *Plagues and Peoples*. New York: Anchor Books Doubleday, 1998.
- Reuveny, Rafael, and Aseem Prakash. "The Afghanistan War and the Breakdown of the Soviet Union." *Review of International Studies* 25, no. 4 (October 1, 1999): 693 – 708. doi:10.1017/S0260210599006932.
- Ringen, Stein. *Nation of Devils: Democratic Leadership and the Problem of Obedience*. New Haven; London: Yale University Press, 2013.
- Taylor, Brian D., and Roxana Botea. "Tilly Tally: War-Making and State-Making in the Contemporary Third World." *International Studies Review* 10, no. 1 (March 2008): 27 – 56. doi:10.1111/j.1468-2486.2008.00746.x.
- Thies, Cameron G. "State Building, Interstate and Intrastate Rivalry: A Study of Post-Colonial Developing Country Extractive Efforts, 1975-2000." *International Studies Quarterly* 48, no. 1 (March 2004): 53 – 72. doi:10.1111/j.0020-8833.2004.00291.x.
- Tilly, Charles. *Coercion, Capital and European States, A.D. 990 – 1992*. Cambridge, MA: Wiley-Blackwell, 1992.

Сведения об авторах

Силаев Николай Юрьевич,

ведущий научный сотрудник Института международных исследований,

МГИМО, Москва, Россия,

e-mail: nikolai.silaev@gmail.com

Проценко Николай Петрович,

экономический обозреватель, переводчик труда И. Валлерстайна «Мир-система Модерна»,

Москва, Россия,

e-mail: npr79@yandex.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 8 мая 2020. Принята к публикации: 1 июня 2020.

Цитирование

Силаев, Н.Ю., Проценко, Н.П. Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (1). – С. 11-26.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-11-26>

Back into Modernity? COVID-19 Returns Nation-State to Its Original Nature

ABSTRACT

From a historical perspective, the curbing of epidemics was the collateral effect of emerging European Modern states. The current COVID-19 pandemic reminds that. It supports the broad international tendency to strengthen state sovereignty, nationalism, and economic protectionism. Meanwhile, in recent decades health care systems around the world have been evolving toward deregulation, use of market mechanisms, and decrease of state interventions, and it was one of the most salient evidence that Modern state is being deconstructed. The current crisis puts forward the prospect that Modern comes back with the following social conflicts, interstate rivalry, and growing power inequality between the international system actors.

KEYWORDS

Europe, Modern, nation-state, epidemic, coronavirus, national health system, capital

Authors

Nikolay Yu. Silaev,

Leading research fellow at the MGIMO Institute for International Studies,
Moscow, Russia,

e-mail: nikolai.silaev@gmail.com

Nikolay P. Protsenko,

Economic observer, translator of I. Wallerstein's work "the World-Modern system",
Moscow, Russia,

e-mail: npr79@yandex.ru

Additional information

Received: May 8, 2020. Accepted: June 1, 2020.

To cite the article

Silaev, Nikolay Yu., and Nikolay P. Protsenko.

"Back into Modernity? COVID-19 Returns Nation-State to its Original Nature."

Journal of International Analytics 11, no. 1 (2020): 11–26.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-11-26>

Информационно-политическое измерение эпидемического кризиса COVID-19 в Китае

Кашин Василий Борисович Смирнова Вероника Александровна
Аксенов Иван Валерьевич

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-27-41>

АННОТАЦИЯ

Глобальное распространение коронавирусной инфекции поставило перед государствами задачу по принятию решительных мер для оперативного и масштабного ответа на вызов со стороны существующих систем управления. Китай продемонстрировал успешную работу мобилизационных механизмов для борьбы с негативными последствиями пандемии: необходимые меры были приняты для информирования населения и пресечения паники, контроля и профилактики коронавируса и смягчения удара для экономики. Однако слабой стороной стала неспособность принять первоочередные меры в условиях неопределенности, что не позволило пресечь развитие эпидемии на ее начальном этапе. Это спровоцировало поиски ответственных среди китайского руководства, став еще одним источником напряженности в отношениях между Китаем и Западом. Несмотря на относительный успех предпринятых мер, ситуация в самом Китае остается напряженной: перед ним встают задачи по недопущению повторной вспышки инфекции и по восстановлению экономики уже в условиях информационного и экономического давления со стороны США. В этом контексте авторы статьи анализируют особенности информационного сопровождения предпринятых мер в Китае в борьбе с распространением коронавирусной инфекции и их влияние на внутри- и внешнеполитическую ситуацию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

коронавирус, COVID-19, Китай, КНР, политическая ответственность, Малая руководящая группа, борьба с эпидемией

Эпидемия COVID-19, вызванная коронавирусом, обнаруженным впервые в китайской провинции Хубэй (г. Ухань) в конце 2019 г., на момент написания данной статьи приобрела глобальный характер, создав для глав государств кризисные условия, в которых в кратчайшие сроки необходимо было пересмотреть внутренние политические приоритеты и предпринять решительные меры по преодолению негативных последствий пандемии. Каждое государство выбирало свою модель кризисного реагирования, но масштаб распространения COVID-19 поднял вопрос эффективности предпринятых мер и политической ответственности за произошедшую международную катастрофу.

Китай, ставший (исходя из доступных на данный момент фактологических данных) источником распространения эпидемии, с одной стороны, столкнулся с необходимостью осторожной подачи информации внутри страны в условиях неопределенности, чтобы избежать панических настроений среди населения, а с другой – предпринимать эффективные меры не только по предотвращению распространения COVID-19 внутри страны, но и по информированию международного сообщества.

Китайская система экстренного реагирования извлекла важные уроки из случаев с SARS, снежной бури 2008 г. и Сычуаньского землетрясения, что позволило более эффективно применить ряд мер в случае борьбы с COVID-19¹. Вспышка коронавируса произошла относительно недавно, что объясняет отсутствие на данный момент в отечественной литературе работ, систематизирующих китайский опыт по контролю и профилактике пандемии. В статье предпринята попытка восполнить данный пробел. Обстоятельства возникновения эпидемии не являются предметом данной статьи. Ответ на такой вопрос может быть дан лишь в ходе независимого расследования и на основе данных, собранных профессиональными эпидемиологами.

Первоочередные меры Китая в условиях эпидемиологической неопределенности

Точная дата первого заражения человека вирусом COVID-19 в настоящее время достоверно не установлена. Самый ранний случай на момент написания данной статьи (апрель 2020) датируется 1 декабря 2019 г.² Врачи, непосредственно работавшие с больными, не исключают и более ранние случаи заражения. В частности, глава отделения гастроэнтерологии пятой городской больницы города Уханя Лу Сяохун сообщила в интервью газете «Чжунго Циннянь Бао», что информация об осложнении обстановки с дыхательными инфекциями в двух больницах города и госпитализации персонала появилась 25 декабря³.

26 декабря в Китае были приняты первые меры по выяснению ситуации: в этот день необходимые образцы для расшифровки генома нового вируса поступили в Шанхай. Они были взяты у 41-летнего работника рынка морепродуктов в

1 Lu et al. 2019; Zhang 2012; Zhang et al. 2018.

2 Jeanna Bryner, "1st known case of coronavirus traced back to November in China," Live Science, March 14, 2020, accessed April 19, 2020, <https://www.livescience.com/first-case-coronavirus-found.html>.

3 "钟南山发话前 武汉这位医生向附近学校发出疫情警报 (Before Zhong Nanshan spoke up, the doctor from Wuhan issued an outbreak alert to nearby schools)," Sina News, accessed April 4, 2020, <https://news.sina.cn/gn/2020-01-28/detail-iihnzhha5115434.d.html>.

Ухане, заметившего симптомы заболевания 20 декабря и госпитализированного 26 декабря. Медицинские учреждения города Ухань разослали образцы тканей больных для расшифровки генома вируса не только в государственные исследовательские центры, но и в несколько частных компаний, специализировавшихся на биотестировании.

Из публикации *Caixin Global* следует, что одна из этих компаний, *Vision Medicals* из Гуанчжоу, смогла уже к 27 декабря осуществить расшифровку большей части генома вируса и пришла к выводу, что речь идет о коронавирусе, подобном вирусу SARS, о чем уведомила Китайскую академию медицинских наук и руководство медицинских учреждений в Ухане. В то же время ответы от частных компаний отличались между собой. Так, Пекинская компания *Capital Bio Medlab* не усмотрела сходства с SARS, что, возможно, вызвало дополнительные вопросы к достоверности получаемых данных и только запутало ситуацию.

Первая официальная расшифровка генома COVID-19 была проведена Шанхайским клиническим центром общественного здоровья совместно с Центром по контролю и профилактике заболеваний провинции Хубэй и Уханьским НИИ вирусологии Академии Наук КНР и завершена 2 января 2020 г. В этот же день анализы еще четырех пациентов, страдающих от необъяснимых случаев пневмонии, были также переданы в распоряжение НИИ Китайского центра по контролю и профилактике заболеваний¹. В целом расшифровка генома вируса с участием государственных исследовательских центров велась одновременно и независимо друг от друга тремя группами китайских ученых, которые завершили ее в период от 2 до 5 января 2020 г.²

Первоочередные действия по борьбе с коронавирусом были предприняты медицинскими институтами – Национальной комиссией здравоохранения (НКЗ) КНР и Китайским центром по контролю и профилактике заболеваний (ЦКПЗ). Они были направлены на развертывание широкомасштабных исследований и выпуск методических рекомендаций для врачей по лечению болезни. Первая инструкция Комиссии здравоохранения города Ухань местным медицинским учреждениям о порядке лечения новой пневмонии была датирована 30 декабря 2019 г.³ По данным НКЗ, 31 декабря о заболевании был проинформирован китайский офис Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), информирование стало регулярным с 3 января, и информация также предоставлялась иностранным государствам, включая США⁴.

В то же время 1 января Комиссия по здравоохранению провинции Хубэй обратилась к частным компаниям, получавшим заказы, прекратить исследования и уничтожить образцы, а 3 января НКЗ выпустила циркуляр, из которого следовало, что в силу патогенности содержащихся в образцах микроорганизмов их следует передать в специально оборудованные лаборатории, либо уничтожить⁵.

1 “谁是“零号病人”？新冠病毒的解与未解 (Who is the “Patient zero?” Solved and unsolved questions about the novel coronavirus),” Beijing News, accessed March 12, 2020, <http://www.bjnews.com.cn/news/2020/02/23/693805.html>.

2 “Timeline China releasing information on COVID-19 and advancing international cooperation,” National Health Commission of the People's Republic of China, last modified April 6, 2020, accessed March 15, 2020, http://en.nhc.gov.cn/2020-04/06/c_78861_2.htm.

3 Ibid.

4 “Novel Coronavirus (2019-nCoV) Situation Report – 1,” World Health Organization, last modified April 15, 2020, accessed March 15, 2020, <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200121-sitrep-1-2019-ncov.pdf>.

5 Gao Yu, Peng Yanfeng, Yang Rui, Feng Yuding, Ma Danmeng, Flynn Murphy, Han Wei, and Timmy Shen, “In Depth: How Early Signs of a SARS-Like Virus Were Spotted, Spread, and Throttled,” *Caixin Global*, February 29, 2020, accessed April 19, 2020, <https://www.caixinglobal.com/2020-02-29/in-depth-how-early-signs-of-a-sars-like-virus-were-spotted-spread-and-throttled-101521745.html>.

При этом местное правительство объявило о закрытии рынка, но активных действий по профилактике не предпринимало. Позже городские власти Уханя стали проводить регулярные брифинги о ходе эпидемии¹.

Первая информация о вирусе в конце декабря стала распространяться по социальным сетям. Заведующая отделением скорой помощи Ай Фэнь, анализируя данные компьютерной томографии легких пациента, госпитализированного с пневмонией, выявила параметры, схожие с вирусом SARS, поразившим Китай в 2003 г., что могло указывать на вероятность передачи заболевания от человека к человеку воздушно-капельным путем. Ай Фэнь проинформировала об открытии руководство госпиталя, а также своих однокурсников по медицинскому вузу².

Информация начала циркулировать в узкопрофессиональных кругах, затем попала к работавшему в том же госпитале офтальмологу Ли Вэньляну. Он выложил эти данные в сообщество однокурсников по медицинскому вузу в мессенджере Wechat, откуда информация начала распространяться бесконтрольно по соцсетям, несмотря на призыв Ли Вэньляна к членам группы не распространять информацию³.

В результате Ай Фэнь получила суровый выговор от руководства госпиталя, ей было предписано не распространять данные об эпидемии. Ли Вэньлян и семь других медиков, публиковавших информацию о заболевании в соцсетях, были вызваны в полицию, с ними провели профилактические беседы и заставили подписать бумаги с признанием вины в распространении слухов⁴.

По мере распространения заболевания и, в особенности, после смерти Ли Вэньляна от коронавируса 7 февраля 2020 г., эта история превратилась в настоящую PR-катастрофу для китайских властей, открыв путь к обвинениям КПК в преднамеренном сокрытии информации об эпидемии, повлекшем за собой тяжелые последствия. Для некоторых китайских и большинства западных СМИ Ли Вэньлян и, в меньшей степени, Ай Фэнь, стали героями-разоблачителями. В итоге власти были вынуждены принести извинения семье Ли Вэньляна, а также другим врачам, обвиненным в распространении слухов.

Ай Фэнь продолжала работать в ходе всего кризиса и удостоилась комплиментарных публикаций в официальных СМИ, включая «Жэньминь Жибао»⁵. Правда, ее интервью журналу «Жэнью» от 10 марта с подробным изложением последовательности событий было впоследствии стерто с сайта журнала и уцелело лишь в перепечатках на отдельных отраслевых сайтах в китайском сегменте интернета⁶.

1 "Timeline China releasing information on COVID-19 and advancing international cooperation," National Health Commission of the People's Republic of China, last modified April 6, 2020, accessed March 15, 2020, http://en.nhc.gov.cn/2020-04/06/c_78861_2.htm.

2 "发哨子的人：如果这些医生都能够得到及时的提醒，或许就不会有这一天 (The whistleblower: If these doctors could get early reminders, this day would probably not have come)," China Association for Life Care, accessed March 15, 2020, <http://www.yyrw.org.cn/e/action/ShowInfo.php?classid=5&id=2256>.

3 Zhuang Pinghui, "Dr Li Wenliang: who was he and who did he become a coronavirus 'hero'?" South China Morning Post, February 7, 2020, accessed April 19, 2020, <https://www.scmp.com/news/china/society/article/3049561/dr-li-wenliang-who-was-he-and-how-did-he-become-coronavirus-hero>.

4 Ibid.

5 "巾帼英雄战疫魔 (Heroine fighting the pandemic)," Renmin Ribao, accessed March 12, 2020, http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2020-03/08/nw.D110000renmrb_20200308_2-01.htm.

6 "发哨子的人：如果这些医生都能够得到及时的提醒，或许就不会有这一天 (The whistleblower: If these could get early reminders, these day would probably not have come)," China Association for Life Care, accessed March 15, 2020, <http://www.yyrw.org.cn/e/action/ShowInfo.php?classid=5&id=2256>.

Роль высшего руководства КНР в борьбе с пандемией

По китайским официальным данным, вопрос о вспышке эпидемии в Ухане обсуждался на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК (де-факто – высшего органа управления страной в составе семи человек) 7 января. Это следует из опубликованного в официальном органе КПК журнале «Цюйши» выступлении Си Цзиньпина на специальном заседании ПК Политбюро по вопросам борьбы с вирусом 3 февраля 2020 г.¹ Си Цзиньпин отмечает, что дал на открытии заседания 7 января некие указания по борьбе с вирусом без уточнений. Нет также оснований считать, что вирус был единственной или главной темой того заседания. Учитывая дату публикации, можно предположить, что целью такого упоминания была попытка акцентировать внимание на участии высшей власти в решении ключевой для страны проблемы. В то же время очевидно, что по состоянию на 7 января китайское руководство, ни в центре, ни на местах, просто не располагало достаточными данными о природе нового заболевания.

В последующем со стороны центральных властей КНР и официальных СМИ в адрес местных властей Уханя и провинции Хубэй выдвигались обвинения в частичном сокрытии данных об эпидемической ситуации в городе от центра. Видный китайский пульмонолог и советник китайского правительства в вопросах борьбы с пандемией Чжун Наньшань, в частности, заявлял, говоря о раннем этапе пандемии, что «местные власти в это время не хотели говорить правду», при этом особенно подозрительным выглядел тот факт, что на протяжении десяти дней указывалось одно и то же число заболевших – 41².

Однако доступный архив пресс-релизов Городской комиссии по здравоохранению города Ухань говорит о том, что десятидневного периода, в течение которого приводилась цифра в 41 заболевших, не было. Динамика информирования выдачи властями Уханя данных о заболевших выглядит следующим образом: 31 декабря – 27 человек, 3 января – 44, 5 января – 59, 11 января – 41, 18 января – 41, 19 января – 62, 20 января – 198³. Каждый пресс-релиз описывал ситуацию на конец предыдущего дня, либо с задержкой на сутки – двое. По внутренним каналам наверх информация могла подаваться раньше. Падение числа больных с 59 до 41 было связано с изменением методологии – если раньше фиксировались все случаи необычной пневмонии, то в релизе 11 января впервые фигурирует коронавирус.

Это, в свою очередь, подтверждает тезис о том, что высшее руководство КНР использовало официальные СМИ во многом для защиты собственной позиции, чтобы избежать критики и обвинений в бездействии. С этой точки зрения, показательна дискуссия в СМИ вокруг содержания видеоконференции, прошедшей

1 “在中央政治局常委会会议研究应对新型冠状病毒肺炎疫情工作时的讲话 (Report at the meeting of the Standing Committee of the Political Bureau of the CPC Central Committee on the response to the new coronavirus pneumonia),” Qiushi, accessed March 22, 2020, http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-02/15/c_1125572832.htm.

2 David Culver and Nectar Gan, “Exclusive: lack of immunity means China is vulnerable to another wave of coronavirus, top adviser warns,” CNN, May 17, 2020, accessed May 20, 2020.

3 “武汉市卫生健康委员会. 公示公告 (Wuhan Municipal Health Commission: Announcements),” Wuhan Municipal Health Commission, accessed June 10, 2020, http://wjw.wuhan.gov.cn/xwzx_28/gsgg/.

14 января 2020 г. между руководством НКЗ, включая главу комиссии Ма Сяовэя, и руководством региональных ведомств здравоохранения¹.

В материале агентства *Associated Press (AP)*, датированном 15 апреля², со ссылкой на анонимный источник подчеркивается, что содержание пресс-релиза официального сайта НКЗ о конференции «выхолощено», а сам релиз появился на сайте лишь в феврале, что подтверждается проверкой³. Таким образом, манипуляции с датой размещения новости о конференции на сайте НКЗ – это попытка показать активность НКЗ на раннем этапе эпидемии.

Так, в версии, опубликованной на официальном сайте НКЗ, заметны усилия Ма Сяовэй подчеркнуть то, что ситуация привлекла внимание высшего руководства страны, и что необходимо принимать ряд мер: начать измерения температуры, а также инициировать контроль за перемещениями людей и за движением между Уханем и другими регионами в целом.

В этой версии интервью Ма Сяовэй произносит две ключевые фразы, позволяющие понять отсутствие активных масштабных действий китайского руководства: «В текущей работе по профилактике и борьбе с эпидемией много неясного. Хотя эпидемия в Ухане имеет ограниченный охват, источник новой коронавирусной инфекции не найден, пути передачи болезни не вполне понятны, а потенциал передачи от человека к человеку еще надо изучить» (当前疫情防控工作存在很大不确定性。疫情虽然仍局限在武汉市有限范围，但是新型冠状病毒传染源尚未找到，疫情传播途径尚未完全掌握，人与人的传播能力仍需严密监控。).

Материал AP опускает эти слова, видимо, считая их несущественными, но приводит другие, которых нет в официальном тексте: «Эпидемическая ситуация все еще серьезная и сложная, это серьезнейший вызов после эпидемии SARS в 2003, который может вылиться в крупную проблему в сфере здравоохранения».

Между тем из этих двух версий следует вывод о том, что по состоянию на 14 января китайские власти все еще не имели ясного представления о механизмах передачи вируса, степени его опасности и источниках. Что касается реакции местных властей в Ухане, то лишь после указаний из центра (Ма Сяовэй в своем выступлении ссылаясь на авторитет Си Цзиньпина, премьера Ли Кэцзяна и вице-премьера Сунь Чуньлань) 14 января начали вводиться ограничительные меры по предотвращению массовых скоплений людей и сокращению перемещений населения между городом Ухань и окружающими его районами⁴.

Однако эти меры носили половинчатый и непоследовательный характер. Власти в центре, и особенно в самом Ухане, боялись идти на любые серьезные и затратные в экономическом и политическом отношении шаги. В этом контексте 19 января руководством города Уханя было принято катастрофическое по сво-

1 “国家卫生健康委召开全国电视电话会议：部署新型冠状病毒感染肺炎防控工作 (The National Health Commission held a national video and telephone conference on the fight against the novel coronavirus pneumonia),” National Health Commission of the People's Republic of China, accessed April 4, 2020, <http://www.nhc.gov.cn/xcs/fkdt/202002/e5e8a132ef8b42d484e6df53d4d110c1.shtml>.

2 “China didn't warn public of likely pandemic for 6 key days,” Associated Press, April 15, 2020, accessed April 19, 2020, https://apnews.com/68a9e1b91de4ffc166acd6012d82c2f9?utm_source=piano&utm_medium=email&utm_campaign=morningwire&pn_espid=jfhkperACF2NHmlcfTVZtqZTqLZKKB0rv7pzglw_.

3 Страница действительно отслеживается на сайте сервиса archive.org с 27 февраля.

4 Sarah Zheng, “Wuhan mayor under pressure to resign over response to coronavirus outbreak,” South China Morning Post, January 23, 2020, accessed March 22, 2020, <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3047230/wuhan-mayor-under-pressure-resign-over-response-coronavirus>.

им последствиям решение разрешить проведение массового (до сорока тысяч участников) банкета для жителей района Байбутин, приуроченного к китайскому Новому году. На тот момент в городе уже имелись первые умершие от вируса, имелись многочисленные основания судить о механизмах его передачи между людьми, отсутствовало лишь окончательное подтверждение механизма его передачи от человека к человеку¹.

Новый подход ЦК в борьбе с эпидемией COVID-19

20 января становится поворотным моментом с точки зрения масштабности мер: в этот день появилось официальное подтверждение того, что коронавирус передается от человека к человеку², а также поступили развернутые указания Си Цзиньпина по организации профилактики коронавируса³. После этого 22 января Си Цзиньпин направил правительству провинции Хубэй указания о необходимости ввести контроль над перемещением людей⁴, в результате чего 23 января город Ухань был полностью закрыт на карантин⁵.

По результатам очередного заседания Постоянного комитета Политбюро 24 января, главным образом посвященного коронавирусу, губернатор провинции Хубэй Цзян Чаолян и секретарь горкома Уханя Ма Гоцян, а также главы провинциальных комитетов здравоохранения были отправлены в отставку⁶. 26 января прошло первое заседание «Малой руководящей группы ЦК по противодействию эпидемии пневмонии, вызванной новым коронавирусом»⁷ (中央应对新型冠状病毒感染肺炎疫情工作领导小组, далее МРГ по коронавирусу), председателем которой стал премьер Госсовета, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК КНР Ли Кэцян.

В состав МРК по коронавирусу вошли: член ПК Политбюро ЦК КПК Ван Хунин (курирует идеологию и пропаганду), глава канцелярии ЦК КПК Дин Сюэлян, вице-премьер по здравоохранению и социальной политике Сунь Чуньлань, глава отдела пропаганды ЦК Хуан Куньмин, секретарь пекинского горкома ЦК КПК Цай Ци, министр иностранных дел Ван И, генеральный секретарь Госсовета КНР Сяо Цзе, министр общественной безопасности Чжао Кэши⁸.

Создание малой руководящей группы столь высокого уровня свидетельствовало о том, что борьба с эпидемией стала одним из политических приоритетов ки-

1 Sarah Zheng, "Wuhan mayor under pressure to resign over response to coronavirus outbreak," South China Morning Post, January 23, 2020, accessed March 22, 2020, <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3047230/wuhan-mayor-under-pressure-resign-over-response-coronavirus>.

2 Ibid.

3 Kristin Huang, "Coronavirus: 10 new cases confirmed, 30 more suspected in Wuhan after thousands attend Lunar New Year banquet," South China Morning Post, February 5, 2020, accessed March 12, 2020, <https://www.scmp.com/news/china/society/article/3049173/coronavirus-10-new-cases-confirmed-30-more-suspected-wuhan-after>.

4 Sarah Zheng, "Wuhan mayor under pressure to resign over response to coronavirus outbreak."

5 "在中央政治局常委会会议研究应对新型冠状病毒肺炎疫情工作时的讲话 (Report at the meeting of the Standing Committee of the Political Bureau of the CPC Central Committee on the response to the new coronavirus pneumonia)," Qiushi, accessed March 22, 2020, http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-02/15/c_1125572832.htm.

6 Ibid.

7 "交通运输部关于做好进出武汉交通运输工具管控全力做好疫情防控工作的紧急通知 (Emergency notice of the Ministry of Transport on the control of vehicles entering and leaving Wuhan)," The State Council of the People's Republic of China, accessed March 22, 2020, http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-01/23/content_5471864.htm.

8 "蒋超良辞去湖北省人大常委会主任 (Jiang Chaoliang resigned as director of the Standing Committee of the Hubei Provincial People's Congress)," The State Council of the People's Republic of China, accessed March 22, 2020, http://www.gov.cn/xinwen/2020-03/06/content_5487780.htm.

тайского государства. Тот факт, что группу возглавил не Си Цзиньпин, а Ли Кэцян, был воспринят рядом наблюдателей как еще одно доказательство попытки уберечь Си Цзиньпина от политической ответственности за возможные просчеты в ходе борьбы с эпидемией¹. Хотя данный мотив также мог присутствовать, следует отметить, что назначение Ли Кэцяна могло быть также связано с его руководящей ролью в Государственной комиссии по оборонной мобилизации (国家国防动员委员会).

Так как Госкомиссия по оборонной мобилизации отвечает за мобилизационную готовность всего китайского государственного аппарата и экономики, а также за взаимодействие с военными властями в условиях войн и чрезвычайных ситуаций, то она могла играть важную роль в координации усилий по наращиванию выпуска необходимых медицинских материалов, привлечению ресурсов НОАК к борьбе с эпидемией, обеспечению логистики в период карантина, мобилизации бойцов народного ополчения для охраны порядка и т. п. Противодействие коронавирусу потребовало слаженного взаимодействия гражданских и военных структур по контролю и профилактике инфекционных заболеваний, опыт которого был получен при противодействии SARS, H1N1 и некоторым другим инфекциям².

По состоянию на 29 января 31 административно-территориальная единица, кроме Гонконга и Макао, объявила о введении I уровня эпидемиологической опасности по указанию Госсовета КНР³. В ряде городов Китая для предотвращения распространения коронавируса было организовано «закрытое управление» (封闭式管理). «Закрытое управление» подразумевало ограничение передвижений на личном транспорте, закрытие второстепенных общественных мест и запрет на выход из дома без уважительной причины⁴.

В результате комплекса мер во всей стране были продлены выходные по случаю Праздника Весны до 2 февраля, учебные заведения приостанавливали свою работу на неопределенный срок⁵. По окончании выходных многие компании, среди которых *Alibaba* и *Tencent*, временно перевели своих сотрудников на удаленную работу. Школьники и студенты перешли на дистанционное обучение. По мере возвращения к работе для контроля за передвижениями вводилась система QR-кодов, где на основе анкетирования пользователю присваивается зеленый (свободное перемещение), желтый или красный цвет (карантин на 7 и 14 дней)⁶.

Ситуация с эпидемией оставалась в центре внимания целого ряда последующих заседаний Постоянного комитета Политбюро, а Си Цзиньпин продолжал выступать с программными заявлениями и давать стратегические указания по борьбе с инфекцией. Таким образом, была выстроена целая система принятия решений по борьбе с пандемией.

Основные политические решения по борьбе с эпидемией принимают Си Цзиньпин и Постоянный комитет Политбюро. Вероятно, на этом уровне при-

1 Подробнее о формате малых руководящих групп см. Miller 2014.

2 “李克强主持召开中央应对新型冠状病毒感染肺炎疫情工作领导小组会议 (Li Keqiang chaired the CCP's Leading Small Group for Countering the Coronavirus Epidemic meeting),” Xinhua, accessed March 12, 2020, http://www.xinhuanet.com/politics/2020-01/26/c_1125504004.htm.

3 Dotson 2020, 11.

4 Ibid.

5 Ma 2019.

6 “中国内地31省份全部启动突发公共卫生事件一级响应 (31 provinces of mainland China launched a first-level public health emergency),” Caixin, accessed March 15, 2020, <http://china.caixin.com/2020-01-29/101509411.html>.

нимались и важнейшие решения по поддержке национальной экономики в ходе кризиса на основе информации, аккумулируемой Центральной комиссией по государственной безопасности КПК, китайском аналоге Совета Безопасности, созданном в 2013 г.

Малая руководящая группа во главе с Ли Кэцяном выступает в качестве штаба, непосредственно координирующего усилия по борьбе с эпидемией. Обращает на себя внимание, что в МРГ широко представлен административный блок партийного и государственного аппарата (Ли Кэцян, Цай Ци, Сяо Цзе, Дин Сюэлян), а также аппарат пропаганды и идеологии (Ван Хунин, Куан Куньмин), имеется профильный вице-премьер по здравоохранению (Сунь Чуньлань), дипломат (Ван И) и силовик (Чжао Кэчжи).

При этом не присутствуют представители экономического блока, хотя в решениях МРГ затрагиваются в том числе и экономические вопросы, например, вопросы снабжения населения продовольствием и проведения сельскохозяйственных работ¹.

Однако макроэкономическая и финансовая стабильность, как представляется, находились в поле зрения другого органа – Комиссии по финансовой стабильности и развитию, межведомственной структуры Госсовета КНР во главе с курирующим экономику вице-премьером Лю Хэ. В нее входило руководство Народного банка Китая, финансовых ведомств-регуляторов и Госкомитета по реформам и развитию КНР. С 8 января по 7 апреля комиссия провела 12 встреч, заседая, таким образом, практически еженедельно. В последнее время в центре ее внимания была поддержка восстановления экономики при помощи мер кредитно-денежной политики². Комиссия является постоянно созданным органом, учрежденным еще в 2013 г.

Соответственно, Министерства и ведомства выполняют соответствующие решения ПК Политбюро и МРГ. Региональные власти следуют решениям центра, имея некоторую свободу в их интерпретации и характере задействованных ресурсов. ЦКПЗ концентрируется на проведении и координации необходимых научных исследований и выработке медицинских рекомендаций властям в центре и на местах. Никаких самостоятельных решений, в том числе в сфере сотрудничества с аналогичными зарубежными структурами он без санкции политического руководства принимать не мог. С этим могли быть связаны некоторые известные шероховатости во взаимодействии с китайской стороной на раннем этапе эпидемии, на которую жаловались российские эксперты (невозможность получить от китайской стороны штамм вируса, который был в итоге предоставлен России Таиландом и Австралией³; ограниченный доступ к информации⁴).

1 “湖北：各地全面采取临时交通管制，所有非必需的公共场所一律关闭 (Hubei: Temporary traffic control is adopted across the country, and all non-essential public places are closed),” The State Council of The People's Republic of China, accessed March 26, 2020, http://www.gov.cn/xinwen/2020-02/16/content_5479769.htm.

2 “国务院办公厅关于延长2020年春节假期的通知 (Notice of the General Office of the State Council on extending 2020 Chinese New Year holidays),” The State Council of the People's Republic of China, accessed March 26, 2020, http://www.gov.cn/zhengce/content/2020-01/27/content_5472352.htm.

3 Horvitz Josh, “China seeks help of national tech giants to track coronavirus with QR codes,” Reuters, February 17, 2020, accessed March 16, 2020, <https://www.reuters.com/article/us-china-health-qr-code/china-seeks-help-of-national-tech-giants-to-track-coronavirus-with-qr-codes-idUSKBN20B10T>.

4 “中央应对新型冠状病毒感染肺炎疫情工作领导小组关于印发当前春耕生产工作指南的通知 (Notice of the Central Leading Group on Responding to the Novel Coronavirus Pneumonia Outbreak on issuing guideline on spring ploughing production),” The State Council of the People's Republic of China, accessed May 2, 2020, http://www.gov.cn/zhengce/content/2020-03/03/content_5486296.htm.

Основным направлением работы центральных министерств стала кооперация с местными властями для отправки медицинских работников в Ухань и другие города провинции Хубэй. Слаженную работу показали НКЗ и Министерство коммуникаций КНР, организовавшие быструю перевозку специалистов со всей страны. В результате по данным на 9 марта, когда распространение эпидемии в Китае почти достигло пика, в провинции Хубэй находились 42 600 медицинских работников из других регионов, среди которых были врачи всех профилей¹.

По состоянию на 5 июня 2020 г. в материковом Китае было зарегистрировано 83 057 случаев заболевания и 4 634 смертей. Количество случаев передачи вируса от человека к человеку внутри Китая к апрелю было сведено к минимуму, а большинство случаев заражения было связано с возвращением китайских граждан из-за рубежа. Однако китайскими медиками не исключается наступление второй волны эпидемии с наступлением холодов к концу года².

Критика международного сообщества и дипломатия Китая

На раннем этапе коронавирусного кризиса Китай, столкнувшийся с проблемой первым, был вынужден принимать национальные решения в более сложных условиях информационной неопределенности. В январе-феврале до мобилизации китайской промышленности и увеличения производства медицинских материалов важной задачей для Китая стало в первую очередь обеспечение национальных потребностей для борьбы с распространением инфекции. Важнейшей задачей, решавшейся китайской дипломатией в этот период, как представляется, была внутрисполитическая. Сплочение нации, ее мобилизация перед лицом кризиса, приводили к серьезному общественному давлению в сторону проведения более жесткой, наступательной политики.

По мере стабилизации эпидемической ситуации в КНР, начиная с конца февраля – начала марта, и масштабного распространения пандемии вне страны, Китай столкнулся с международными попытками, в частности, со стороны США, Франции и Великобритании, призвать к политической ответственности руководство КНР за вызванную COVID-19 глобальную экономическую и гуманитарную катастрофу. Фокус китайских усилий сместился в сторону информационной защиты страны и ее руководства.

Обвинения в преднамеренном сокрытии данных о пандемии и манипулировании статистикой связаны с низкими показателями китайской статистики заболеваемости и смертности от коронавируса по сравнению с США и странами Западной Европы. При этом многие соседи Китая по региону (Япония, Южная Корея, Вьетнам) справляются с кризисом лучше, чем развитые страны Европы и Северной Америки. Вьетнам по состоянию на 5 июня имел лишь 322 случая

1 “国务院金融稳定发展委员会召开第二十五次会议 (The 25th Meeting of the Financial Stability and Development Committee under the State Council),” The State Council of the People's Republic of China, accessed April 8, 2020, http://www.gov.cn/guowuyuan/2020-04/08/content_5500373.htm.

2 Штамм вируса в феврале передали России Австралия и Таиланд // ТАСС. 4 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/8161495> (дата обращения 14.05.2020).

заражения и 0 смертей, непризнанный Тайвань 443 случая заражений и 7 смертей, Южная Корея 11 947 заражений и 276 смертей, Япония – 17 300 заражений и 920 смертей¹. Как представляется, речь идет, таким образом, не о национальном, а о региональном и, возможно, культурном феномене, нуждающемся в отдельном изучении.

Определенно утверждать о фальсификациях можно лишь на основе независимого исследования вопроса учеными-эпидемиологами, которое к настоящему времени отсутствует. Делегации Всемирной организации здравоохранения, посетившие Китай и включавшие в себя ученых из западных стран, претензий к китайской статистике не выдвигали. Китайские власти неоднократно производили пересмотры методики подсчетов, приводившие к росту числа заболевших и умерших от вируса.

Хотя КНР начала сотрудничество с ВОЗ на раннем этапе эпидемии и регулярно публиковала статистику, в отдельных случаях централизация китайской системы здравоохранения и бюрократизм могли стать причиной задержки передачи международному сообществу значимой информации, как это было с геномом вируса². Таким образом, твердых оснований говорить о масштабных фальсификациях статистики пока нет, хотя и исключать ее нельзя.

Существует, однако, документальное подтверждение того, что власти КНР стремятся тщательно контролировать распространение информации, касающейся источника эпидемии. Согласно директиве, разосланной министерством образования КНР в начале апреля 2020 г. и опубликованной на сайте Фуданьского университета³, статьи, посвященные обстоятельствам зарождения вируса, должны публиковаться только после получения одобрения от департамента науки и технологий министерства.

Отдельная группа обвинений, которую активно продвигают высшие должностные лица США, несмотря на отсутствие в американском правительстве единства по данному вопросу⁴, касается происхождения вируса. По мнению руководящих лиц США, COVID-19 – это результат экспериментов в китайской лаборатории при Уханьском НИИ вирусологии Академии Наук КНР, распространившийся из-за нарушений технологической дисциплины.

Эти обвинения частично являются продуктом республиканской стратегии по подготовке к президентским выборам 2020 г., в рамках которой, согласно опубликованным документам, предполагалось действовать по принципу «не защищайте Трампа – обвиняйте Китай»⁵. Предполагалось, что обвинения в адрес Китая позволят уйти от вопросов об ответственности американского президента за плохую подготовку к пандемии. Результатом такой политики стало

1 Владимир Никифоров: «Ни одного тяжелого больного у нас нет, необъяснимая паника, контрпродуктивная» // BFM.RU. 14 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/439203> (дата обращения: 14.05.2020).

2 “全国有多少医务人员驰援湖北和武汉? 女性医务人员占比多少? 关注今日发布会问答 (How much medical personnel are supporting Hubei and Wuhan nationwide? What is the percentage of female medical staff? Follow the questions and answers of today's conference),” Yanbian People's Broadcasting Station, accessed March 15, 2020, <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1660616011023862781&wfr=spider&for=pc>.

3 “张文宏: 下一波疫情可能11月到来 (Zhang Wenhong: The next wave of the epidemic may arrive in November),” Sina, accessed April 14, 2020, <http://news.sina.com.cn/c/2020-04-13/doc-irczyimi5967839.shtml>.

4 Данные covidmetrics.com.

5 “China delayed releasing coronavirus info, frustrating WHO,” Associated Press, June 3, 2020, accessed June 5, 2020, <https://apnews.com/3c061794970661042b18d5aaead9fae>.

резкое ухудшение восприятия КНР американским общественным мнением (по данным исследования *Pew Research Centre* 66% американцев относились к КНР негативно в апреле 2020 г. против 47% в 2017)¹.

В свою очередь, китайский МИД резко сменил официальную риторику. 11 марта 2020 г. представитель МИД КНР Чжао Лицзянь даже высказал предположение, что вирус в Ухань могли принести военнослужащие китайской армии, участвовавшие в международных армейских спортивных состязаниях в этом городе в конце 2019 г.² Одновременно Китай приступил к реализации масштабных программ помощи пострадавшим от пандемии странам, что вызвало в США опасения относительно роста китайского влияния. Новый стиль китайской дипломатии получил название *Wolf Warrior Diplomacy*, в честь известного китайского военного киносюжета 2016 г.

Под вопросом оказалось выполнение КНР Торговой сделки фазы I, подписанной 15 января и приостановившей шедшую с лета 2018 г. торговую войну. Сделка предполагала значительное увеличение импорта Китаем американской промышленной и сырьевой продукции, однако фактически в новых обстоятельствах, на фоне экономического спада и падения цен на сырье, не исполнялась в полной мере³. На этом фоне в конгресс США разными политическими силами были внесены законопроекты о санкциях против КНР в связи с ответственностью страны за пандемию, а Белый дом сделал серию заявлений о жестком ответе в случае, если КНР не выполнит условия торговой сделки⁴. В результате коронавирус превратился в катализатор новой волны кризиса в американо-китайских отношениях. Противостояние между странами, развернувшееся с началом торговой войны в 2018 г., приняло острый характер.

* * *

Эпидемия COVID-19, возникшая в КНР и поразившая весь мир, своим распространением обязана уникальному стечению обстоятельств, среди которых – появление болезни в период китайского Нового года с его массовыми перемещениями людей и географическое положение Уханя – важного промышленного и логистического центра центрального Китая.

Китайская система государственного управления действительно допустила длительную (примерно с 30 декабря по 20 января) задержку в реагировании на эпидемию, что выявило системную внутригосударственную проблему, связанную с неспособностью китайских руководителей всех уровней самостоятельно принимать необходимые решения в условиях кризиса и

1 "关于新冠肺炎疫情有关学术论文发表的通知 (Notice on the publication of academic papers related to the New Coronary Pneumonia Epidemic)," Fudan School of Information Science and Technology, accessed March 12, 2020, <http://www.it.fudan.edu.cn/Data/View/3657>.

2 Jennifer Hansler and Devan Cole, "Pompeo backs away from theory he and Trump were pushing that coronavirus originated in Wuhan lab," CNN, May 17, 2020, accessed June 5, 2020, <https://edition.cnn.com/2020/05/17/politics/mike-pompeo-coronavirus-wuhan-lab/index.html>.

3 "GOP memo urges anti-China assault on coronavirus," Politico, April 24, 2020, accessed June 3, 2020, <https://www.politico.com/news/2020/04/24/gop-memo-anti-china-coronavirus-207244>.

4 Mark Magnier, "US public opinion of China hits new low, Pew Research survey shows," South China Morning Post, April 21, 2020, accessed June 3, 2020, <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3080792/us-public-opinion-china-hits-new-low-pew-research-survey-shows>.

неопределенности. В результате ключевой период примерно в три недели в конце декабря 2019 – январе 2020 был потрачен на весьма интенсивные исследования, которые параллельно велись несколькими группами ученых с целью окончательно уяснить вопрос о факте и механизмах передачи вируса от человека к человеку притом, что некоторые основания подозревать такую передачу были уже в конце декабря.

До получения исчерпывающих результатов все руководители, включая лично председателя КНР, генерального секретаря ЦК КПК, председателя Центрального Военного Совета КНР Си Цзиньпина ограничивались решениями общего характера об усилении работы по контролю над эпидемической ситуацией. В то же время поведение китайских руководителей в такой ситуации не было уникальным. Парадоксально, но примером максимально быстрой и всеобъемлющей реакции стала КНДР – страна с персоналистской системой власти, которая полностью закрыла свои границы для иностранцев 21 января.

Важно также учитывать, что действия китайских властей с момента получения полной и достоверной информации о характере эпидемии (20 января) были решительными, масштабными и хорошо скоординированными. Китайским властям удалось увязать воедино возможности различных военных и гражданских структур в центре и на местах, добиться соблюдения строжайших ограничений населением и переломить эпидемическую ситуацию первыми из крупных стран.

Вероятно, урок кризиса для Китая и мира будет заключаться в изменении протоколов реагирования на неполную и не вполне подтвержденную информацию об угрозах новых инфекционных заболеваний. Важным выводом из этой ситуации должен стать не поиск виноватого, а скоординированные усилия по реформированию международной системы информирования и созданию национальных протоколов поведения. Только совместные усилия по созданию международной системы информирования о кризисах глобального масштаба смогут исключить повторения допущенных ошибок в новых реалиях COVID-19.

Другим важным уроком пандемии является быстрая политизация вопросов борьбы с COVID-19. Солидарность, наблюдавшаяся в первые недели пандемии, быстро сменилась взаимными обвинениями, войной компроматов, угрозами санкций и националистической пропагандой. Крайне низкая способность великих держав к сотрудничеству и координации перед лицом глобальной катастрофы может учитываться при подготовке к будущим кризисам и будет подталкивать правительства крупных стран к односторонним стратегиям реагирования, с максимальной опорой на собственные силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Dotson, John. "The CCP's New Leading Small Group for Countering the Coronavirus Epidemic – and the Mysterious Absence of Xi Jinping." *China Brief* 20, no. 3 (5 February 2020): 1-28. <https://jamestown.org/wp-content/uploads/2020/02/Read-the-02-13-2020-CB-Issue-in-PDF.pdf>.

Lu, Xiaoli and Han Ziqiang. "Emergency management in China: towards a comprehensive model." *Journal of Risk Research* 22, no. 11 (2019): 1425-1442. doi: 10.1080/13669877.2018.1476901.

Ma, Hui, Ji-Ping Dong, Na Zhou and Wei Pu. "Military-civilian cooperative emergency response to infectious disease prevention and control in China." *Military Medical Research* 3, no. 39 (2016). doi: 10.1186/s40779-016-0109-y.

Miller, Alice. "More Already on the Central Committee's Leading Small Groups." *China Leadership Monitor* 44 (Summer 2014). <https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm44am.pdf>.

Zhang, Haibo. "What has China Learnt from Disasters: Evolution of the Emergency Management System after SARS, Southern Snowstorm, and Wenchuan Earthquake." *Journal of Comparative Policy Analysis* 14 (June 2012): 234-244. doi: 10.1080/13876988.2012.687621.

Zhang, Qiang, Qibin Lu, Deping Zhong and Xuanting Ye. "The Pattern of Policy Change on Disaster Management in China: A Bibliometric Analysis of Policy Documents, 1949-2016." *International Journal of Disaster Risk Science* 9 (2018): 55-73. doi: 10.1007/s13753-018-0164-y.

Сведения об авторах

Кашин Василий Борисович,

кандидат политических наук,

старший научный сотрудник Центра комплексных европейских

и международных исследований НИУ ВШЭ,

ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Москва, Россия,

e-mail: vkashin@hse.ru

Смирнова Вероника Александровна,

исследователь

Центра комплексных европейских и международных

исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия,

e-mail: smirnova.vea@gmail.com

Аксенов Иван Валерьевич,

исследователь

Центра комплексных европейских и международных

исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия,

e-mail: ivaksenov0407@gmail.com

Сведения о финансировании

Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета

мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020 г.

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 18 апреля 2020. Принята к публикации: 10 июня 2020.

Цитирование

Кашин, В.Б., Смирнова, В.А., Аксенов, И.В. Информационно-политическое измерение эпидемического кризиса COVID-19 в Китае // Международная аналитика. – 2020. –

Том 11 (1). – С. 27-41.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-27-41>

Political Aspects of COVID-19 Epidemic Crisis in China

ABSTRACT

The global spread of coronavirus infection has given States the task of taking decisive measures to respond quickly and on a large scale to the challenge of existing management systems. China has demonstrated successful mobilization mechanisms to combat the negative effects of the pandemic: the necessary measures have been taken to inform the population and stop panic, control and prevent coronavirus, and mitigate the impact on the economy. However, the weak side was the inability to take priority measures in the face of uncertainty, which did not prevent the development of the epidemic at its initial stage. This provoked a search for those responsible among the Chinese leadership, becoming another source of tension in relations between China and the West. Despite the relative success of the measures taken, the situation in China itself remains tense: it faces challenges to prevent a re-outbreak of infection and to restore the economy in the face of information and economic pressure from the United States. In this context, the authors analyze the features of information support for measures taken in China to combat the spread of coronavirus infection and their impact on the domestic and foreign policy situation.

KEYWORDS

coronavirus, COVID-19, China, PRC, political responsibility, the Leading Small Group, fighting the epidemic

Authors

Vasilii B. Kashin,

Ph.D (Political Science), Chief Researcher of the Centre for Comprehensive European and International Studies, NRU HSE, Leading Researcher of Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia,

e-mail: vkashin@hse.ru

Veronika A. Smirnova,

Intern of Centre for Comprehensive European and International Studies, NRU HSE, Moscow, Russia,

e-mail: smirnova.vea@gmail.com

Ivan V. Aksenov,

Intern of Centre for Comprehensive European and International Studies, NRU HSE, Moscow, Russia,

e-mail: ivaksenov0407@gmail.com

Funding

The paper was prepared with the grant support of the Faculty of World Economy and World Politics of the Higher School of Economics in 2020.

Additional information

Received: April 18, 2020. Accepted: June 10, 2020.

To cite the article

Kashin, Vasilii B., Veronika A. Smirnova, and Ivan V. Aksenov.
"Political Aspects of Covid-19 Epidemic Crisis in China."
Journal of International Analytics 11, no. 1 (2020): 27-41.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-27-41>

The COVID-19 Pandemic, Donald Trump, and the Future of American Politics

Andrei V. Korobkov

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-42-57>

ABSTRACT

The United States of America was disproportionately severely affected by the COVID-19 pandemic.

The current crisis exposed significant flaws in the national health care system and provoked a serious socio-economic crisis. The health care scare overlaps with the ongoing presidential electoral campaign and the extreme political polarization of the country, leading to the politicization of discussions regarding the ways and means of resolving the health care crisis and complicating the process of decision making. The pandemic is also enhancing the autarchic tendencies in the US foreign policy and it's the increasingly anti-Chinese orientation that became visible during Donald Trump's White House tenure. Even under these circumstances, the American elites were able to negotiate several stabilization measures designed to deal with the medical and socio-economic aspects of the current crisis. Their willingness and ability to continue such collaboration in the future will have a direct bearing on the US socio-economic and political stability.

KEYWORDS

Pandemic, COVID-19, Coronavirus, USA, Donald Trump, Joseph Biden, Health Care

The ongoing COVID-19 coronavirus pandemic exerts a serious and ever-increasing negative influence on countries' health care systems, economies, and politics worldwide, further aggravating the prolonged crisis of the liberal global order that was formed over the 30 years that have passed since the end of the Cold War. In the US, the current situation is further complicated by the Democratic Party's primaries and the forthcoming in November 2020 presidential and congressional elections, the attempts of President Donald Trump to reconfigure many aspects of the domestic political system and the basic principles on which the current international economic and political order was formed (ironically, under a strong American leadership), and the fierce resistance of the entrenched elites to these reform attempts.

Not just the Democratic Party elites – many other groups within the American establishment have viewed Donald Trump as a systemic threat to their power and privileges ever since he announced his bid for the presidency in 2015. Indeed, Trump's reforms and the ideas he stands for are designed to completely reshape many fundamental principles that have underpinned the US domestic and foreign policy in the second half of the 20th century and at the start of the current century. Thus the ongoing healthcare calamity overlaps with the deep socio-economic and political crises the United States has been going through.

Respectively, the way the current crisis is resolved will have a direct impact on the state of the world economy and politics as well as the outcome of the 2020 US presidential election campaign, the evolution of the country's political system, and America's future role in the world.

The Pandemics and Their Societal Impact in Theory and Political Practice

The possibility of a catastrophic worldwide pandemic and the scale of its potential impact on the international and the US economies and societies have been widely discussed in academic literature. A significant amount of research was dedicated to the lessons of the Hispanic Flu pandemic of the 1910s and the earlier pandemics known in history. In the second half of the last century, of particular interest to researchers were the regional epidemics and pandemics, including those related to SARS, Ebola, Swine Flu, Anthrax, or AIDS.¹ Studied were the ways to contain the spread of the virus, the potential preventative measures, including the role of vaccinations and the universal health care systems, and the impact of such catastrophic phenomena on the economic and political systems and societies of particular countries.² Some authors developed statistical models to analyze the spread of particular infections as well as their economic and societal impact.³ With the end of the Cold War, many researchers have turned their attention to the related issues of the social and economic costs associated with potential technogenic and environmental catastrophes, climate changes, large-scale terrorist acts, and massive refugee flows.⁴

1 Boffey 1976; Cole 1996.

2 Langmuir 1963; Schoenbaum et al. 1976; Kavet 1977; Campbell et al. 1997.

3 Cliff et al. 1993.

4 Kaufmann et al. 1997; Cole 1996.

In particular, in an article published in 1999, M. I. Meltzer, N. J. Cox, and K. Fikuda discussed the possible effects of a future influenza pandemic in the United States, analyzed its potential economic effect, and evaluated the role of vaccine-based interventions. Relying on the death rates, hospitalization data, and outpatient visits, they estimated the potential toll at 89,000 to 207,000 deaths; 314,000 to 734,000 hospitalizations; 18 to 42 million outpatient visits; and 20 to 47 million additional illnesses. Patients at high risk (15% of the population) could account for approximately 84% of all deaths. The economic losses were estimated at \$71.3 billion to \$166.5 billion (in 1999 prices), excluding the disruptions to commerce and society. The authors concluded that vaccinating 60% of the population would generate the highest economic returns but may not be possible within the time required for vaccine effectiveness, especially if two doses of vaccine were required.¹

And still, it turned out that neither the American political establishment nor the academia and the healthcare providers were fully prepared for the pandemic ravaging the US in 2020, especially for its political and socio-economic implications.

The Pandemic Impact: The Initial Forecasts

The United States of America, the richest and strongest country of the modern world, has been disproportionately severely affected by the pandemic. According to the World Health Organization (WHO) data (generally somewhat lower than the national figures), as of May 6, 2020, the United States had 32.6% COVID-19 of the registered worldwide cases (1,171,185 of 3,588,773) that resulted in 25.3% deaths (62,698 of 247,503).² Within just twenty days, by May 26, the official WHO figures have grown to 1,618,757 cases (out of 5,370,375 worldwide, or 30.1%) and 96,909 deaths (out of 344,454, or 28.1%, worldwide).³ Even though the US death ratio was somewhat lower than the world average (5.4% v. 6.9% on May 6 and 6.0% v. 6.4% on May 26), these figures pose serious questions about the archaic state of the US medical sphere: the *de facto* absence of a nationwide public healthcare system, the domination of for-profit private medicine, the Medieval-style corporate structure of the medical profession, the heavy reliance on the immigrant labor – in general and in the medical sphere in particular⁴, and the tremendous number of private health insurance carriers and plans – with the resulting absurdly high medical costs and the complexity of formulating and enforcing any coherent nationwide healthcare policies. While the United States health care expenditures are huge (reaching \$3.6 trillion in 2018, or \$11,172 per person. As a share of the nation's Gross Domestic Product, health spending accounted for

1 Meltzer et al. 1999, 659-71.

2 "Coronavirus disease (COVID-19). Situation report – 107," World Health Organization, May 6, 2020, accessed May 30, 2020, https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200506covid-19-sitrep-107.pdf?sfvrsn=159c3dc_2.

3 These figures are somewhat lower than those reported within the US. For instance, the US Centers for Disease Control reported 1,637,456 cases and 97,669 deaths as of May 25, 2020. For more information see Centers for Disease Control and Prevention. "Coronavirus Disease 2019 (COVID-19): Cases in the U.S. Last Updated May 25, 2020," May 26, 2020, accessed May 30, 2020, <https://www.cdc.gov/coronavirus/2019-ncov/cases-updates/cases-in-us.html>; "WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard," World Health Organization, May 26, 2020, accessed May 30, 2020, <https://covid19.who.int/region/amro/country/us>.

4 At the beginning of 2020, the share of foreign-born employees in the US health care was 16.4% (2.8 million), reaching 31.6% in California and 34.3% in New York State. Among the nurses, the share of immigrant labor was 15.3%; medical aides, 25.3%; and physicians and surgeons, 28.2%. See: "Immigrant Healthcare Workers Are Critical in the Fight against Covid-19," New American Economy Research Fund, April 9, 2020, accessed May 15, 2020, <https://research.newamericaneconomy.org/report/covid-19-immigrant-healthcare-workers/>.

17.7%¹), a significant share of the population remains uninsured: even after the introduction in March 2010 of the Patient Protection and Affordable Care Act (the so-called Obamacare), the number of the uninsured remained 30.1 million in 2018 (11.1% compared to 48.2 million or 18.2% in 2010).²

The situation is further aggravated by the existence of huge social and racial disparities in terms of frequency of infections and death ratios. The Centers for Disease Control, for example, reported that the African Americans, comprising 13% of the US population, account for 33% of those hospitalized with coronavirus infection. 45% of the infected are Whites and 8% are Latinos, "suggesting that black populations might be disproportionately affected by COVID-19." The coronavirus related mortality statistics show an even greater contrast: 70% of coronavirus deaths in Milwaukee have been African Americans, even though they accounted for less than a third of that city's population. Similarly, in Chicago, African Americans comprise 30% of the population but 69% of all coronavirus deaths; and in Louisiana, African Americans are 32% of the population but account for 70% of coronavirus deaths. In New York City, Latinos made up 34% of deaths despite being 29% of the population, while African Americans accounted for 28% of deaths, compared with 22% of the population.³

Respectively, the health care crisis has immediately acquired a political dimension and became a part of the global political struggle going way beyond the usual left-right divide on the future of health care reform in the United States. Indeed, the impact of the current crisis is felt way beyond the medical sphere. Throughout his tenure in the White House, Donald Trump has emphasized that his trump card was the excellent state of the American economy, which gave him hope not only to consolidate the support from those groups that supported him in the 2016 election (such as the representatives of big business in the real sector of the economy, first of all, the manufacturing and agriculture, the owners of small and medium-sized businesses, most of the White middle class, the military and the law enforcement servicemen). In particular, consistently declining were the unemployment rates: from 4.9% in 2016 (the last year of Obama's presidency) to 4.3% in 2017, 3.9% in 2018, and 3.5% in 2019. GDP (in market prices) grew by 1.6% in 2016 to 2.2% in 2017, 2.9% in 2018, and 2.7% in 2019.⁴ In February 2020, the White House declared euphorically:

- "Nearly 7 million jobs have been created nationwide since President Trump's election, including more than 500,000 manufacturing jobs.
- Last year, the unemployment rate reached its lowest level in half a century.
- Unemployment rates for African Americans, Hispanic Americans, Asian Americans, Americans without a high school degree, and disabled Americans have logged record lows.
- The Trump economy is bringing workers off the sidelines after they were left behind for years.

1 "National Healthcare Expenditure Data," CMS.gov: Centers for Medicare and Medicaid Services, May 18, 2020, accessed May 25, 2020, <https://www.cms.gov/Research-Statistics-Data-and-Systems/Statistics-Trends-and-Reports/NationalHealthExpendData/NationalHealthAccountsHistorical>.

2 Cohen et al. 2018.

3 Cheyenne Haslett, "CDC releases new data as debate grows over racial disparities in coronavirus deaths. Experts say more can be done now if there's more national data," ABC News, April 9, 2020, accessed May 30, 2020, <https://abcnews.go.com/Politics/cdc-releases-data-debate-grows-racial-disparities-coronavirus/story?id=70041803>.

4 "Developments in Individual OECD and Selected Non-member Economies: the United States," OECD, accessed May 20, 2020, <http://www.oecd.org/economy/outlook/economic-forecast-summary-united-states-oecd-economic-outlook.pdf>.

- The prime-age labor force has expanded by 2.3 million under President Trump after shrinking by almost 1.6 million under the previous administration.
- Nearly 2.5 million Americans have been lifted out of poverty, including nearly 1.4 million children.”¹

Trump claimed with enthusiasm: “In just three short years, we have shattered the mentality of American decline, and we have rejected the downsizing of America’s destiny.”² Indeed, those whose economic situation has improved significantly as a result of the economic boom of the Trump years as well as benefitted from the protectionist foreign trade measures also included a significant proportion of the ethnic and racial minorities. All this has allowed Trump not only to consolidate his positions among those groups that supported him in 2015-2016 but also to begin to “lead away” large segments of minority voters from the Democrats. As long as the economic growth continued, Trump looked essentially invincible. His position was further enhanced by a weak (though pretty crowded simultaneously) field of contenders for the Democratic Party nomination and the leading position within it of the former Obama’s Vice President, the 77-year old Joseph (Joe) Biden – an ideal opponent for Trump.

Respectively, the economic collapse caused by the pandemic was expected to weaken the position of the President, giving the Democrats at least some semblance of hope for the victory in November, even in the absence of any formidable presidential candidates. Just within the two latter weeks of March, the Dow Jones, NASDAQ, and S&P indices lost all of the gains they made during the previous three years of Trump’s presidency and returned to their late-2016 levels, having decreased by more than 35% overall (regaining about a half of those losses in April). GDP production in the first quarter of 2020 was 4.8% lower than in the same period last year. The personal income in March 2020 has declined by 2%, the international trade volume, by \$44.4 billion.³ The situation has become even more complicated due to the overlap of the current crisis with the recent oil price war, which was largely triggered initially by the tactical market game played by Russia, Saudi Arabia, and the United States: In mid-March 2020, before the impact of the pandemic started to be felt, Oxford Economics expected that the scaling back of the capital expenditure and investment resulting from the oil crisis could shave 0.3 percentage point off the US GDP.⁴

The International Monetary Fund’s April 2020 forecast expects the US economy to shrink by 5.9% in 2020. Even though this is relatively better than the expected EU average, – 7.5%,⁵ it is clear that such an economic blow can carry with it significant social and political consequences. The touchiest politically issue is that of employment. In April, the unemployment rate increased by 10.3 percentage points – to 14.7%. This is the highest rate and the largest over-the-month increase since the start of the Great

1 “The Historic Results of President Donald J. Trump’s Economic Agenda,” The White House, February 20, 2020, accessed May 15, 2020, <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/historic-results-president-donald-j-trumps-economic-agenda/>.

2 Ibid.

3 “Principal Federal Economic Indicators,” Bureau of Economic Analysis. US Department of Commerce, accessed May 30, 2020, <https://www.bea.gov/news/glance>.

4 Peter Brennan, “Oil-price War Seen Exacerbating Slump in Global Economy,” S&P Global Market Intelligence, March 25, 2020, accessed April 15, 2020, <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/oil-price-war-seen-exacerbating-slump-in-global-economy-57647691>.

5 The IMF expects the US economy to grow by 4.7% in 2021. For more information see the International Monetary Fund. “World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown,” accessed May 30, 2020, <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>.

Depression. The number of unemployed persons rose by 15.9 million to 23.1 million in April. The unemployment rates rose sharply among all major worker groups. The rate was 13.0% for adult men, 15.5% for adult women, 31.9% for teenagers, 14.2% for Whites, 16.7% for Blacks, 14.5% for Asians, and 18.9% for Hispanics.¹ The overall number of people filing for unemployment benefits has exceeded 30 million. Goldman Sachs expects it to reach the share of the unemployed in the economically active population to reach 25%, repeating the record indicators of the Great Depression era (24.9% in 1933). Taking into account the underemployed and those who gave up on a job search, the real figure could reach 35%,² raising the fears of rising social tensions and conflicts.

The Expectations v. the Emerging Reality

This situation was making the Democrats hopeful at the beginning of the current crisis that, instead of getting credit for the economic expansion of 2017-2019, the President could be hurt by the economic collapse. Besides that, Trump's opponents hoped that he could be accused of ineffective leadership in dealing with the health care crisis. The Coronavirus scare could also strengthen the left's hand in its drive to create a first truly nationwide public health care system. And finally, the crisis was allowing the Democratic Party officials to circumvent the primaries' procedures, railroading to victory the establishment's favorite – the elderly Joe Biden. Moreover, the intense pressure has been levied at Biden's main challenger, the left-wing Socialist senator, 78-year old Bernie Sanders (whom the Party bosses hated and were afraid of no less than of Trump), to immediately exit the race. The crisis was also offering them a chance to protect the increasingly senile and visibly disoriented Biden from any direct interaction with the electorate and the media (to say nothing of having him on a debate podium facing Donald Trump directly). For Biden, who does not shine with either physical health or mental acuity, this could be a lifesaver. Respectively, one can expect further attempts by the Democratic leadership to prevent Biden's direct debates with President Trump, the debates that, for the elderly and dull-witted Democratic candidate, could turn out to be a true "kiss of death".

While many of these expectations seemed to be quite logical, the reality turned out to be very different. In particular, Donald Trump has again demonstrated his ability to get mobilized and change his behavior during the moments of crisis. The President, who had an adversarial relationship with the mainstream media and ignored its representatives for years, started to have daily news conferences, interacting with journalists for hours, travelling around the country, meeting with state officials and business and societal leaders and demonstrating that he was in charge and was willing to take responsibility upon himself.

This represents a sharp contrast with the behavior of Joe Biden, who, in addition to his general physical and mental weakness, has surprised even many of his supporters by a cowardly behavior – hiding in a basement of his home in Delaware and avoiding any direct contact with the outside world. All attempts by the apparatchiks of the

1 "The Employment Situation – April 2020," News Release, May 8, 2020, accessed May 10, 2020, <https://www.bls.gov/news.release/pdf/empisit.pdf>.

2 Matt Egan, "Goldman Sachs Issues Warning About US Unemployment," CNN Business, May 13, 2020, accessed May 30, 2020, <https://www.cnn.com/2020/05/13/economy/jobs-unemployment-rate-goldman-sachs/index.html>.

Democratic Party and the mainstream media to airbrush his image, organize the likeness of his speeches and press conferences *via* Skype, allowing him to read the prepared answers, have failed to produce the desired results. Biden's behavior sharply contrasts not only with that of Trump – it differs sharply from the actions of several other politicians, including many members of Congress and Governors, among whom are the Democratic Governors of New York Andrew Cuomo and California's Gavin Newsom. Not surprisingly, there is growing criticism of Biden among the Democrats, including the vocal proposals to replace him with a more effective candidate, for example, New York's Andrew Cuomo, who is actively working now in the media space and is rapidly gaining popularity among the Democrats. Meanwhile, the widely advertised Biden's promise to nominate a woman as his running mate has further limited the freedom of man oeuvre both for him and for the Party leadership, making it impossible to put Cuomo on the ticket (who could become then the Party's candidate in case if Biden's inability to run an effective campaign becomes all too obvious). The situation for Biden is further aggravated by a series of corruption, power abuse, and sexual scandals that can start snowballing after he gets the official Party nomination. Given the rigid primary selection system and the fact that Party bureaucrats seem to have settled on Biden's candidacy, it would be very hard to push for a change at the top of the Democratic ticket without a devastating scandal.

Particularly disappointing for the Democrats was that, according to the April 14-28 2020 Gallup poll, Trump's activity as president was generally approved by 49% of respondents (compared to 44% two weeks earlier), including 93% of Republicans, 47% of Independents, and 8% of Democrats.¹ The dynamics of the public approval of the President's actions in dealing specifically with the pandemic is more controversial: on March 13-22, 60% of respondents approved of the President's actions amid the current crisis (only 43% approved of his actions two weeks before that). Among them were a number of senior representatives of the Democratic Party, including some Governors, who were forced to recognize the effectiveness of the White House actions. Overall, Trump's work was approved by 94% of Republicans: 60% of independent voters, and even 27% of Democrats. Meanwhile, the next poll has shown that support for the President's actions has slipped to 50% (respectively, 91%, 50%, and 11% among the Republicans, Independents, and Democrats).²

Still, the Republican electorate shows a very high degree of enthusiasm for its candidate – this stands in sharp contrast with the lukewarm attitude of the Democrats towards Joe Biden. Emerson Poll has found that Trump has a sizable 19-point advantage in the enthusiasm gap over Biden, 64%-45%. Some 36% of the President's supporters said they were "extremely excited" to vote for Trump, and 28% said they were "very excited." For Biden, those numbers were 22% and 23%.³ An even more dangerous trend consists of many "progressives" – the left-wingers who supported

1 "Presidential Approval Ratings – Donald Trump," Gallup, May, 2020, accessed May 30, 2020, <https://news.gallup.com/poll/203198/presidential-approval-ratings-donald-trump.aspx>.

2 Jeffrey M. Jones, "Americans Divided on Trump's Handling of COVID-19 Situation," Gallup, April 30, 2020, accessed May 15, 2020, <https://news.gallup.com/poll/309593/americans-divided-trump-handling-covid-situation.aspx>.

3 Paul Bedard, "19-Point Enthusiasm Gap: Trump Supporters Jazz to Vote, Biden's 'Meh'," Washington Examiner, April 29, 2020, accessed April 30, 2020, <https://www.washingtonexaminer.com/washington-secrets/19-point-enthusiasm-gap-trump-supporters-jazzed-to-vote-bidens-meh>.

Senator Bernie Sanders during the primary season – openly expressing their skepticism about the tentative Party nominee. The recent polls show that more than one in five Sanders supporters don't plan to vote for Biden, while six out of ten say they are “not very excited” or “not excited at all” about his nomination.¹ Meanwhile, exactly the fact that about 20% of Sanders' supporters either did not vote for Hillary Clinton or voted for Donald Trump in the hotly contested Michigan, Wisconsin, and Pennsylvania in 2016 has cost Hillary the election.

The Policy Implications

For the Democrats, Trump's relative success in dealing with the pandemic and the economic crisis associated with it might have very unpleasant political consequences. Considering the extreme polarization of the country, the crisis situation can lead to a further escalation of political tensions, significantly complicating the formulation and execution of a coherent governmental policy in terms of dealing with the pandemic and its socio-economic consequences.

Besides the electoral considerations, the task of fighting the pandemic is further worsened by the constitutional disagreements in regard to the division of powers among the federal, state, and local governments (including their ability to use the federal funds). The conflict also has a purely ideological dimension – conservative Republican President has to deal with a large number of liberal Democratic Governors being in charge of states that turned out to be the most affected by the Coronavirus, in particular, New York, California, Michigan, Washington. They have very different views on the goals, methods, and role of government in resolving the crisis.

Regarding the first issue, following a month-long tag of war, the President has agreed to transfer a significant share of responsibility to state and local governments. This action has opened the door to a significant intergovernmental policy differentiation based on specific regional conditions and the ideological positions of the local governments.

Ironically, regardless of the ideological differences between the White House and the Democrats, in a vein similar to the Great Depression era, the solutions offered up to this point and accepted by both sides of the political spectrum have led to a serious strengthening of the socio-economic role of the state: the CARES (The Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security) Act, a package of measures adopted by Congress and signed by the President, which went into effect on 27 March 2020, provided for the allocation of \$2.2 trillion dollars to combat the crisis. These measures were aimed at solving the problems in three main areas:

- medical (a sharp increase in the production of ventilators, medical masks and disinfectants as well as sponsoring the medical and pharmaceutical research, the development of drugs and vaccines, and providing \$100 billion for the construction of new, temporary, and the renovation and expansion of the existing hospitals);

1 Justin Vallejo, “2020 election: Joe Biden could lose to Trump if he fails to win over Bernie Sanders supporters, campaign adviser warns,” The Independent, May 15, 2020, accessed May 30, 2020, <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-election/2020-election-joe-biden-bernie-sanders-trump-a9517691.html>.

– personal, involving the direct payments of \$1,200 to all Americans, earning up to \$75,000 (or \$150,000 for a family), and an additional \$500 per child. Payments to higher earners (those with an annual income of up to \$99,000) are to be prorated. The Act has substantially expanded the jobless aid, providing an additional 13 weeks and a four-month enhancement of benefits – a \$600-per-week boost in unemployment insurance, and extended the payments for the first time to freelancers and gig workers – worth more than \$500 billion overall;

– business-oriented, including \$377 billion in federally guaranteed loans to small businesses and the establishment of a \$500 billion government lending program for distressed companies reeling from the impact of the crisis, including allowing the government to take equity stakes in airlines that received aid to help compensate the taxpayers.¹

The adoption of this package and a number of other measures, including an agreement on reducing the oil production, has made it possible to soften the negative impact on the economy and American citizens. Still, the adoption of the bill involved significant disagreements in regard to who the recipients of the aid should be. In particular, the Republicans emphasized that assistance should go first of all to businesses as the creators of new value and jobs while the Democrats demanded that assistance had to be directed primarily towards the local governments and the less advantaged population groups. While both parties agreed on the need to support small businesses, the Democrats insisted that priority had to be given to minority business owners. They were able to put in the text of the bill a number of “their” proposals.

In particular, the bill allocated \$100 million for additional rural broadband and \$150 million for the arts and humanities grants to bring cultural programming to Americans stuck at home. It increased funding for domestic violence shelters and hotlines and set aside \$425 million to deal with mental health and substance abuse disorders related to the pandemic. \$400 million became available to “protect and expand voting for the 2020 election cycle.” \$3.5 billion were given to states to prop up child care facilities and allow universities to keep paying students in federal work-study jobs even if their academic terms have been cut short.²

Thus on the one hand, the degree of both the federal and the local governments’ involvement in the economic and social spheres has increased significantly. This trend was further enhanced by the invocation by the President of the 1950 Defense Production Act, allowing the federal government’s interference into the private business activities, and strict limits introduced temporarily on the immigration (including family-based migration and the admission of the refugees). On the other hand, also visibly increased the amount and degree of federal debt.

With the passing of the initial shock and November elections coming closer, the disagreements between the two parties in regard to the future ways of dealing with the crisis will inevitably escalate. The first signs of that are the Congressional hearings held by the Democrats in the House of Representatives and the political clashes over the newly proposed anticrisis measures. In particular, the more than 1,800-page long

1 Emily Cochrane and Nicholas Fandos, “The Senate Approves \$2 Trillion Stimulus After Bipartisan Deal,” *The New York Times*, March 25, 2020, accessed May 30, 2020, <https://www.nytimes.com/2020/03/25/us/politics/coronavirus-senate-deal.html>.

2 Ibid.

HEROES (Health and Economic Recovery Omnibus Emergency Solutions) Act, passed by the Democratic majority of the House of Representatives in May 2020, is guaranteed to encounter a serious resistance in the Republican-controlled Senate as well as from the White House. Worth more than \$3 trillion, it is designed to provide \$500 billion in direct assistance to state governments to counter the fiscal impact of the pandemic, \$375 billion to assist local governments, \$20 billion to tribal governments, and \$20 billion to US territories.¹

If adopted, the bill would establish a \$200 billion "Heroes' Fund" to ensure that essential workers receive hazard pay. Their employers would be able to apply for grants to provide a \$13 per hour premium pay for their workers on top of regular wages. These employers would be eligible for grants of \$10,000 per worker, or \$5,000 for highly compensated essential workers. Another provision of the bill would appropriate \$850 million for states to provide child and family care for essential workers. The bill would also offer to fund for personal protective equipment for emergency health care and essential workers. The proposal would extend a \$600-per-week boost in unemployment insurance established under the CARES Act until January 2021 to help millions who have lost jobs during the pandemic. The legislation would extend the existing student loan payment plans established in the CARES Act, which did not cover private loan borrowers. It would provide up to \$10,000 in debt relief to be applied to a private student loan, to be paid in monthly installments by the Treasury Department until September 2021. The proposal calls for an additional \$75 billion for coronavirus testing, contact tracing and isolation measures. It also intends to ensure that all Americans could receive free coronavirus treatment. The bill would provide \$50 million in assistance to farmers, farmers markets and local food outlets affected by market disruptions, as well as another \$50 billion to beginning farmers and ranchers. It would also provide \$16.5 billion in direct payments to agricultural producers. The legislation designates \$100 billion in emergency assistance to low-income renters to help them avoid eviction. It would also provide \$75 billion to states, territories and tribes to help homeowners with direct assistance with mortgage payments and other housing costs. The bill would implement the second round of direct payments to Americans to assist with the fallout of the pandemic. It would provide \$1,200 to every family member, including children, up to \$6,000 per household. The HEROES Act gives \$25 billion in assistance to the Postal Service, which is expected to run out of money by late September without congressional assistance. The bill allocates \$3.6 billion in grants to states for planning and preparation of elections, as well as to bolster election security. Several progressive groups have called for election assistance to be included in the next coronavirus relief bill.²

Meanwhile, it is clear already today that, on the one hand, the ideological divide between the parties in regard to the ways of dealing with the crisis keeps growing, complicating the adoption of this or any other future legislative acts. It is also obvious that the adoption of relief packages cannot solve the problem on its own. The exclusive

1 "House Democrats' \$3 Trillion Relief Bill?" CBS News, May 13, 2020, accessed May 21, 2020, <https://www.cbsnews.com/news/coronavirus-relief-package-heroes-act-3-trillion-bill-house-democrats/>.

2 "Making emergency supplemental appropriations for the fiscal year ending September 30, 2020, and for other purposes," 116th Congress (2019-2020). 2nd Session, accessed May 30, 2020, <https://docs.house.gov/billsthisweek/20200511/BILLS-116hr6800ih.pdf>; Grace Segers, "What's in the House Democrats' \$3 Trillion Relief Bill?" CBS News, May 13, 2020, accessed May 30, 2020, <https://www.cbsnews.com/news/coronavirus-relief-package-heroes-act-3-trillion-bill-house-democrats/>.

reliance on such measures would lead, among other problems, to significant growth of public debt. The President's growing concern involves precisely the economic consequences of the crisis. Increasingly, he supports the movement towards the reopening of the economy and lifting the limits on public life, frequently ignoring the health experts' recommendations. Trump is also entertaining various proposals as to how the country can boost its economic growth again.

Ironically, many such proposals could also come from the liberal Keynesian textbook and lead to the further strengthening of the governmental role in both the economic and the socio-political spheres. In particular, a return to the idea of two years ago is possible, when the President offered the Democrats the adoption of a program for the development of transport infrastructure with a total price tag of more than \$1.5 trillion. At that time, the proposal was blocked due to both the conceptual differences and the Democrats' unwillingness to support any initiative that could increase Trump's ratings. Today, however, this Keynesian, in its essence, the project could be capable of stimulating the economy on the basis of state-generated demand and creating millions of jobs. Sabotaging it could bring very painful political consequences for an opponent.

The Long-Term Consequences?

Besides the pandemic's devastating impact on the US health care system, social and economic life, and political stability, the current crisis has intensified and, in a number of instances, legitimized some significant societal trends, which were *de facto* emerging earlier. Many cause serious apprehension on the part of both academics and social activists. Among them:

- the expansion of state controls over various spheres of public and private life with the use of modern technology. On a number of instances, the attempts by the local governments to impose such control mechanisms on society have caused significant public irritation and protests, including those of the armed citizens. Governments on all levels took note on that, starting to lift the limits on economic activity and social interactions already at the beginning of May;

- the temporary transfer of school and university education to an on-line format. While many school systems have already announced the return to a normal format in the Fall (while simultaneously the others, such as the largest in the US California State University system, declared their intention to continue working online until at least the end of 2020), it is expected that the impact of the crisis on the educational sphere might be significant and permanent, leading to the expansion of online education, the weakening of the tenure institution, and the general lowering of the educational and research standards and quality;

- the increasing share of the online retail and services and the quick expansion of the number of those working from home. These trends can lead to a significant restructuring of the labor market and a large wave of bankruptcies of retail, service, and other business entities;

- the strengthening of trends towards the establishment of direct democracy on the basis of voting via the *Internet* and the direct interaction of political leaders with the electorate, resulting, in particular, in the increasingly populist character of American politics;

- a similar populist trend resulting from the growing political polarization and the newly emerging *ad hoc* mass protest movements, increasingly involving protesters openly carrying arms;
- the tightening of controls in the immigration sphere with a consistent shift towards the preferential treatment given to the elite immigrants simultaneously with a crackdown on the low-qualified and undocumented migrants, family-based migration, and the admission of refugees;
- the enhancement of the anti-globalist backlash of the recent years, involving the return to a classical, absolute understanding of state sovereignty and the strengthening of the autarchic economic tendencies, including an increasingly skeptical view on the intergovernmental organizations and INGOs; and
- the growing tensions with China viewed increasingly as an ascending superpower challenging the hegemonic position of the United States in the world. For those adhering to this point of view, the pandemic represents a convenient moment to enhance the anti-Chinese rhetoric and push for cutting the bilateral economic ties and the introduction of various sanctions designed to slow down the advancement of that country's economic power.

The seriousness of the pandemic consequences has been highlighted by the events surrounding the killing of the African American, George Floyd, by a White police officer on May 25, 2020, in Minneapolis, Minnesota. The explosion of public anger and the massive demonstrations, involving clashes with the police and numerous pogroms and acts of vandalism were the result of the extreme polarization of American society of the Trump years, the aggressive elite media campaign, the growing social gap, and the pattern of the police abuse and killings of African Americans in the US. Simultaneously, these events were indicative of tensions resulting from the quarantine and the social isolation as well as the desperation of those losing jobs, incomes, and businesses. The resulting riots also sent a strong signal to the elites regarding the potential political costs of pandemics and the restrictive measures imposed on society. It is also expected that the overlap of the pandemic with the riots would further aggravate the economic situation, further complicating the post-crisis recovery.

The Foreign Policy Implications

Among the aforementioned pandemic related trends, three latter ones fully correspond to Donald Trump's worldview and the policies he's been pursuing during his White House tenure and are aimed at the radical revision of the US geopolitical priorities. These, in particular, include the tightening of controls in the immigration sphere with a consistent shift towards the preferential treatment given to elite immigrants (academic personnel, other highly qualified migrants in select professional fields, students, and "investment" migrants) along with the increasingly discriminatory approach towards all the other categories of migrants, especially the undocumented ones (the latter's number is estimated currently at around 11 million¹).

1 Pasel, Cohn 2017.

From the very start, Trump declared the “America First” principle, espousing the return to a traditional understanding of the state sovereignty concept. This has meant, in particular, the increasingly negative view on the role of the major international organizations, including the UN, the WTO, NATO as well as such functional organizations as WHO.¹ In particular, the President’s advisors consider the globalization system, incrementally built in the initial post Cold War period on the basis of such mechanisms as the World Trade Organization and designed to create economic advantages for the largest and (presumed at that time to be) the most effective, American economy, to be now more of a liability than an advantage for the U.S. In Trump’s view, at present, this system benefits China instead of the U.S. and should be destroyed or at least modified significantly.

His approach has relied on a less interventionist and ideologically motivated foreign and military policy and involved the emphasis on the ongoing geopolitical shift towards the Pacific region along with viewing China as the major and quickly growing political, economic, and military threat to the United States. In particular, Trump’s campaign advisor Steve Bannon claimed: “The economic war with China is everything. And we have to be maniacally focused on that. If we continue to lose it, we’re five years away, I think, ten years at the most, of hitting an inflection point from which we’ll never be able to recover... One of us is going to be a hegemon in 25 or 30 years and it’s gonna be them if we go down this path.”²

This has further reinforced his desire to take steps aimed at weakening China (including the improvement of the U.S.-Russia relations), and protecting the American industry and agriculture from what he viewed as unfair competition, by rebuilding the economic protectionist barriers, eliminating the diversity immigration lottery, and cutting the scale of both family-based migration and refugee flow. Viewing China as the major threat to U.S. interests, Trump is willing to destroy or at least significantly weaken those global institutions that were formed or expanded during the last thirty years. In his view, these agreements and structures, designed initially to give advantage to the U.S., at present favor China and several other countries.

The ongoing pandemic was perceived by the President both as a proof of correctness of his vision and an opportune moment for raising tensions with China to block its further advancement through some kind of a new “containment” policy. Thus we are witnessing numerous statements by the administration officials accusing China of an ineffective response to the pandemic, hiding the relevant information, conducting secret biological experiments and the like. Simultaneously, the White House is incrementally withdrawing from important international treaties and increasing the pressure on the major international organizations. This seems

1 The latest expression of this trend was Donald Trump’s sharp criticism of the World Health Organization’s reaction to the pandemic, accusing WHO of acting under the pressure from China and threatening to withhold \$118 million of the US membership dues – in addition to more than \$90 million the country already owes the organization from the last year. Meanwhile, US dues account for about a quarter of the annual fees the WHO assesses to all 194 of its member states. See David Welna, “US Was Behind on Payments to WHO Before Trump’s Cutoff,” National Public Radio, May 7, 2020, accessed May 30, 2020, <https://www.npr.org/2020/05/07/850326053/u-s-was-behind-on-payments-to-who-before-trumps-cutoff>; “Statement of Account. United States of America: As at 31 January 2020,” World Health Organization, accessed May 15, 2020, https://www.who.int/about/finances-accountability/funding/account_statement/2020/usa_en_2020.pdf?ua=1.

2 “Steve Bannon Says the U.S. is already in an ‘Economic War’ with China,” CNBC, August 16, 2017, accessed May 15, 2020, <https://www.cnbc.com/2017/08/16/steve-bannon-says-the-us-is-already-in-an-economic-war-with-china.html>.

to be a risky strategy that could become a self-fulfilling prophecy by provoking an angry Chinese reaction, worsening relations with the allies, weakening the existing international regimes, and causing further resistance on the part of the established elites within the US.

The Post Crisis Future: Are the Changes to Stay?

The current pandemic has hit the United States exactly at a time when that country has entered a deep system-wide crisis reminiscent in many respects of the developments in the latter days of the Soviet Union. Meanwhile, the current situation is further complicated by the ongoing technological changes. Modern technology and the structural changes in American society played a major role in the emergence of the Donald Trump phenomenon and his ascendance to the White House in November 2016. For better or worse, Trump has been trying to offer his vision of structural reforms in an attempt to avoid such systemic collapse. Nevertheless, both his person and policies were from the very start viewed with suspicion and encountered fierce resistance on the part of the political establishment. Indeed, the Coronavirus crisis comes in the footsteps of its endless and unrelenting attempts to remove the President from office, or at the very least, to discredit or intimidate him, whatever the price of such actions for the country could be.

In this sense, the national elite has been remarkably consistent in repeating almost every mistake committed by the Soviet Communist apparatchiks during the Perestroika years, including their endless attempts to prevent Boris Yeltsin's rise to power, persisting, just like the Soviet bureaucrats, in a delusion that Trump's ascendance was a mere accident of history – respectively, if they managed to throw him out of office, history could resume its natural course. After all, for them, the existing is perceived as the pinnacle of the Creation that has to stay forever, while any attempts to question its effectiveness and moral superiority are to be treated as a sign of mental deficiency or criminal intent.

This approach and the growing political and ideological polarization in the country could prevent the achievement of consensus in regard to the ways and means of dealing with the ongoing crisis and creating the mechanisms designed to prevent its repetition in the future. Still, the current situation generates a unique opportunity for the opposing sides to start cooperating in order to resolve the crisis and introduce significant systemic reforms – as it happened on a number of decisive moments in the US history, including Roosevelt's New Deal in the 1930s and Johnson's Great Society in the 1960s. Ironically, in both of those instances, the reforms led to a drastic expansion of the government's social, economic and political power. In particular, many Democrats, especially members of the leftist, "progressive" wing of the Party, hope that the pandemic calamity would lead to the changes in public opinion, supporting their push for a nationwide public health care system.

The adopted stabilization packages and the ongoing expansion of the government's redistributive role in the socio-economic sphere show that consensus, at least on a limited scale, is possible. The most recent economic forecasts also predict stabilization

and the resumption of economic growth already in the third quarter of 2020.¹ Time will tell if American history repeats itself in 2020, leading to significant systemic reforms, or the petty political considerations and the logic of electoral politics would prevent it from happening. In the latter case, the health care crisis can turn into a serious socio-economic and political disaster.

- 1 See, for instance, the statement by Jason Furman, Harvard University Professor and the former Obama's White House Council of Economic Advisors Chair. Such an economic improvement could also guarantee Donald Trump's easy reelection for a second term in November 2020. Ryan Lizza and Daniel Lippman, "The General Election Scenario that Democrats Are Dreading," *Politico*, May 26, 2020, accessed May 30, 2020, <https://www.politico.com/news/2020/05/26/2020-election-democrats-281470?fbclid=IwAR2vGHNmBrRpGUM4MAsZl-b4sx5KFxf3A2YybWNTdQx2bbqoAm1XxppWfA>.

REFERENCES

- Boffey, Philip M. "Anatomy of a Decision: How the Nation Declared War on Swine Flu." *Science*, 1976. <https://doi.org/10.1126/science.192.4240.636>.
- Campbell, Douglas S., and Maria H. Rumley. "Cost-Effectiveness of the Influenza Vaccine in a Healthy, Working-Age Population." *Journal of Occupational and Environmental Medicine* 39, no. 5 (May 1997): 408–14. <https://doi.org/10.1097/00043764-199705000-00006>.
- Cliff, Andrew D., and P. Haggett. "Statistical Modelling of Measles and Influenza Outbreaks." *Statistical Methods in Medical Research* 2, no. 1 (March 2, 1993): 43–73. <https://doi.org/10.1177/096228029300200104>.
- Cohen, Robin A., Emily P. Terlizzi, and Michael E. Martinez. "Health Insurance Coverage: Early Release of Estimates From the National Health Interview Survey, 2018 What's New?" Accessed June 8, 2020. <https://www.cdc.gov/nchs/nhis.htm>.
- Cole, Leonard A. "The Specter of Biological Weapons." *Scientific American* 275, no. 6 (1996): 60–65. <https://doi.org/10.1038/scientificamerican1296-60>.
- Kaufmann, Arnold F., Martin I. Meltzer, and George P. Schmid. "The Economic Impact of a Bioterrorist Attack: Are Prevention and Postattack Intervention Programs Justifiable?" *Emerging Infectious Diseases* 3, no. 2 (1997). <https://doi.org/10.3201/eid0302.970201>.
- Kavet, Joel. "A Perspective on the Significance of Pandemic Influenza." *American Journal of Public Health* 67, no. 11 (1977): 1063–70. <https://doi.org/10.2105/AJPH.67.11.1063>.
- Langmuir, Alexander D. "The Surveillance of Communicable Diseases of National Importance." *The New England Journal of Medicine* 268 (1963): 182–92. <https://doi.org/10.1056/NEJM196301242680405>.
- Meltzer, Martin I., Nancy J. Cox, and Keiji Fukuda. "The Economic Impact of Pandemic Influenza in the United States: Priorities for Intervention." *Emerging Infectious Diseases* 5, no. 5 (1999): 659–71. <https://doi.org/10.3201/eid0505.990507>.
- Pasel, Jeffrey S., and D'Vera Cohn. "As Mexican Share Declined, U.S. Unauthorized Immigrant Population Fell in 2015 Below Recession Level." Pew Research Center. 25 April 2017. Accessed June 1, 2020. <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/04/25/as-mexican-share-declined-u-s-unauthorized-immigrant-population-fell-in-2015-below-recession-level/>.
- Schoenbaum, Stephen C., Barbara J. McNeil, and Joel Kavet. "The Swine-Influenza Decision." *New England Journal of Medicine* 295, no. 14 (September 30, 1976): 759–65. <https://doi.org/10.1056/NEJM197609302951405>.

Authors

Andrei V. Korobkov,

Professor of Political Science and International Relations, Middle Tennessee State University, USA,

e-mail: Andrei.Korobkov@mtsu.edu

Additional information

Received: May 14, 2020. Accepted: June 8, 2020.

To cite the article

Korobkov, Andrei V. "The COVID-19 Pandemic, Donald Trump, and the Future of American Politics." *Journal of International Analytics* 11, no. 1 (2020): 42–57. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-42-57>

Пандемия COVID-19, Дональд Трамп и будущее Америки

АННОТАЦИЯ

Пандемия COVID-19 спровоцировала в Соединенных Штатах Америки серьезный социально-экономический кризис и выявила существенные недостатки в национальной системе здравоохранения. Усложняет ситуацию продолжающаяся президентская избирательная кампания, которая стала причиной политической поляризации страны, активизировав дискуссии о путях и средствах разрешения кризиса в области здравоохранения и усложнив процесс принятия ключевых решений. Пандемия также выявила автаркические тенденции во внешней политике США и ее все усиливающуюся антикитайскую ориентацию, которая стала заметной во время пребывания Дональда Трампа в Белом доме. Но даже в этих условиях американские элиты смогли договориться о ряде медицинских и социально-экономических стабилизационных мер, направленных на преодоление негативных последствий текущего кризиса. В перспективе именно их готовность и способность продолжать такое сотрудничество напрямую повлияет на социально-экономическую и политическую стабильность США.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*Пандемия, COVID-19, коронавирус, США, Дональд Трамп,
Джозеф Байден, здравоохранение*

Сведения об авторах

Коробков Андрей Владимирович,
профессор политологии и международных отношений,
Университет штата Теннесси, США,
e-mail: Andrei.Korobkov@mtsu.edu

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 14 мая 2020. Принята к публикации: 8 июня 2020.

Цитирование

Коробков, А.В. Пандемия COVID-19, Дональд Трамп
и будущее Америки // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (1). – С. 42-57.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-42-57>

Итальянский коронакризис и его последствия: национальное, общеевропейское и глобальное измерения

Маслова Елена Александровна

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-58-70>

АННОТАЦИЯ

В начале 2020 г. человечество столкнулось с вызовом пандемии. Новый коронавирус как международная угроза вынудил признать государства, что они не могут выполнять свое главное обязательство – гарантировать своим гражданам безопасность. Коронавирус как международная угроза, несмотря на свою доиндустриальную природу, является во всех отношениях вызовом, характерным для общества постмодерна. Угроза коронавируса проявляется нелинейно во времени и пространстве: появившись в Китае, вирус вспыхнул в других частях света, в том числе на Апеннинах. В Европе Италия стала «антилидером» по числу зараженных и жертв. О причинах вспышки вируса именно на Апеннинах ученые спорят, в то время как нулевой пациент так и не был найден. Однако одна и та же причина порождает разные последствия. Для Италии пандемия повлияла как на национальную политику, так и внешнюю, в т. ч. на отношения с ЕС, Россией и КНР. Цель настоящей статьи – проанализировать последствия пандемии коронавируса для Итальянской Республики на разных уровнях – национальном, общеевропейском и глобальном.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*коронавирус, коронакризис, Италия, внешняя политика Италии,
отношения ЕС-Италия, российско-итальянские отношения,
вызовы постмодерна*

Новый коронавирус как вызов общества постмодерна

Распространение вируса SARS-CoV-2 и перерастание его в пандемию показало, что коронавирус несет в себе не только непосредственную угрозу здоровью, но способен нарушить привычный ход жизнедеятельности человека и государства и даже повлиять на мировую систему. Современная международная система все более хаотизируется и отличается неструктурированным порядком, в котором возникают нелинейные угрозы и так называемые рукотворные неопределенности¹.

Коронавирус как международная угроза, несмотря на свою доиндустриальную природу, является во всех отношениях вызовом, характерным для общества постмодерна². Так, XX в. ознаменовался верой в возможность рациональной деятельности человека, когда М. Вебер создал теорию идеальной бюрократической организации, где каждый индивид выполняет свою роль. Социолог был убежден, что профессионально подготовленные люди, обладающие должными компетенциями, могут эффективно управлять в любых условиях и справляться с рисками³. Однако XXI в. доказывает нам обратное – неопределенность нельзя измерить или просчитать с помощью математических моделей, не существует и механизма управления рисками (у нас нет возможности «колонизации» будущего, о которой писал Э. Гидденс⁴). «Общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение», – писал известный немецкий социолог У. Бек в своей работе «Общество риска»⁵ в конце 1980-х гг.

Динамика усложнения рисков рефлексивного (или «текучего»⁶) модерна такова, что риски начинают производить цепную реакцию последствий: коронавирус ставит под угрозу не только главное – жизнь и здоровье человека – но и мировую экономику и политику. Кроме этого, распространение коронавируса показало, что внешние неполитические риски могут стать вызовом номер один. Можно говорить и о том, что пандемия коронавируса способствовала демократизации международной системы – мишенью стали и бедные, и богатые.

Угроза коронавируса имеет сложную природу, она развивается нелинейно во времени и пространстве: проявившись в Китае, вирус вспыхнул в других частях света, в том числе на Апеннинах. Однако одна и та же причина порождает разные последствия⁷. Дж. Урри – один из создателей теории хаоса – писал о том, что неверно было бы полагать, что только большие изменения вызывают большие последствия⁸. Пандемия коронавируса продемонстрировала, что ее последствия гораздо серьезнее, чем это можно было бы предположить изначально.

Цель настоящей статьи – проанализировать последствия пандемии коронавируса для Итальянской Республики на разных уровнях – национальном, общеевропейском и глобальном.

1 Рукотворная неопределенность – одна из концепций У. Бека, суть которой можно свести к следующему: попытки контролировать риски приводят к расширению неопределенности. См. подробнее: Beck 1999.

2 О вызовах общества постмодерна см. подробнее: Кравченко 2016.

3 Brown 2018.

4 Giddens 1991.

5 Beck 1999.

6 Концепция З. Баумана. См.: Бауман 2008.

7 Urry 2003.

8 Ibid.

Национальное измерение

За короткое время Италия прошла путь от диагностирования первого случая заболевания коронавирусом (31 января 2020 г. у китайских туристов в Риме¹) и заражения² (21 февраля 2020) до критической ситуации: через месяц Италия уже «обгоняет» Китай по количеству смертей от COVID-19. На момент написания статьи пик эпидемии в Италии еще не пройден. Однако уже сейчас можно говорить о значимых политических эффектах.

Пандемия, особенно на начальных стадиях, в очередной раз проявила особенности административно-территориального деления страны. Италия – унитарное государство, однако региональные власти имеют большую автономию и самостоятельность. До сих пор итальянские земли представляют собой «лоскутное одеяло» в экономическом, политическом и культурном измерениях. В самом начале эпидемии каждая из областей Италии изобретала свой «рецепт» по борьбе с коронавирусом: где-то карантинные меры были сразу достаточно жесткие, где-то местная власть не восприняла угрозу со всей серьезностью. Так, мэр Флоренции в качестве антикоронавирусной меры объявил о «музейном викенде»³, предложив бесплатный вход для всех желающих в музеи, подведомственные городу. «Приглашаю всех флорентийцев и туристов не закрываться дома: во Флоренции у нас концерты, театральные представления, выставки. Мы не позволим этому вирусу изменить наши привычки», – прокомментировал Т. Сакки, советник по культуре⁴. В то же время различные культурные инициативы под эгидой Министерства культуры были отменены.

Характерен опыт двух соседних областей северной Италии, Ломбардии и Венето. В этих областях почти одновременно были зафиксированы первые случаи заболевания, но региональные власти пошли разными путями и получили разные результаты. Основное принципиальное отличие состояло в проведении тестов – в Венето с самого начала была проведена массовая диагностика населения, в т. ч. тех, у кого не было симптомов заболевания, после чего бессимптомные носители и заболевшие отправлялись на строгий карантин. В результате на сегодняшний день число зараженных в Венето меньше, чем в Ломбардии в четыре раза.

Как уже было отмечено, первоначальные объявления чрезвычайного положения в стране были встречены скептически и региональными властями, и самим итальянским обществом, и некоторыми итальянскими политиками. Реакция на коронавирус продемонстрировала на примере концепцию когнитивного искажения (или предвзятости восприятия). Г. Пизано, Р. Садун и М. Дзанини в своей статье о принятии решений в период пандемии обращают внимание, что люди часто используют только ту информацию, которая подтверждает предпочтительную для них позицию или их первоначальную гипотезу. «Таким угрозам, как пандемия, которые развиваются нелинейным образом (то есть

1 Тогда же, 31 января 2020 г., был объявлен режим чрезвычайной ситуации.

2 Итальянский «нулевой пациент» найден не был.

3 “Firenze contro il Coronavirus: musei gratis nel fine settimana (Florence against the Coronavirus: free museums at the weekend),” Firenze Today, accessed April 30, 2020, <http://www.firenzetoday.it/eventi/musei-gratis-6-7-8-marzo-2020.html>.

4 “Musei gratis a Firenze per 3 giorni, contro la paura da coronavirus (Free museums in Florence for 3 days, against the fear of coronavirus),” Il reporter, February 28, 2020, accessed April 30, 2020, <https://ilreporter.it/sezioni/arte-e-cultura/musei-gratis-firenze-marzo-weekend-coronavirus/>.

они начинаются с малого, но усиливаются экспоненциально), особенно сложно противостоять из-за проблем с быстрой интерпретацией того, что происходит в режиме реального времени. Самое эффективное время для решительных действий – на ранних этапах, когда угроза кажется небольшой, или даже до появления первых случаев. Но если оперативные меры действительно будут эффективными, то через некоторое время такие решительные действия покажутся чересчур преувеличенными. Из-за этого многие политики избегают таких непопулярных мер¹.

Итальянское правительство принимало меры постепенно, введя режим карантина (т. н. «красные зоны») сначала в наиболее пострадавших областях северной Италии, а затем и по всей стране. Упомянутые Г. Пизано, Р. Садун и М. Дзанини считают, что Италия следовала за распространением коронавируса, а не предотвращала его – в силу ловушки когнитивного искажения, которое не позволяло понять, как будет развиваться ситуация через несколько дней. Однако, что касается экспертной оценки принятых итальянским правительством мер (на начало апреля 2020), то 70% экспертов считают меры адекватными и соразмерными, в то время как 13% полагают их слишком строгими, а 17% – наоборот, слишком либеральными².

Касательно внутриполитических дискуссий и баталий, столь характерных для Италии, можно говорить о том, что коронавирус заглушил громкие политические дискуссии на какое-то время, особенно на начальной стадии развития эпидемии. Главные политические оппоненты нынешнего премьер-министра Дж. Конте, М. Сальвини и М. Ренци, буквально «утонули» в новой коронавирусной повестке, на неопределенный срок был перенесен конституционный референдум по сокращению численности парламентариев, запланированный на 29 марта 2020 г. Более того, М. Сальвини продемонстрировал крайне непоследовательную позицию: в начале эпидемии он призывал ничего не закрывать, когда же правительство ввело ограничительные меры, то говорил о том, что они недостаточны³. Этот случай лишний раз подчеркивает популистскую природу М. Сальвини, который пытается торпедировать любые инициативы правительства⁴. Действия политика отразились на уровне поддержки гражданами Италии его партии. Последние опросы (апрель 2020) указывают на то, что рейтинг партии «Лига» продолжает снижаться: если на европейских выборах в мае 2019 г. за партию М. Сальвини проголосовало 34,3%, то в апреле 2020 г. партию поддерживает 26,0%, причем только за один месяц (март 2020) М. Сальвини потерял поддержку более одного процента⁵. Рейтинги других партий за время эпидемии не изменились столь существенно, небольшой рост наметился у Демократической партии (22,6% на начало апреля) и «Движения пяти звезд» (16%)⁶.

1 Пизано, Г., Садун, Р., Занини, М. COVID-19: пять уроков итальянской трагедии // Harvard Business Review. [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr-russia.ru/management/prinyatie-resheniy/826993> (дата обращения: 30.04.2020).

2 "Pil a -8,3% nel 2020, divisi sul Governo Draghi: le previsioni di policy e business influencers (GDP to -8.3% in 2020, divided on the Draghi government: the forecasts of policy and business influencers)," Il Sole 24 Ore, April 4, 2020, accessed April 30, 2020, <https://www.ilsole24ore.com/art/pil-83percento-2020-divisi-governo-draghi-previsioni-policy-e-business-influencers-ADo5NCI>.

3 "Tutto aperto, anzi no. I dietrofront di Salvini alla prova dell'emergenza coronavirus (All open, indeed not. Salvini's backs to the test of the coronavirus emergency)," La Repubblica, March 12, 2020, accessed April 30, 2020, https://rep.repubblica.it/pwa/generale/2020/03/12/news/coronavirus_salvini_lega-251017839/.

4 См.: Осолков 2020.

5 Monica Rubino, "Sondaggi politici: Lega sempre più giù, sale il M5S, Pd Stabile (Political polls: League more and more down, The M5S rises. Stable Pd)," La Repubblica, April 8, 2020, accessed April 30, 2020, https://www.repubblica.it/politica/2020/04/08/news/sondaggi_politici_8_aprile_lega_giu_-253441550/.

6 Ibid.

Интересно, что на этом фоне беспартийный Дж. Конте, напротив, завоевал доверие и уважение своих граждан. Напомним, что Дж. Конте занял кресло премьер-министра страны по предложению президента страны С. Маттарелла¹, поскольку по итогам парламентских выборов победившим партиям не удалось сразу сформировать правительство. Дж. Конте – фигура нейтральная, неизвестная до вступления в должность итальянским гражданам (в отличие от М. Сальвини и Л. Ди Майо). В период пандемии рейтинг Дж. Конте и его правительства продолжает расти: согласно данным опроса, 57% граждан Италии одобряют действия правительства – это на 15 процентных пунктов больше с введения карантина и на 17 – с начала эпидемии. На вопрос «насколько вы уверены в премьер-ре?» 17% респондентов ответили «очень», 40% «достаточно», 26% «мало» и 17% «нет»². Персональный рейтинг Дж. Конте вырос с февраля 2020 г. на 13 пунктов – с 48% до 61% – это наивысший показатель за весь период нахождения в должности премьер-министра³. Более того, в разгар пандемии Дж. Конте нарекли новым секс-символом страны, который спасет страну от коронавируса⁴ (хотя раньше премьера называли «Буратино» или «адвокат»⁵) – это говорит о народной поддержке премьера.

Другой важный политический эффект – коронакризис стал мощным фактором национального сплочения (по крайней мере на какое-то время). После введения единых мер для всей страны итальянское общество сплотилось перед общей угрозой – это нашло отражение в различных социальных акциях («музыкальные вечера» на балконах и распевание преимущественно национального гимна).

Экономистам еще только предстоит оценить ущерб от эпидемии для экономики Италии. По предварительным оценкам экспертов, ВВП Италии упадет на 8,3% по итогам 2020 г.,⁶ наихудший прогноз – падение больше, чем на 10%⁷. Рецессия подобного масштаба в сочетании с государственным долгом (который может достигнуть 150%⁸), ростом безработицы, снижением покупательной способности влечет не только серьезные экономические последствия, но и политико-социальные. В том числе тестом европейской солидарности будет являться не только ответные меры сообщества, но в особенности посткорона-

1 Сама кандидатура Дж. Конте на должность премьер-министра была предложена «Движением пяти звезд».

2 "Sondaggi, sale il gradimento di Conte è al 57% (Polls, Conte's approval rating rises to 57%)," Il Fatto Quotidiano, April 8, 2020, accessed April 30, 2020, <https://www.ilfattoquotidiano.it/2020/04/08/sondaggi-sale-il-gradimento-di-conte-e-al-57-lega-stabile-al-26-8-dalle-europee-i-renziani-al-2-restrizioni-giuste-per-il-91/5763706/>.

3 Nando Pagnoncelli, "Sondaggio politico. Conte, sale il gradimento. Cresce Meloni, Lega al 31%, Pd e M5S in ripresa (Conte's popularity rises. Meloni, Lega at 31%, Pd and M5S are recovering)," Corriere della Sera, March 29, 2020, accessed April 30, 2020, https://www.corriere.it/politica/20_marzo_29/coronavirus-sondaggio-piu-fiducia-conte-governo-lega-31percento-pd-m5s-ripresa-bedecf12-712d-11ea-a7a6-80954b735fc3.shtml.

4 "Come Giuseppe Conte è diventato un sex symbol (How Giuseppe Conte became a sex symbol)," Dailybest, March 17, 2020, accessed April 30, 2020, <https://www.dailybest.it/society/come-giuseppe-conte-e-diventato-un-sex-symbol/>.

5 В Италии традиционно у крупных политиков есть свои «прозвища», которые широко используются в общественном дискурсе и СМИ. Так, С. Берлускони – «Кавалер», М. Сальвини – «Капитан», Дж. Конте – «Адвокат».

6 "Pil a -8,3% nel 2020, divisi sul Governo Draghi: le previsioni di policy e business influencers (GDP to -8.3% in 2020, divided on the Draghi government: the forecasts of policy and business influencers)," Il Sole 24 Ore, April 4, 2020, accessed April 30, 2020, <https://www.ilssole24ore.com/art/pil-83percento-2020-divisi-governo-draghi-previsioni-policy-e-business-influencers-Ado5NCI>.

7 "Per Goldman Sachs il Pil dell'Italia calerà dell'11,6% nel 2020 (For Goldman Sachs, Italy's GDP will fall by 11.6% in 2020)," Agenzia Italia, March 24, 2020, accessed April 30, 2020, <https://www.agi.it/economia/news/2020-03-24/coronavirus-pil-italia-7817778/>. См. также: "Cosa succede a Piazza Affari se il Pil italiano fa -10%? (What happens in Piazza Affari if Italian GDP is -10%?)," Il sole 24 Ore, April 10, 2020, accessed April 30, 2020, <https://24plus.ilssole24ore.com/art/cosa-succede-piazza-affari-se-pil-italiano-fa-10percento-ADdtnlJ7s=hpl?s=hpl>.

8 "Prometeia, in 2020 -6,5% Pil Italia (Prometeia, in 2020 -6.5% GDP Italy)," Ansa, March 27, 2020, accessed April 30, 2020, https://www.ansa.it/sito/notizie/economia/2020/03/27/prometeia-in-2020-65-pil-italia_05435515-fae6-4e1b-8bff-82ad6e232ddd.html.

вирусная реальность и экономические трудности стран-членов Европейского союза (ЕС).

COVID-19 как тест европейской солидарности

Помимо человеческих жизней, одной из первых жертв вируса стал ЕС как институт. ЕС и европейской солидарности нанесла удар не сама эпидемия, сколько ответные действия властей государств-членов блока, а также ожидания от их политических шагов. Трудно игнорировать то, как повели себя в условиях пандемии ключевые партнеры Италии – США и в особенности структуры ЕС. В феврале 2020 г. итальянское правительство обратилось за помощью к Координационному центру реагирования на чрезвычайные ситуации и получило отказ. На этом фоне беспрецедентным нововведением стали запреты на передвижение внутри ЕС и Шенгенской зоны (именно запреты, а не временное восстановление контроля на внутренних границах, что случалось и ранее в кризисных ситуациях)¹. Шлейфом развития пандемии следовали многочисленные скандалы с поставками масок на Апеннины.

Даже Ж. Делор – один из отцов-основателей европейского проекта – высказал опасение в связи с пошатнувшейся европейской солидарностью, отметив, что ее нехватка может привести к «смертельной угрозе» для ЕС². Э. Летта, бывший премьер-министр Италии (2013–2014), отмечает, что самой большой опасностью для ЕС является «вирус Трампа» – когда каждый принимает стратегию *My country first*³.

Спустя только месяц – первого апреля – председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен опубликовала открытое письмо в «Ла Републике», в котором попросила прощения у итальянцев за отсутствие солидарности со стороны ЕС в борьбе с пандемией и пообещала помощь⁴.

Новый раунд противостояния между Италией и ЕС возник по вопросу предоставления антикризисной экономической помощи стране, в т. ч. через Европейский стабилизационный механизм (ЕСМ)⁵. ЕС намерен выделить 540 млрд евро для экстренных мер помощи странам, в т. ч. 240 млрд евро через заемы ЕСМ. Итальянское правительство вместе с другими странами (Францией и Испанией) высказывает свое нежелание кредитоваться на условиях жесткой экономии, опасаясь опыта Греции. Страны «севера» – в первую очередь Германия, Австрия и Нидерланды – настаивали на жестких мерах. В результате благодаря достаточно жесткой (если не ультимативной) позиции Дж. Конте и министра экономики Р. Гуалтьери, сторонам удалось найти компромиссное решение после 16-часовых переговоров: использовать средства ЕСМ без дополнительных условий и введения мер жесткой экономии. Через несколько месяцев ЕС и ее членам предстоит

1 См.: Потемкина 2020.

2 "Coronavirus could be final straw for EU, European experts warn", The Guardian, accessed April 30, 2020, <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/01/coronavirus-could-be-final-straw-for-eu-european-experts-warn>.

3 Ibid.

4 "Ursula von der Leyen: 'Scusatoci, ora la Ue è con voi' (Ursula von der Leyen: 'Forgive us, the EU is now with you')", La Repubblica, April 1, 2020, accessed April 30, 2020, https://rep.repubblica.it/pwa/commento/2020/04/01/news/europa_ursula_von_der_leyen-bruxelles_scusatoci_ora_la_ue_e_con_voi-252912437/.

5 См. подробнее: Буторина 2013.

также согласовывать не только национальные бюджеты, но и многолетний финансовый план на 2021–2027 гг. – очевидно, что коронакризис внесет значительные коррективы в эти документы.

Что касается евроскептиков, то в сложившейся ситуации – прения с ЕС, разочарование в европейских институтах – М. Сальвини не пытается играть на лозунгах выхода из зоны евро или ЕС. В феврале М. Сальвини в одном из своих прямых эфиров заявил: «Или изменится Европа, или нет смысла для ее существования. Либо мы меняем правила этой Европы, либо, как сказал мне рыбак из Баньяра-Калабра¹, сделаем как англичане»². Однако позднее лидер разъясняет, что ни о каком *Italexit* речи не идет: «Мы работаем, чтобы менять правила *изнутри* [ЕС]»³. Таким образом, это в очередной раз говорит о том, что М. Сальвини – евроскептик мягкого толка, если исходить из классификации П. Таггарта и А. Щербяка⁴.

Внешний вызов, который, казалось бы, должен был сплотить Европу (как это было после окончания Второй мировой войны), напротив, в очередной раз ее расколол, по крайней мере, на начальных этапах пандемии. Коронавирус в очередной раз усугубил национализмы и обнажил суверенные эгоизмы. На этом фоне Италии на выручку приходят другие страны, не являющиеся членами ЕС: Китай, Россия, Бразилия, Куба.

Глобальные и внешнеполитические последствия

19 марта 2020 г. Италия бьет антирекорд и опережает Китай по числу зараженных и умерших. 21 марта по инициативе российской стороны состоялся телефонный разговор В.В. Путина с Дж. Конте⁵. В разговоре Президент России озвучил готовность оперативно направить гуманитарную помощь итальянской стороне. Пятнадцать самолетов военно-транспортной авиации ВКС России доставили специалистов, медицинское оборудование и маски на Апеннины, на следующий день после беседы Дж. Конте с В.В. Путиным. Российские самолеты с гуманитарной помощью приземлились на военной базе Пратика ди Маре близ Рима. Можно сказать, что Пратика ди Маре – особое место для российско-итальянских отношений. Чуть больше года назад (в январе 2019) председатель Сената М.Э. Альберти-Казеллати находилась с официальным визитом в Москве и выступала с трибуны Совета Федерации России, призывая «вернуться к духу Пратика ди Маре»⁶. В своей речи М.Э. Альберти-Казеллати, несомненно, отсылала к историческому саммиту

1 Баньяра-Калабра – город в Италии в южной области Калабрия. Примечательно, что М. Сальвини приводит пример именно южноитальянского города, тем самым имплицитно подчеркивая, что его партия «Лига» трансформировалась и отошла от присущего ей ранее противопоставления Севера и Юга страны (решение о переименовании партии из «Лиги Севера» в «Лигу» было принято в декабре 2017).

2 “Matteo Salvini evoca l'Italexit: ‘O l'Europa cambia...’” (Matteo Salvini evokes the Italexit: “Or Europe changes ...”), *Il Tempo*, February 15, 2020, accessed May 2, 2020, <https://www.iltempo.it/politica/2020/02/15/video/matteo-salvini-lega-italexit-europa-gabbia-giancarlo-giorgetti-1281213/>.

3 “Salvini rievoca l'Italexit poi frena: ‘L'Ue deve cambiare o non ha piu' senso’” (Salvini recalls the Italexit then brakes: “The EU must change or it no longer makes sense”), *La Repubblica*, February 15, 2020, accessed May 2, 2020, https://www.repubblica.it/politica/2020/02/15/news/ue_salvini_o_cambia_o_non_ha_senso_ed_e_meglio_fare_come_gli_inglesi_-248651410/.

4 См.: Шибкова 2018.

5 Телефонный разговор с премьер-министром Италии Джузеппе Конте // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63048> (дата обращения: 02.05.2020).

6 “Casellati, Russia e Occidente dialoghino (Casellati, Russia and the West dialogue)”, *Ultima Ora*, accessed May 2, 2020, http://www.ansa.it/sito/notizie/topnews/2019/01/30/casellati-russia-e-occidente-dialoghino_606cf28a-e707-4ee0-ade4-2d3c7f5e300d.html.

Россия-НАТО 2002 г., когда удалось договориться о создании Совета Россия-НАТО (и поставить точку в окончании холодной войны). Однако в более широком понимании «дух Пратика ди Маре» – касается не только отношений России и НАТО, но и сотрудничества между Россией и Италией, Россией и Европой, Россией и Западом. Пока такой диалог получается только у России и Италии.

Сложно оценивать эффективность российской помощи и ее эффект, однако факт остается фактом – когда Италия остро нуждалась в помощи во время борьбы с пандемией, получив от европейских коллег отказ или молчание, помощь пришла из России. Итальянская газета «Ла Стампа» спровоцировала полемику и скандал вокруг российской помощи, в частности, в одной из статей со ссылкой на анонимные источники утверждалось, что большая часть российской помощи бесполезна¹. Кроме этого, высказывались мнения о том, что российские военные прибыли с целью шпионажа. Доказательств ни первого, ни второго факта выявлено или предоставлено не было. В конечном итоге итальянским властям пришлось публично делать заявления о том, что гуманитарная помощь России ни к чему их не обязывает, российская сторона в свою очередь также подтвердила бескорыстный характер своей помощи. Представляется, что подобная публикация в «Ла Стампе» – не более, чем попытка обесценить российскую помощь.

Китайская народная республика также оказала значительную гуманитарную помощь, в т. ч. активна была и китайская диаспора, большинство которой проживает именно в области Ломбардия. Министр иностранных дел Л. Ди Майо заявил, что Италия сделала правильно, продолжив курс на сотрудничество с Россией и не приостановив свое сотрудничество с Китаем, с которым был подписан Меморандум о взаимопонимании в марте 2019 г., несмотря на давление со стороны США. Италия была первой и пока единственной страной G-7, подписавшей Меморандум о взаимопонимании относительно участия в китайской инициативе «Один пояс один путь».

В своих выступлениях Л. Ди Майо неоднократно использовал слово «друг» по отношению к России и Китаю; оказание помощи Италии читается в основном как знак дружбы². «Дружба может спасти жизни», – заключил он на одной из пресс-конференций³. Китай и Россия теперь рассматриваются как страны, которые предоставили ощутимую помощь, когда это было необходимо в случае этой чрезвычайной ситуации⁴.

Политический эффект российской гуманитарной помощи в борьбе с пандемией можно свести к следующему. Во-первых, это укрепление имиджа России в Италии как дружественной страны – как среди политического истеблишмента,

1 "Coronavirus, la telefonata Conte-Putin agita il governo: "Più che aiuti arrivano militari russi in Italia (Coronavirus, Conte-Putin's phone call shakes the government: 'more than aid comes Russian military to Italy')," La Stampa, March 25, 2020, accessed May 2, 2020, <https://www.lastampa.it/topnews/primo-piano/2020/03/25/news/coronavirus-la-telefonata-conte-putin-agita-il-governo-piu-che-aiuti-arrivano-militari-russi-in-italia-1.38633327>.

2 "Anche la diplomazia salva le vite – Intervista a Luigi di Maio (Diplomacy also saves lives - interview with Luigi Di Maio)," Il blog delle Stelle, accessed May 2, 2020, <https://www.ilblogdellestelle.it/2020/03/anche-la-diplomazia-salva-le-vite-intervista-a-luigi-di-maio.html>.

3 "Coronavirus: arrivata dalla Cina la task force con medici, mascherine e dispositivi (Coronavirus: arrived from China the task force with doctors, masks and devices)," RAI News, March 13, accessed May 2, 2020, <http://www.rainews.it/dl/rainews/articoli/coronavirus-arrivata-roma-delegazione-cinese-croce-rossa-medici-mascherine-dispositivi-35a3ed3c-ee7d-4f68-8902-d94d6b3b9f72.html>.

4 "China, Italy, and Coronavirus: Geopolitics and propaganda," The Diplomat, March 20, 2020, accessed May 2, 2020, <https://thediplomat.com/2020/03/china-italy-and-coronavirus-geopolitics-and-propaganda/>.

так и среди обычных итальянцев; очередное подтверждение особого характера отношений между двумя странами.

Во-вторых, для внешнеполитической жизни страны это будет означать усиление запроса на сильного лидера внутри Италии – лидера, который может отстаивать национальные интересы¹. Связано это как с самой личностью В.В. Путина, так и с тем, что российская власть приняла должные меры для сдерживания пандемии на своей территории. На протяжении последних лет образ Президента России в Италии эволюционировал. Если в период нахождения у власти С. Берлускони В.В. Путин представлялся в глазах итальянцев главным образом просто другим национальным лидером, то в настоящее время его образ обрел самостоятельную привлекательность. Рост популярности В.В. Путина был сопряжен с коренными изменениями в итальянском видении градации вызовов и угроз, ставящих в уязвимое положение европейскую и национальную безопасность. Столкнувшись с увеличением потоков мигрантов, а также при отсутствии адекватных мер со стороны наднационального регулятора, слишком занятого вопросами толерантности, политкорректности, мультикультурализма и глобализации, Италия в лице своих граждан отдает приоритет сильному лидерству, способному решительно отстаивать национальные интересы вопреки какому бы то ни было влиянию извне. Олицетворением образа сильного лидера в Италии как раз становится В.В. Путин². Лидер партии «Лига» М. Сальвини неоднократно публично высказывал симпатию российскому президенту и даже выдвинул предположение о том, что итальянцы «жили бы лучше, если бы у нас в Италии был Путин»³. Олицетворением образа такого сильного политика в 2019 г. и стал сам М. Сальвини, получив должность вице-премьера и министра внутренних дел⁴. Однако во время пандемии М. Сальвини продемонстрировал скорее слабость, диаметрально меняя свои позиции. Напротив, премьер-министр страны Дж. Конте завоевал любовь и уважение граждан, действуя последовательно и четко в экстремальной ситуации.

Новые сообщества безопасности

Пандемия означает не только угрозу для человечества, но и неизвестные ранее возможности. Одна из таких – создание новых транснациональных сообществ, а также возникновение или укрепление новых политических связей. У. Бек писал: «Гибель человечества, саморазрушение людей как возможность человеческого действия является новой реальностью, принесенной в мир высокотехнологической цивилизацией. Шок, вызванный этой реализацией, способен создать глобальный консенсус, который создает глобальную власть»⁵. Коронавирус (а, точнее, реакция на него) уже послужил триггером для внешнеполитической рефлексии. Не исключено, что в будущем это отразится и на долгосрочном внешнеполитическом планировании стран.

1 Подробнее об итальянских национальных интересах см.: Маслова 2019.

2 Развитие данного тезиса отражено в статье: Шибкова 2019.

3 “Salvini: ‘Staremmo meglio se avessimo un Putin in Italia. Fake news? Follia del P’ (Salvini: ‘we would be better off if we had a Putin in Italy’. Fake news? Madness of the Pd)”, RAI News, November 28, 2017, accessed May 2, 2020, <http://www.rainews.it/dl/rainews/articoli/salvini-staremmo-meglio-avessimo-putin-italia-fake-news-follia-del-pd-65f2f6e3-931a-47c2-a170-855960b8f957.html>.

4 В августе 2019 г. М. Сальвини покинул эти посты и ушел в оппозицию.

5 Beck 2006.

Кроме этого, тест на коронавирус отчетливо продемонстрировал мировому сообществу, что существующая система глобального управления не справляется с, казалось бы, «простыми» вызовами доиндустриального общества – так называемыми глобальными проблемами человечества. Это обстоятельство может повлечь за собой создание абсолютно новых общеуниверсалистских сообществ.

Похожей мысли придерживается профессор университета Павии Д. Вело, который предлагает создать Европейское сообщество здравоохранения (для преодоления возможных чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения), где участвовали бы не только страны ЕС, но и другие европейские страны, в частности, Россия¹.

В Италии уже начали проявляться в полутонах тенденции к созданию трансъвропейского движения. Буквально накануне эпидемии в стране появилось «Движение сардин» – флешмоб гражданского общества, участники которого выступают за общечеловеческие ценности и в первую очередь против национализма, совранизма, нетерпимости и ксенофобии (олицетворением которых в Италии является М. Сальвини)². Будущее «Движения сардин» пока неясно – либо его деятельность и активность постепенно сойдет на нет (и не восстановится после эпидемии), либо оформится в политическую партию – как в свое время это произошло с «Движением пяти звёзд», которое также возникло на площади в той же Болонье. Возможен вариант, при котором движение пойдет другим путем и возьмет за свою основу общеуниверсалистские ценности, но не политические. Италия уже давно считается «политической лабораторией» и полигоном современной политической науки.

Заключение

Последствия пандемии коронавируса носят не только материальный характер, но и политико-идеологический. С одной стороны – политические детерминанты и разногласия отходят на второй план перед угрозой жизнедеятельности человека (в национальном контексте). С другой стороны, на глобальном уровне коронавирус является тестом солидарности и проверкой партнерства. Кроме этого, де-факто коронавирус вынудил государства, что они не могут выполнять свое главное конституционное обязательство – гарантировать гражданам безопасность³.

Неготовность к новому типу глобальных вызовов – пандемии – обнажила стремления стран обеспечить самый основной национальный интерес – безопасность. Прежде всего, это нашло отражение в отгораживании от мира, закрытии границ и общем нежелании отстаивать общечеловеческие ценности, особенно на начальной стадии.

Для ЕС коронавирус стал тестом на сплоченность и стратегическую автономию, а также еще раз доказал, что внимание США сместилось с Европы. Ко-

1 Дарио, В. Поиск решений для борьбы с COVID-19 должен опираться на уроки из прошлого опыта // Международный дискуссионный клуб «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/poisk-resheniy-dlya-borby-s-COVID-19/?utm_source=newsletter&utm_campaign=165&utm_medium=email (дата обращения: 02.05.2020).

2 Маслова, Е. Рыбные дни // Международная жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24840>. (дата обращения: 02.05.2020).

3 Beck 2010.

ронакризис следует за кризисом еврозоны и миграционным, но, как отмечает Н. Точчи, это открывает возможности для европейского проекта. «Союз всегда строился на пепелище кризисов, но он также всегда делал все возможное, чтобы справиться с ситуацией. <...> Поскольку коронавирус усугубляет и ускоряет многие из глобальных тенденций, которые мы наблюдали в замедленном темпе в последние годы, Европа должна принять вызов, если она действительно хочет защитить своих граждан и ценности многосторонней системы, основанной на правилах», – заключает Н. Точчи¹.

В последние годы ЕС призывал к большей интеграции, это нашло отражение в концепции «больше Европы» (*more Europe*). Коронавирус выявил пределы европейской интеграции и показал, что национальные интересы выше наднациональных. Безусловно, вопросы здравоохранения относятся к национальной компетенции в рамках европейского сообщества. Однако в условиях чрезвычайной ситуации предполагается и усиление роли ЕС для координации политики государств-членов. С точки зрения безопасности и обороны, коронавирус дал новый поворот тому, что значит для ЕС «защищать» своих граждан². Однако самое серьезное испытание ожидает ЕС после пандемии, когда странам необходимо будет выходить из кризиса, особенно это относится к Италии.

Отгораживаясь от мира, страны продемонстрировали не только национальный эгоизм, но и нежелание взять на себя роль глобального лидера в борьбе с пандемией. Пока Вашингтон обдумывает свои варианты, Пекин воспользовался возможностью, чтобы стать мировым лидером в борьбе с пандемией³. Пекин надеется, что если мир увидит, как он проводит активную политику, на фоне того, как Вашингтон не может и не хочет проявлять инициативу, то такое восприятие коренным образом изменит позицию США в мировой политике⁴. Следовательно, Китай может оказаться глобальным победителем в этой «пандемической» войне.

Россия может также извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Российская помощь Италии стала очередным подтверждением особых отношений, которые характеризуются не только экономическим интересом, но и эмпатией. Диалог между Россией и Италией выдерживает как внешние вызовы (коронавирус), так и внутривнутриполитические (частые смены кабинета министров). Анализ угрозы пандемии, ожиданий Италии и реакции мирового сообщества позволяет предположить, что пандемия коронавируса создает новые условия в международных отношениях после окончания пандемии. Италия запомнит реакцию своих партнеров и союзников и будет вести себя по-другому в новых условиях. Таким образом, коронавирус и реакция на него создали условия для сближения Италии и России и, наоборот, отчуждения Италии от ее основных партнеров – США и ЕС. В результате это приведет к тому, что Италия будет проводить более автономную политику в рамках ЕС и многовекторную политику за пределами ЕС, продолжая наводить мосты с другими центрами силы, в первую очередь с Россией и Китаем. В конечном счете у России будет больше шансов вернуться к европейскому сотрудничеству.

1 Tocci 2020.

2 Ibid.

3 Kurt B. Campbell and Rush Doshi, "The Coronavirus Could Reshape Global Order," *Foreign Affairs*, March 2020, accessed May 30, <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order>.

4 Ibid.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бауман, З. *Текущая современность*. – СПб: Питер, 2008. – 240 с. [Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. – Saint Petersburg: Piter, 2008. – 240 p.] [In Russian]
- Буторина, О.В. Европейский союз после кризиса: упадок или возрождение? // *Вестник МГИМО Университета*. 2013. Т. 31. № 4. С. 71–81. [Butorina O.V. *Evropejskij soyuz posle krizisa: upadok ili vrozozhdenie?* [European Union after the Crisis: decline or renaissance?] // *MGIOM Review of International Relations*. 2013. Vol. 31. № 4. P. 71–81] [In Russian]
- Кравченко, С.А. Социальная диагностика жизни. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 296 с. [Kravchenko S.A. *Sotsialnaya diagnostika zhizni* [Social diagnosis of life]. – Moscow: Urait, 2016. – 296 p.] [In Russian]
- Маслова, Е.А. Италия – средняя держава с глобальными интересами // *Европа между трех океанов* / под ред. А.А. Громыко, В.П. Федоров. – М.: Институт Европы РАН, 2019. С. 174–186. [Maslova E.A. *Srednyaya derzhava s global'nimi interesami* [Italy – a middle power with global interests] // *Europe between three oceans* / eds. A.A. Gromyko, V.P. Fedorov. – Moscow: Institute of Europe RAS, 2019. – P. 174–186] [In Russian]
- Осколков, П.В. Популизм и корона: как пандемия влияет на правопопулистские партии Европы? Аналитическая записка №15, 2020 // Институт Европы РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an198.pdf> (дата обращения: 2.05.2020) [Oskolkov P.V. *Populizm i korona: kak pandemiya vliyaet na pravopopulistskie partii Evropy?* [Populism and the crown: how a pandemic affects the right-wing parties of Europe] Policy paper №15, 2020 // Institute of Europe RAS. [Electronic Resource]. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an198.pdf> (accessed: 2.05.2020)]
- Потемкина, О.Ю. Европейский союз: ограничение передвижения граждан как средство борьбы с COVID-19. Аналитическая записка №14, 2020 // Институт Европы РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an197.pdf> (дата обращения: 2.05.2020) [Potemkina O.Yu. *Evropejskij soyuz: ogranicenie peredvizheniya grazhdan kak sredstvo bor'by s COVID-19* [European Union: restricting the movement of citizens as a means of combating COVID-19]. Policy paper №14, 2020 // Institute of Europe RAS. [Electronic Resource]. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an197.pdf> (accessed: 2.05.2020)]
- Шибкова, М.О. Возникновение и эволюция партийного евроскептицизма как феномена политической жизни Италии // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 19–32. [Shibkova M.O. *Vozniknovenie i evolyuciya partijnogo evroskepticizma kak fenomena politicheskoy zhizni Italii* [The emergence and evolution of party Euroscepticism as a phenomenon of political life in Italy] // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. Vol. 18. № 1. P. 19–32] [In Russian]
- Шибкова, М.О. Эволюция образа Президента России В.В. Путина в глазах итальянских граждан // М.О. Шибкова, Е.А. Маслова, Р. Лорето // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 3. Общественные науки. 2019. Т. 14 № 1(185). С. 140–153. [Shibkova M.O. *Evoluciya obraza Prezidenta Rossii V.V. Putina v glazah ital'yanskih grazhdan* [The evolution of the image of the President of Russia V.V. Putin in the eyes of Italian citizens] / M.O. Shibkova, E.A. Maslova, R. Loreto // *IZVESTIA Ural Federal University Journal. Social and Political Sciences*. Series 3. 2019. Vol. 14. № 1(185). P. 140–153] [In Russian]
- Beck, Ulrich, eds. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010.
- Beck, Ulrich. *Power in the Global Age*. Cambridge: Polity Press, 2006.
- Beck, Ulrich. *World Risk Society*. Cambridge: Polity Press, 1999.
- Brown, David K. "Max Weber and Organizational Theory." In *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance*, 3949–54. Cham: Springer International Publishing, 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20928-9_61.
- Giddens, Anthony. *Modernity and Self-Identity*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Tocci, Nathalie. "International Order and the European Project in Times of COVID19." *Istituto Affari Internazionali*, March, 2020, accessed April 11, 2020, <https://www.iai.it/sites/default/files/iaicom2009.pdf>.
- Urry, John. *Global Complexity*. Cambridge: Polity, 2003.

Сведения об авторе

Маслова Елена Александровна,

кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМИ,

доцент МГИМО МИД России,

старший научный сотрудник Института Европы РАН,

Москва, Россия,

e-mail: elena.maslova21@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 16 апреля 2020. Принята к публикации: 4 мая 2020.

Цитирование

Маслова, Е.А. Итальянский коронакризис и его последствия: национальное, общеевропейское и глобальное измерения // *Международная аналитика*. – 2020. – Том 11 (1). – С. 58–70.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-58-70>

Italian Coronacrisis and its Repercussions: National, European, and Global Dimensions

ABSTRACT

In early 2020, humanity has confronted with a pandemic challenge. The new coronavirus as an international threat has forced states to recognize that they cannot fulfill their principal constitutional obligation - to ensure the safety of their citizens. Coronavirus, as a global threat, despite its pre-industrial nature, is, in all respects, a distinctive challenge of postmodern society. The danger of coronavirus manifests itself non-linearly in time and space – first appeared in China, the virus flared up in other parts of the world, including the Apennines. In Europe, Italy has become an anti-leader in terms of the number of infected and victims. With scientists arguing about the causes of the outbreak of the virus on the Apennines, the null patient is yet to be found. However, the same reason gives rise to different consequences. For Italy, the pandemic had an impact on both national and foreign policies, including relations with the EU, Russia and China. The purpose of this article is to analyze the implications of the coronavirus pandemic for the Italian Republic at different levels – national, pan-European, and global.

KEYWORDS

coronavirus, Italy, Italian foreign policy, EU-Italy relations, Russia-Italy relations, risks of postmodernism

Author

Elena A. Maslova,

Ph.D. Political Science,

Senior research fellow at the Institute for International Studies,
Moscow, Russia,

Associate Professor, MGIMO-University, Senior research fellow,
Institute of Europe RAS,

e-mail: elena.maslova21@gmail.com

Additional information

Received: April 16, 2020. Accepted: May 4, 2020.

To cite the article

Maslova, Elena. A. "Italian Coronacrisis and its Repercussions: National, European, and Global Dimensions."

Journal of International Analytics 11, no. 1 (2020): 58–70.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-58-70>

Implications of COVID-19 for the Conflict in Syria

Maxim Suchkov Sim Tack

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-71-84>

ABSTRACT

This paper aims to illustrate the nature in which the global COVID-19 pandemic has affected the dynamics of the Syrian conflict and the strategies of external powers engaged in it. By emphasizing separate levels of analysis, at both the domestic level where COVID-19 affects the capabilities of involved actors and the international level where regional and global powers compete for their positions in Syria, it seeks to provide a holistic view of the immediate impact the pandemic has had within this particular geographic focus. The paper finds that COVID-19 and its various global consequences have facilitated efforts by Damascus to extend its influence into regions of Syria beyond its immediate control, as well as granting opportunities for Russia to further consolidate its reach within Syria relative to others. The humanitarian context generated by the COVID-19 crisis has also given new impetus to diplomatic efforts to normalize Damascus within the international community, and for external actors to normalize relations with them.

KEYWORDS

COVID-19, coronavirus, Russia, Syria, Middle East, Iran, Turkey

Introduction

“Diseases have posed threats to countries throughout recorded history. In the late twentieth century, an era characterized by the globalization of the world’s political economy, the threat of infectious disease transmission across national borders and the expansion of the trade and the promotion of harmful commodities, such as tobacco, represent transnational health problems. Since these issues pose threats to the security and well-being of citizens in all states, they should be of concern to national foreign-policy makers who aim to protect the national interests of their respective countries.”¹

This excerpt from an essay published in 1997 by then Director-General of the World Health Organization Hiroshi Nakajima identifies the core of the problem that the international community is dealing with today. Indeed, there are perhaps few challenges in world affairs as damaging to a country’s foreign policy than pandemics, although the issue is rarely viewed from this perspective. Policy-making communities in different countries have long warned of all kinds of challenges that their nations may face – including climate change and pandemics – but decision-makers have barely embraced the latter as a serious concern when compared to the threat of nuclear arms, terrorism and cyberattacks.

Needless to say that when epidemics break out in war-torn countries, they are a serious aggravating factor. In addition, the COVID-19 crisis, which is essentially a disruptor that affects states at the domestic level, has had a clear impact on the level of international relations surrounding the Syrian theatre. As such, the effects of the pandemic require consideration across different “levels of analysis” in order to be able to reliably explain the effects at the international level. Whereas typical classical or structural realist theories would attribute changes in state behaviour to shifts in the “relative distribution of power,” the COVID-19 crisis has impacted states more or less equally and thus requires elucidation through an understanding of how intervening variables at the domestic level of involved actors impact international relations outcomes.²

Syria’s coronavirus story started off rather late given the country’s socio-political ties with Iran, the hardest hit state in the Middle East. The first case of COVID-19 was officially reported in Damascus on March 23. A 20-year-old woman who had come from abroad was reportedly identified by a “detection team” responsible for scanning incoming travellers. Although she did not exhibit all of the symptoms upon arrival, she was placed on a 14-day quarantine. The government shut down schools, parks, restaurants and various public institutions and suspended army conscription. The swift measures were followed by a ban on private and public transportation services in Damascus and between various cities and provinces. All efforts were geared towards alleviating the pressure on the healthcare system that had been badly ravaged by almost nine years of war.

Yet, as in other countries, the rising trend exposed itself in Syria within a few days: by early April, the country had about 20 registered cases of coronavirus and three reported deaths. Critics of President Assad argue that there were numerous

1 Nakajima 1997.

2 Rathbun 2008.

inaccuracies in the early testing procedures and that the government was hiding a number of cases, suggesting that the real figures were higher than the Ministry of Health had reported.

To be sure, three factors must be kept in mind when analysing the current situation. First, Syria is a country that is mostly isolated politically and the number of people travelling into the country has dropped significantly. That said, one of the primary sources for new COVID-19 cases so far has been the influx of foreign fighters, including from Iran. Second, the government has been using a highly conventional, albeit outdated way of publishing statistics and updates. Third, Damascus issued a circular warning of prison sentences for those spreading misinformation, which suggests the government is extremely focused on controlling the narrative and information coming out of the country. These are important to consider when attempting to forecast the implications of the COVID-19 on the development of the Syrian crisis moving forward.

Syria's Domestic Challenges

For Syria, as is the case with most countries in the world, the COVID-19 pandemic has disrupted domestic politics significantly. The impact of the disease itself, and necessary measures to contain its further spread, are damaging even the most resilient economies in the world. This effect is even greater on a war-ravaged country like Syria, whose health infrastructure is overburdened and degraded as it is by nearly a decade of internal conflict.¹ These conditions severely limit Syria's ability to minimize deaths as a consequence of the pandemic, and this vulnerability could bring about additional constraints on its economic and security capabilities as efforts to contain the virus expand.

In addition to its weak infrastructure, the Syrian civil war has also led to a vulnerable population, including 6.6 million internally displaced persons (IDPs) spread throughout the different regions of the country.² The conditions in IDP camps, including overcrowding, lowered hygienic standards and malnutrition, are fertile ground for the spread of COVID-19. The absence of widespread COVID-19 testing within the vulnerable populations living in IDP camps means that concentrations of infected people could already be located there, and that any mobility to and from these locations risks further spreading the disease into the rest of Syria.³

The possibility of coming into contact with high-risk populations is, in turn, likely to affect the degree of external assistance these populations can obtain. The government in Damascus has exempted relief shipments and humanitarian personnel from its border closures, but even then, these efforts will be less effective as a result of the anticipated delays and precautionary measures to minimize the risk of spreading COVID-19 through these interactions. Not only is the general vulnerability of the Syrian population a humanitarian risk, but it also imposes a significant policy burden on those actors controlling different parts of Syria, and as a result their behaviour in the context of the conflict and the constellation of international relations that are intertwined with it.

1 Kherallah et al. 2012.

2 "Syria Emergency," UNHCR, accessed May 4, 2020, <https://www.unhcr.org/syria-emergency.html>.

3 Elizabeth Hagedorn, "Nobody Cares About Us: Syrians Stuck at Rukban Camp Decry Lack of Testing," Al-Monitor, April 16, 2020, accessed May 4, 2020, <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/04/syria-camp-rukban-lack-testing-coronavirus-covid19.html>.

Damascus-Controlled Syria

Having recovered a substantial portion of the territory that it had ceded by 2015, when the Assad government controlled less ground than it had done at any point during the civil war, Damascus is now subject to the stresses and requirements that come with domestic control.¹ The government is already hard-pressed to provide the resources required to support the country's economy and population under persistent wartime conditions, and the outbreak of COVID-19 in Syria will only add to these challenges.

There are some hidden challenges in assessing the real impact of COVID-19 at the domestic level, due in part to cases being underreported by the Syrian government. However, there are three government initiatives that could impact the course of the conflict moving forwards: the introduction of travel bans within and between cities and the temporary suspension of the issuing of driver's licenses; proof of completion of military service and closures of universities, schools and institutions; the suspension of Friday prayers and group prayers for two weeks.²

In light of the government's security and military grip, obtaining reliable information about the number of infections has become even more difficult for any international organization or body. Remarkably, the largest number of cases is recorded in Deir ez-Zor, Damascus, Aleppo and Latakia, which are the areas where Iranian militias are heavily deployed. The major concern both among the Syrian opposition and, more tacitly, the Syrian government is the possibility of the spread of COVID-19 among security forces given the presence of the Iranian, Lebanese and Iraqi militias that constantly move between their COVID-19-hit countries and Syria.

One significant driver of dissent against the government policies is the fear of COVID-19 spreading in detention and refugee camps. The management at Adra Prison, for instance, has suspended family visits, but prison cells themselves present a much more favourable environment for the spread of infectious germs, viruses and parasites. The problem is aggravated by the great number of detention centres and prisons in Syria, the vast majority of which are classified and run by political and military security, air force intelligence or other branches of the armed forces.

While the government has introduced a curfew and lockdown, hospitals are struggling to test the potentially infected, people still go out in their hordes to buy the essentials and withdraw their salaries from cash points, and passing cars have their tyres doused with disinfectants. There is the perception among the general public that the government has introduced these measures to divert attention away from the fact that it has been unable to provide basic medical aid during the pandemic, including face masks and ventilators. Not only does this set the stage for an even bigger jump in COVID-19 cases in the medium term, but in the long term it is also another example of the people rejecting the government's policies in the territories that are controlled by Assad, thus adding to the criticism of the incumbent president by the opposition inside

¹ Alam 2019.

² Khaled al-Khateb, "Coronavirus in Syria: A Catastrophe in the Making," Al-Monitor, March 27, 2020, accessed May 4, 2020, <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/03/syria-coronavirus-who-pandemic-denial-cases-detention-camps.html#ixzz6JfKd432c>.

and outside Syria. This, in turn, may make an ultimate post-conflict reconciliation even more difficult.

The Rebel-Controlled Areas

The local rebel authorities of the Turkish-backed National Front for Liberation that control a portion of Idlib along the Turkish border have similarly attempted to enforce a lockdown, although the divided nature of the Syrian opposition groups has made this incredibly difficult.¹ By preventing public gatherings and closing down checkpoints along the contact line with Damascus-controlled Syria, these authorities hope to prevent the spread of COVID-19 into the region. Even worse healthcare provisions and a dense population of IDPs have turned Idlib into a potential viral powder keg. As hospitals are already over capacity, few qualified doctors are available, and testing capabilities are nearly non-existent in the province, the fear is that any occurrence of COVID-19 might rapidly manage to infect nearly all of Idlib. Efforts to contain the province are complicated by the independent actions of jihadist elements among these opposition forces. Initially, groups such as Hayat Tahrir al Sham had actively rejected the containment measures, calling upon their supporters to remain focused on the fight against the Assad regime.² While they have since adjusted their position in pursuit of a perception as capable governors, the divisions between rebel groups and their diverging interests continue to make efforts to contain COVID-19 a careful balancing act.

The Turkish military, which had provided heavy support to these rebel groups during the Syrian government's offensives until the most recent ceasefire on March 5, has been forced to limit its activities within Idlib.³ Turkey is continuing essential movements to supply forces located within Idlib, and continues to take part in joint patrols with Russian forces along the line of separation. The self-imposed limits on mobility, as Turkey is suffering from a COVID-19 outbreak itself and fears that it may spread further into Turkey from Syria, still reduce the military effectiveness of Turkish operations. Turkey's role in deterring renewed Syrian offensives may be less critical at this point as Damascus itself is distracted by its struggle with COVID-19, but the reduced ability to effectively control local rebel groups or ensure the withdrawal of groups like Hayat Tahrir al Sham (a terrorist organization that is banned in Russia) from the contact line could endanger the stability of the ceasefire over time.

Eastern Syria

A separate issue is Damascus' relations with the Kurds in north-eastern Syria.⁴ The Autonomous Administration of North and East Syria led by the Kurds autonomy accused the Syrian government of attempting to obstruct the delivery of aid to the

1 Nisan Ahmado, "Syria Medical Workers Say Coronavirus Spread in Idlib Could be 'Catastrophic,'" Voice of America, March 20, 2020, accessed May 4, 2020, <https://www.voanews.com/extremism-watch/syria-medical-workers-say-coronavirus-spread-idlib-could-be-catastrophic>.

2 Maha Yahya, "Syria and Coronavirus – Coronavirus in Conflict Zones: A Sobering Landscape," Carnegie Endowment For International Peace, April 14, 2020, accessed May 4, 2020, <https://carnegieendowment.org/2020/04/14/syria-and-coronavirus-pub-81547>.

3 Jonathan Spicer and Irem Koca, "Turkey to Curb Some Troop Movement in Syria as Coronavirus Cases Jump," Reuters, April 5, 2020, accessed May 4, 2020, <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-turkey/turkey-to-curb-some-troop-movement-in-syria-as-coronavirus-cases-jump-idUSKBN21NOTM>.

4 Shivan Ibrahim, "Syrian Kurds Hunker Down Amid Fears of COVID-19," Al-Monitor, April 1, 2020, accessed May 4, 2020, <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/03/syria-kurds-curfew-coronavirus-outbreak.html#ixzz6JJVjy7Q8>.

COVID-19 affected population. The Kurds believe this is part of coercion tactics on the part of Damascus aimed at pressuring the authorities of the autonomous region to drop its alliance with the United States and reinvigorate negotiations with the central government.¹ Indeed, the spread of coronavirus in the north-eastern Syria has afforded President Assad yet another opportunity to reset relations with the rebellious province and push the Americans out even further.

The Autonomous Administration of North and East Syria has also imposed a curfew and lockdown throughout its territories, as a preventive measure. Under the lockdown, which began March 23, the administration closed cafes, restaurants, public places, mourning halls and even private medical clinics. Bakeries, grocery stores and pharmacies were excluded from the list of places to be closed. The curfew was set for 15 days, but could be extended upon review. While these measures will help stem the spread of COVID-19, the Kurdish administration also faces difficulties in obtaining external help, as the World Health Organization refuses to operate in areas of Syria outside of Damascus' control.² This again may reinforce the leverage that Damascus is able to gain by offering such assistance to the Kurds should they give up on their relations with the United States. Until this happens, an active blockade of aid delivery is a way to "guide them" to such a decision.

Much like the Turkish offensive along the northern border of Syria in October 2019 forced the SDF to call in the help of Syrian forces to contain the Turkish advances,³ COVID-19 now serves as an additional force that may be driving them to cooperate. This is one of the notable ways in which the COVID-19 outbreak, in addition to the disruption that it brings, offers up political opportunities to Damascus. The current policies of the Syrian government seem to both negate the reliance of the SDF on their relationship with the United States, and gradually progress towards an eventual restoration of territorial integrity.

Impacts on the Dynamics of the Conflict

At the time the COVID-19 pandemic started to spread throughout the world, the Syrian conflict was at a point where its overall dynamics resembled state-on-state competition more so than it did a struggle between internal parties, which had dominated the conflict before.⁴ With the war to recapture its territories from Islamic State over and the rebel-held enclaves largely pushed back into areas on the Turkish border, the remaining military stalemates have come to emphasize the role of external powers such as Turkey and the United States. The involvement of these external actors, as well as the sustained Russian support to the Assad government, has led these remaining stalemates to become heavily defined by deterrence and the potential for escalation presented by their military capabilities.

1 Sirwan Kajjo, "Coronavirus Raises Tensions Between Syrian Government, Kurds," Voice of America, April 4, 2020, accessed May 4, 2020, <https://www.voanews.com/extremism-watch/coronavirus-raises-tensions-between-syrian-government-kurds>.

2 Amberin Zaman, "Syria's Kurdish-led region decries lack of international support in COVID-19 fight," Al-Monitor, April 20, 2020, accessed May 5, 2020, <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/04/syria-northeast-covid19-coronavirus-kurdish-who-un.html#ixzz6KqIGWSdS>.

3 Andrew Wilks, "Turkey's Military Operation In Syria: Biggest Winners And Losers," Aljazeera, November 9, 2019, accessed May 5, 2020, <https://www.aljazeera.com/news/2019/11/turkey-military-operation-syria-biggest-winners-losers-191108195517958.html>.

4 Omar Lamrani, "The Syrian Battlespace: a Net Assessment," Center For Global Policy, April 4, 2020, accessed May 5, 2020, <https://cgpolicy.org/articles/the-syrian-battlespace-a-net-assessment/>.

The tensions brought on by the engagement of regional and global powers, which themselves feature in power dynamics reaching far beyond the Syrian conflict, have subsided for the time being, as a relative period of calm settled right before the COVID-19 outbreak. The signing of the Idlib peace deal has, for now, removed the main potential for escalation between Russia and Turkey, while the gradually reduced presence and role of United States Special Operations Forces has led to fewer standoffs with Russia as well. The global COVID-19 pandemic, which is hitting all of these individual actors both directly through outbreaks of the disease and indirectly through the effects of a global recession, appears to further dampen the potential for significant altercations. While the kinetic aspect of the Syrian conflict may be at a temporary pause, however, these regional and global powers still have cards to play and continue to see the potential to influence the progression of the Syrian conflict during the pandemic.

Efforts Towards Normalization

Perhaps the most critical and most clearly directed effort to capitalize on the COVID-19 crisis has been the attempts of Damascus to progress towards diplomatic normalization. Damascus, leaning heavily on support from Moscow and Beijing, has been trying to achieve this through its appeal to remove sanctions from Syria in order to help the country deal with the COVID-19 emergency.¹ This appeal, while made on a humanitarian basis, would effectively roll back Western diplomatic efforts to put pressure on the Assad government. This would be a significant step forward for the Syrian government, even if only a limited portion of the sanctions were removed, towards the greater strategic goals of re-entering the international community following its apparent victory in the civil war. Syria is not the only country attempting to exploit the humanitarian crisis for diplomatic victory, as its ally Iran has joined in this appeal. While the success of this strategy is by no means guaranteed, it is clear that the conditions generated by the COVID-19 crisis have altered the threshold for such diplomatic appeals on a humanitarian basis, and this may be the time at which the effort is most feasible.

It is not only Syria and its traditional allies that are spearheading efforts to normalize the situation. Quite noticeably, the United Arab Emirates has engaged in a diplomatic offensive towards Damascus at a time when COVID-19 makes such overtures less controversial given their humanitarian cloak. The UAE was the first to discern the new openings in terms of the ability to interact more freely with the Syrian government and publicly support Damascus. In late 2018, the UAE reopened its embassy in Damascus and embarked on a number of initiatives to help boost the Syrian regime. On March 27, President of Syria Bashar al-Assad had a phone conversation with Crown Prince of Abu Dhabi and Deputy Commander-in-Chief of the United Arab Emirates Armed Forces, Sheikh Mohammed bin Zayed Al Nahyan. Among other things, the two discussed efforts to jointly fight the coronavirus. "Brotherly Syria will not remain alone in these critical conditions," the Prince later tweeted.²

1 Sami Moubayed, "China, Russia Push for Lifting of Sanctions on Syria over Pandemic," *The Arab Weekly*, April 5, 2020, accessed May 5, 2020, <https://thearabweekly.com/china-russia-push-lifting-sanctions-syria-over-pandemic>.

2 "@MohamedBinZayed," Twitter, March 27, 2020, accessed April 6, 2020, <https://twitter.com/MohamedBinZayed/status/1243613323519762432>.

Bin Zayed's statements show that the COVID-19 is being used by the UAE – and, more broadly speaking, by the Gulf monarchies – to advance its political agenda. By pushing for Syria's expedited return to the Arab fold, the Saudis and Emiratis in particular seek to add strategic depth against Turkey, which they believe has gone too far in strengthening its own position in Syria. At the same time, its rapprochement with Syria also supports separate efforts to reduce tensions with Iran. Given the relationship between Damascus and Tehran, and the fact that both are in need of support to fight the COVID-19 pandemic, the UAE has identified this multi-pronged diplomatic offensive as a key opportunity to move in on established interests now that the COVID-19 emergency may facilitate it. Indeed, the crisis seems to play into new regional rivalry between Riyadh and Abu Dhabi on the one hand, and Ankara and Doha on the other. Russia has been remarkably intertwined in this dynamic and may too face uneasy choices as it seeks to maintain its relationship with various actors on opposing sides of these dynamics.

The current diplomatic efforts do not mark a sudden shift towards acting on these interests, however. In particular, Mohammed bin Zayed allegedly tried to prevent the Idlib ceasefire agreement negotiated by Russia and Turkey from being implemented, and has since called Assad to encourage him to resume his offensive.¹ If the story is to be believed, given the caveats one should apply to the pro-Qatari outlet, the Crown Prince's plan involved the UAE agreeing to pay Assad \$3 billion to relaunch the offensive against forces loyal to Turkey in Idlib, \$1 billion of which was due to be paid before the end of March. By the time the ceasefire was announced, \$250 million had already been paid up front. The UAE was particularly concerned that the deal be kept secret from the United States, since the Trump administration supported Turkey's military efforts to confront Assad in Idlib and had previously expressed its anger with Mohammed bin Zayed over the release of \$700 million of frozen Iranian assets in October. In turn, Moscow, which closely monitors military movements in Syria, learned of the plan, prompting President Putin to send Minister of Defence Sergey Shoygu to Damascus for talks with President Assad. The visit eventually thwarted the plan.

The UAE rationale for paying Assad to re-launch his offensive against Turkey could be twofold. Firstly, the UAE seeks to further tie the Turkish army up in a quagmire in north-western Syria. Secondly, Abu Dhabi is looking to stretch Turkish resources and distract Ankara from successfully defending Tripoli from the UAE-supported Khalifa Haftar, where Turkey recently came to the aid of Fayeze al-Sarraj, prime minister of the UN-recognized Government of National Accord (GNA). Even if the story may be embellished, the geopolitical reasons for the UAE to take such a decision with regard to Turkey are understandable and could be played out in the future too.

Impact on the Strategies of External Powers

As any crisis, the COVID-19 pandemic has not only created challenges. It has also brought about remarkable opportunities both for the Syrian government and external actors engaged in the Syrian conflict. For these external actors, their role in the Syrian

1 David Hearst, "EXCLUSIVE: Mohammed bin Zayed Pushed Assad To Break Idlib Ceasefire," Middle East Eye, April 8, 2020, accessed May 5, 2020, <https://www.middleeasteye.net/news/abu-dhabi-crown-prince-mbz-assad-break-idlib-turkey-ceasefire>.

conflict is defined by much more than the results on the battlefield within Syria, which are merely an element of broader foreign policy agendas nested in global security strategies, as well as of regional power competition. The interests of these actors, and the actions they take to achieve them, are situated at the international relations level. However, they are shaped heavily by the impact that COVID-19 has had at the domestic level both within Syria and within the territories of these countries themselves.

Regional Actors

For Turkey, one can hardly think of a worse moment to engage in direct competition with the Gulf monarchies. The country is struggling with almost 100,000 cases of COVID-19 and has already had to limit some of its military activities in Syria. To make matters even worse for Ankara, the country is under constant pressure from Russia over its commitments to the 2019 Idlib ceasefire deal. According to the agreement, Turkey has to clear the Idlib de-escalation zone from rebel groups, including the radical Hayat Tahrir al Sham, to ensure the separation of forces within the contact line. It also has to sustain the dominance of moderate rebel forces relative to extremist elements within the opposition-controlled province of Idlib. These imperatives are part of a greater effort on the part of Turkey to prevent Syria from restoring its territorial integrity and stability. Due to the strategy that Turkey has pursued within Syria, by setting up Turkish-protected zones, Ankara has inadvertently also assumed responsibility over a significant refugee and IDP population. While this has in the past both placed Turkey at odds with and provided them leverage over the European Union, in the case of COVID-19 this population has mostly presented an additional risk to the Turkish strategy. Even though the most recent ceasefire that predated the observed spread of COVID-19 had temporarily reduced military pressure on Turkey and its allies within Syria, for Ankara, the disruptions to the military operations that it provides is cause for concern. Given the global impact of COVID-19, however, Turkey's interests are protected to some degree by the way in which the pandemic has also affected most other actors within the Syrian theatre.

Iran has been one of the main pillars of support for the Syrian government since the start of the country's nearly decade-long conflict. It played a critical role in helping to keep President Bashar al-Assad in power, through the deployment into Syria of tens of thousands of its own men from the Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC) and multiple Shiite proxies, including Afghan and Pakistani militias. Even though Damascus understands the health risks associated with the Iranian presence, it cannot accuse Iran of spreading the virus in Syria. Any decision to halt contact with Iran over COVID-19 would be interpreted in a highly politicized fashion and would thus be strategically perilous. Damascus needs flights between Syria and Iran (Tehran and Qom) to continue, as they provide the Syrian government with cash, fighters and other material assistance that help keep Assad in power. Simply put, Syria cannot afford to continue its offensive operations without these resources. Moreover, as Assad needs to sustain a military presence along the frontlines, he is going to need to supply these people with ammunition, food and other basic materials.

Iran, in turn, will still need to rebuild Shiite-dominated neighbourhoods in Damascus, Homs, Aleppo, Latakia and Tartus as a key element of its own strategy to anchor its influence in Syria and beyond. This includes both bringing back Shiites who

fled their homes during the war and having others brought in from Iraq and Lebanon as part of an alleged demographic engineering scheme to entrench Tehran's influence. Similar efforts are underway in Deir ez-Zor, where growing numbers in the Baggara tribe are converting to Shiism after being encouraged to do so by Iranian proselytizers. Given that these areas are already seeing the highest rise in COVID-19 cases, things may get even worse in these areas very soon.¹

Meanwhile it should be noted that the process of Sunni tribes converting to Shiism started before the civil war and has been on relatively small scale. Shias from the Baggara tribe compose the fighting force of a handful of local self-defence units. It is rather their loyalty to Damascus, the participation some of their Sunni fellowmen in the national defence forces and the presence on their territories of pro-Iranian Shia training centres that present the bigger challenge.

Despite these mutual dependencies between Tehran and Damascus, however, the COVID-19 outbreak does present opportunities to other actors, for instance Russia, to subtly scale back Iran's relevance in Syria. To Russia, Iran presents a potential risk to its Syria strategy because it inevitably draws Israel into the fray, which wants to disrupt Iranian operations and the transfer of weapons to Hezbollah in Lebanon. While Iran resists such efforts, it is forced to do so from a position of weakness because of the country's role in the spread of COVID-19 in the region and the anticipated economic hangover that could simmer for years. A recent meeting between Foreign Minister of Iran Mohammad Javad Zarif and President of Syria Bashar al Assad could be interpreted as an emergency measure to ensure that Tehran stands alongside Damascus, as under normal conditions such public shows of affinity have typically not been required.²

Israel's main concern in the Syrian theatre has been the incremental presence and influence of Iran in Syria, and to a lesser degree the capabilities that this presence provides to Hezbollah as a proxy of Tehran. The COVID-19 pandemic may provide a windfall for Israel if it does indeed lead to a weakened Iranian state and possibly even reduced clout within Syria. The impact of the pandemic is unlikely to force Iran out of Syria completely, however, and Israel will likely see the need for its proactive security posture towards Iran and its proxies in Syria and Iraq confirmed. In the background of the Syrian theatre itself, the unravelling of the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) has also led to Iran resuming the enrichment of uranium. While the COVID-19 pandemic appears to have put this particular threat on hold for now, its re-emergence in the future will continue to force a challenging foreign policy problem onto Israel.³

Great Power Actors

For the United States, the COVID-19 pandemic provides further disruption following a period in which its geographic reach within Syria was on the decline. While Washington maintains a presence in Syria and has clearly broadcasted its continued activity in that

- 1 Amberin Zaman, "Is Syria Unable, or Unwilling, to Fend off Iran Coronavirus Contagion?" *Al-Monitor*, March 25, 2020, accessed May 5, 2020, <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/03/syria-iran-coronavirus-stop-spread.html#ixzz6JNUa75Et>.
- 2 "US Accuses Iran of Double Dealing on Syria after Assad and Zarif Meeting," *The National*, accessed May 5, 2020, <https://www.thenational.ae/world/mena/us-accuses-iran-of-double-dealing-on-syria-after-assad-and-zarif-meeting-1.1008643>.
- 3 Eyal Cohen, "Israel's Changing Regional Landscape in Light of COVID-19," *The Brookings Institution*, April 17, 2020, accessed May 5, 2020, <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/04/17/israels-changing-regional-landscape-in-light-of-covid-19/>.

theatre, the global outbreak has already impacted the readiness of its military forces. Combined with security concerns over recent Iranian proxy attacks against U.S. forces in Iraq, the pandemic has even led the United States to concentrate and reduce its troop presence in neighbouring Iraq.¹ While COVID-19 may have weakened the availability of operational support to special operations forces based in Syria, it is not considered a threat to the sustainability of that mission altogether. However, it may have greater difficulty achieving its more strategic goals, which consisting of maintaining the alignment of the SDF in order to limit the reach of Damascus to the Euphrates River.

The dire need of the SDF and the local authorities for support in their efforts to contain COVID-19 in Eastern Syria has opened up additional avenues for Damascus to expand its relationship with them. As the United States finds itself with restricted capacity and unable to provide the SDF with the help it needs directly, Damascus' gain in influence will come at the cost of that of the United States. The United States could become further distracted by fears that Islamic State could regroup and gain in strength during the pandemic. The fear was already there, but as Islamic State is not bound by the same constraints as state actors under the COVID-19 crisis, it could capitalize on the distraction of regional security forces to present a greater threat. Such a development, in combination with the ongoing security challenges posed by Iranian proxies operating in Syria and Iraq, would hurt the ability of the United States to act in Syria.

Over the course of the COVID-19 crisis, Russia has managed to further several of its ongoing efforts in Syria, ranging from material support to the Syrian military to diplomatic support to Damascus, and even the further reduction of Iran's role within Syria. Russia has clearly sought to stabilize its ties with regional actors such as Turkey and Israel in order to secure the other gains that it has made with Damascus. Although Moscow intensified its contacts with the UAE during the Syrian-Turkish clashes of February and March, Russia clearly demonstrated that Ankara is a significant partner on most Syria-related affairs. In addition, Russia is not keen on developing similar tensions with Israel and has kept itself isolated, to the extent possible given Russia's significant role in Syria, from direct escalations between Israel and Iran within Syria. Iran's actions, in turn, have long been quietly met by Russia with various countermeasures due to the potential complications that Tehran could cause between Russia and these various regional actors. These countermeasures have included personnel transformations within the Syrian army, efforts to centralize control over proxy militias and restraining pro-Iranian groups in the southwest and northwest of Syria.

The Lebanese periodical *Al Modon* reported that Russian commanders in Syria decided to turn the COVID-19 epidemic in Iran to their benefit by starting to filter out pro-Iranian forces fighting on the side of the Syrian Arab Army. The Russian command allegedly imposed a rule requiring Syrian army formations loyal to Russia to be deployed separately from pro-Iranian forces. These precautions were officially introduced to prevent infection among soldiers who, in one way or another, may come into contact with the Iranian "Shiite international forces" or other local militias affiliated with Tehran.

1 Maher Nazeh, Thaier al-Sudani, and Ahmed Rasheed, "U.S.-Led Forces Depart Iraqi Military Base Near Mosul in Drawdown," U.S. News, March 26, 2020, accessed May 5, 2020, <https://www.reuters.com/article/us-iraq-security-usa/u-s-led-forces-depart-iraqi-military-base-near-mosul-in-drawdown-idUSKBN21D1UR>.

It should be noted that such isolation, if true, could be limited to select areas, involving certain formations, including the 5th Special Mission Forces Division, also known as “Tiger Forces,” under the command of Syrian Brig. Gen. Suhail al-Hassan and Russian special forces’ patronage, and brigades of the pro-Russian 5th Corps. It is widely known that numerous local militias affiliated with Iran, collectively called the Local Defence Forces, had been integrated into the regime’s army, and that a number of Shiite international forces, such as Liwa al-Imam Hussein (Lions of Hussein Brigade) and the Liwa Sayyaf al-Mahdi (Lions of the Warriors of the Mahdi Brigade) have been integrated into Syrian Maj. Gen. Maher al-Assad’s 4th Division.¹

Russia is using the current calm in Syria, derived from both the recent Idlib deal and the COVID-19 distraction, to consolidate its position. On May 29, 2020, President Vladimir Putin ordered Russia’s Defense and Foreign ministries to hold talks with Damascus over the issue of “transferring additional real estate and [adjacent] water areas” to Russia. Protocol №1 – the document that Moscow and Damascus should be discussing – is supposed to be an annex to the Russia-Syria agreement on the deployment of Russian air forces in Syria that Moscow and Damascus signed on August 26, 2015. The deal was amended on January 18, 2017 to have Syria, among other things, lease out the Hemeimeem air base, including real estate on its territory, to Russia for 49 years with an option to automatically extend the agreement for another 25 years unless one party informs the other via diplomatic channels at least one year in advance of its willingness to terminate the deal.

For now, it is unclear whether Moscow merely seeks to rent additional adjacent areas to improve its security systems or whether it is planning to develop comprehensive military infrastructure that could enable it to permanently project power into the broader Middle Eastern region. This would allow Moscow to support direct troop deployments if and when it needed to, and could support the permanent deployment of strategic weapons such as air defence and missile systems that would strengthen Russia’s overall military capabilities and avenues for intervention in the Middle East, including towards the Suez Canal as a naval “chokepoint.”

While Russia is currently struggling with the consequences of COVID-19 at home, its foreign policy projections suggest it is also bracing itself for the post-pandemic world.

Conclusion

A pandemic that begins in one country and spreads with great velocity around the world is the definition of a global challenge. It is also a perfect illustration of how the disruption of economies, social stability, perceptions and other elements of intrastate dynamics force their effects on foreign policy strategies and thus the realm of international relations.

“The fact that the political boundaries of sovereign states do not represent natural barriers to infectious agents or to harmful products underscores the need for interstate cooperation to address these global health issues,” Nakajima wrote in 1997.²

1 Anton Mardasov, “Is COVID-19 Changing Astana Allies’ Dynamics in Syria?” *Al-Monitor*, March 31, 2020, accessed May 5, 2020, <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/03/russia-iran-syria-turkey-coronavirus-subversion.html>.

2 Nakajima 1997, 319.

But in addition to the clear nature of COVID-19 as an international problem that individual states cannot tackle on their own, the particular dynamics revolving around the Syrian conflict show that it is also a significant driver of relations between states. While the global pandemic has not cancelled out the established interests of states, and perhaps has even added to them, the subtle reshuffling of the cards these states have been dealt has accelerated, decelerated or even spawned entirely new approaches to achieving those interests.

REFERENCES

Alam, Kamal. "Pax Syriana: The Staying Power of Bashar Al Assad." *Asian Affairs* 50, no. 1 (January 30, 2019): 1 – 17. <https://doi.org/10.1080/03068374.2019.1567099>.

Kherallah, Mazen, Zaher Sahloul, Ghyath Jamil, Tayeb Alahfez, and Khaldoun Dia Eddin. "Health Care in Syria Before and During the Crisis." *Avicenna Journal of Medicine* 2, no. 3 (2012): 51. <https://doi.org/10.4103/2231-0770.102275>.

Nakajima, Hiroshi. "Global Disease Threats and Foreign Policy." *The Brown Journal of World Affairs* 4, no. 1 (1997): 319 – 332.

Rathbun, Brian. "A Rose by Any Other Name: Neoclassical Realism as the Logical and Necessary Extension of Structural Realism." *Security Studies* 17, no. 2 (May 22, 2008): 294 – 321. <https://doi.org/10.1080/09636410802098917>.

Authors

Maxim A. Suchkov,

PhD, Associate Professor at the Department of Applied International Analysis,
Senior Research Fellow at the Scientific Center (Laboratory) of Analysis of International Processes,
MGIMO University, Moscow, Russia,
e-mail: max-suchov@yandex.ru

Sim Tack,

Global Analyst at Stratfor, Chief Military Analyst at Force Analysis, consulting company (Belgium),
Brussels, Belgium,
e-mail: sim.tack@gmail.com

Additional information

Received: April 22, 2020. Accepted: May 14, 2020.

To cite the article

Suchkov, Maxim A., and Sim Tack. "Implications of COVID-19 for the Conflict in Syria." *Journal of International Analytics* 11, no. 1 (2020): 71–84.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-71-84>

Влияние распространения коронавируса на конфликт в Сирии

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются возможные варианты влияния пандемии COVID-19 на динамику сирийского конфликта, и вероятные изменения стратегий внешних держав-участников конфликта. В настоящей работе предпринята попытка предложить целостную картину влияния пандемии на отдельное государство в период острого конфликта через анализ ситуации на различных уровнях: на внутреннем, где COVID-19 истощает ресурсы вовлеченных игроков, и на международном, где региональные и глобальные державы, несмотря на пандемию, продолжают конкурировать друг с другом за отдельные ниши в Сирии. Вместе с этим, данное исследование выявило, что последствия COVID-19 уже сейчас предоставляют Дамаску возможности по расширению зоны контроля над пока еще занятыми оппозиционными силами территориями и также потенциально дают возможности для Москвы консолидировать собственные усилия по разрешению конфликта на выгодных для себя условиях. С другой стороны, обострение гуманитарной ситуации в стране создает условия для нормализации отношений Дамаска с международным сообществом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

COVID-19, Россия, Сирия, Ближний Восток, Иран Турция

Сведения об авторах

Сучков Максим Александрович,

кандидат политических наук,

доцент кафедры прикладного анализа международных проблем,

старший научный сотрудник Лаборатории анализа

международных процессов МГИМО МИД России, Москва, Россия,

e-mail: max-suchov@yandex.ru

Сим Так,

аналитик компании Stratfor (США),

главный военный аналитик консалтинговой компании *Force Analysis* (Бельгия),

Брюссель, Бельгия,

e-mail: sim.tack@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 22 апреля 2020. Принята к публикации: 14 мая 2020.

Цитирование

Сучков М.А., Так, С. Влияние распространения коронавируса на конфликт в Сирии // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (1). – С. 71-84.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-71-84>

Эпидемии и реформы: опыт Саудовской Аравии

Косач Григорий Григорьевич

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-85-96>

АННОТАЦИЯ

Саудовская Аравия – одна из ключевых стран Ближнего Востока и мусульманского мира. Развивающиеся в этой стране процессы имеют непосредственное отношение к развитию окружающего ее геополитического пространства. В связи с этим возникает вопрос об исследовании сути этих процессов, обстоятельств их возникновения и эволюции, а также воздействовавших на них факторов. Одним из этих факторов выступают эпидемии A/H1N1, MERS и COVID-19, рассматриваемые автором в качестве ускорителя происходивших в Саудовской Аравии после 2009 г. общественно-политических преобразований. Данные преобразования опирались на уже накопленный саудовской властью опыт предшествующих лет и приняли форму разработки и реализации «национальных проектов», направленных на перестройку национальной системы образования и здравоохранения. Итоги осуществления этих проектов находили свое выражение во все большей открытости страны внешнему миру, последовательном сокращении сферы общественного влияния религиозного истеблишмента и в повышении роли нового «образованного класса», превращавшегося в опору власти в ее следовании по пути социально-экономической модернизации. Власть обретала новые формы собственной легитимации, становясь защитником граждан в эпоху постигавших страну испытаний, выигрывала в борьбе за умы людей, оттесняя улемов от влияния на принимаемое ею политическое решение. Посттрадиционное саудовское общество, каким оно было в начале 2000-х гг., под влиянием ставшего союзником власти «образованного класса» обретало черты современности, а сама Саудовская Аравия с большим на то основанием, чем раньше, начинала рассматриваться в качестве неотъемлемого и полноценного элемента международного сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Саудовская Аравия, Всемирная организация здравоохранения, эпидемические заболевания, коронавирусы, A/H1N1, MERS, COVID-19

Констатация ведущего положения Саудовской Аравии в пространстве арабомусульманского сообщества и ее роли как одной из двадцати наиболее значимых экономик мира в системе мирохозяйственных связей не отменяет тот факт, что свое нынешнее качество эта страна обрела в течение короткого временного периода – второй половины XX – начала XXI в., осуществив переход от традиционности к обретению черт современного общества и государства.

Автор полагает, что анализ и осмысление эмпирического материала позволит концептуализировать влияние эпидемий на процесс повышения эффективности политического управления и политической модернизации посттрадиционного саудовского общества. Чрезвычайные вызовы для власти (в их роли, собственно, и выступали эпидемии прошлых лет – A/H1N1 и MERS, а теперь и COVID-19) воздействовали на процесс проведения современных реформ и укрепления их легитимации «снизу».

Саудовская правящая элита выступала в роли «спасителя» народа, нанося удар по религиозному истеблишменту, обладавшему ранее едва ли не исключительной монополией на формирование общественного мнения. Власть меняла умонастроения «спасаемого» народа и, опираясь на выпестованный ею «образованный класс», более активно двигала страну по пути реформ. Их итог заключался в следующем: во-первых, в усложнении политической системы и ее структурной дифференциации, выражающейся в появлении новых институтов управления, инструмента влияния современных социальных групп, когда религия и связанные с ней улемы начинают играть всего лишь одну из функционально специализированных ролей, а во-вторых, в дальнейшей рационализации традиционного сознания.

В научно-экспертном сообществе повсюду идут дискуссии о влиянии кризиса, вызванного распространением COVID-19, как на системы здравоохранения в мире¹, так и на межгосударственную конкуренцию². Постепенно появляются публикации о влиянии коронавируса и на отдельные страны, включая государства Ближнего Востока³. Что касается Саудовской Аравии, в отечественной литературе (как и в зарубежной, включая саудовскую) отсутствуют работы, рассматривающие влияние эпидемических угроз на развитие модернизационных процессов. Исключение составляют работы автора по данной теме⁴; ему же принадлежит и первое отечественное монографическое исследование внутриполитических процессов времени «эпохи реформ»⁵. Классическим отечественным исследованием, необходимым для понимания исторического пути саудовского государства, является неоднократно переиздававшаяся монография А.М. Васильева⁶. В зарубежной историографии такое место занимает работа саудовско-британского автора Мадави Ар-Рашид⁷. Вопросам современного развития Саудовской Аравии, включая взаимоотношения между религиозным истеблишментом и властью,

1 Gronvall 2020.

2 Heisbourg 2020.

3 Fitzpatrick 2020.

4 Косач, Г.Г. Саудовская Аравия: грипп A/H1N1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9360> (дата обращения: 17.04.2020).

5 Косач 2007.

6 Васильев 1999.

7 Al-Rasheed 2010.

посвящены работы американских¹ и французских² исследователей. Важны и работы саудовских исследователей, размещенные в двух томах многотомного проекта к столетию саудовского государства, рассматривающие процессы становления системы современного образования и здравоохранения³.

Летом 2009 г. в Саудовской Аравии (впервые в современной истории страны) сложилась беспрецедентно опасная обстановка. Распространение вируса «свиного гриппа» A/H1N1 приобрело характер эпидемии. К середине сентября на территории королевства было зафиксировано 30 смертельных случаев. Саудовское издание сообщало о «панических страхах и психологических стрессах»⁴.

Возникшая ситуация требовала решительных мер. Они не могли ограничиться национальным уровнем, несмотря на значительные финансовые возможности и сконцентрированные в столице оснащенные современным оборудованием медицинские комплексы. Преодоление эпидемии предполагало развитие сотрудничества со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и регионального взаимодействия, а замыкание в пределах национальных границ должно было уйти в прошлое. Внутренние преобразования, которые уже были осуществлены, создали для этого необходимые предпосылки.

Эти преобразования – следствие вызовов, ускорявших на рубеже двух столетий модернизационный процесс. Ими были кувейтский кризис начала 1990-х гг. (весной 1992 г. были приняты первые в саудовской истории конституционные акты – Основной закон правления, Закон о Консультативном совете и Закон об управлении провинциями) и события 11 сентября 2001 г. (в 2003–2005 гг. последовательно расширялся состав Консультативного совета, был создан Центр национального диалога, возник Антикоррупционный комитет, проведены первые частичные выборы советов муниципалитетов, повышена общественно-политическая роль национального предпринимательства, представленного Советом торгово-промышленных палат, появились профессиональные организации и «общественный» Саудовский национальный комитет прав человека).

Провозглашенный в 2003 г. занявшим два года спустя монарший престол Абдаллой бен Абдель Азизом «этап реформ» стал поводом для действий власти, направленных на сужение сферы полномочий руководства религиозного истеблишмента – Совета высших улемов – и огосударствления сферы вероисповедной практики. На стороне власти выступал разночинный «образованный класс» – итог социально-экономической модернизации прошлых лет. Делая летом 2009 г. выбор в пользу внешней открытости, власть (уже включившая в свои ряды немало представителей «образованного класса») демонстрировала миру образ трансформирующегося королевства.

1 Haykel et al. 2015.

2 Mouline 2011.

3 Al-Shamri (a, b) 2007.

4 “3500 السعودية : 4موفيات جديدة بأغلونزا الخنازير وارتفاع الإصابات إلى 3500” (Saudi Arabia: 4 new deaths, number of infected close to 3,500),” Laha Online, accessed March 13, 2020, <https://www.lahaonline.com/articles/view/16764>.

Внешняя открытость: хадж и взаимоотношения власти и улемов

В июне 2009 г. в Джидде по инициативе ВОЗ и саудовского правительства состоялась рабочая встреча представителей стран Восточного Средиземноморья и Европейского Союза, где был поставлен вопрос о совместной стратегии противостояния эпидемии. Спустя месяц, в июле 2009 г., министр здравоохранения королевства Абдалла Ар-Рубаи принял участие в чрезвычайном совещании министров здравоохранения пяти арабских стран в Каире, где были предложены конкретные рекомендации, призванные остановить распространение вируса A/H1N1¹.

Опираясь на эти рекомендации, власть принимала необходимые меры: обязательное ношение медицинских масок, закупка антигриппозной вакцины и начало ее разработки. ВОЗ при этом получала детальную информацию о развитии ситуации (столь же детально информировались и саудовские граждане). Спустя два года сотрудничество с ВОЗ было формализовано: в 2011 г. стороны приняли совместную «Стратегию сотрудничества ВОЗ и Саудовской Аравии на 2012-2016 гг.»².

Проблема не исчерпывалась мерами профилактического характера, впервые был поставлен вопрос о мусульманском паломничестве – календарно определенном хадже и не связанном с каким-либо временным периодом *малом хадже* – *умре*. Распространение эпидемии определило позицию ВОЗ – отменить намечавшийся на конец ноября хадж либо ввести ограничительные меры в отношении его участников (в частности специальные медицинские сертификаты). В ходе совещания в Джидде представители саудовского министерства здравоохранения отмечали, что выполнение рекомендаций ВОЗ, касающихся хаджа и умры, возможно только, если это начинание будет санкционировано высшим руководством³.

Рекомендации ВОЗ отталкивались от очевидного факта: борьба с распространением A/H1N1 требовала исключить возникновение или, по крайней мере, ввести жесткий контроль над скоплениями людей. Хадж был таким обстоятельством, но он был и одним из *столпов* ислама – меры профилактики сталкивались с религиозной традицией. Буквальное следование этой традиции многократно повышало опасность распространения инфекции среди самих паломников, в местах их постоянного проживания, в самой Саудовской Аравии и странах Восточного Средиземноморья, через которые эти паломники возвращались на родину. Принять предложение ВОЗ об отмене хаджа саудовское государство не могло в силу соображений политического, религиозного, а во многом и экономического характера.

Обе стороны пришли к компромиссному решению, и в Каире было достигнуто согласие о сокращении участников будущего хаджа, из числа которых исключалась «группа риска»: люди старше 65 лет, дети до 12 лет и беременные женщины⁴. Частью компромисса стало согласие саудовской стороны допускать

1 "أول حالة وفاة في السعودية بانفلونزا الخنازير" (First death from «swine flu» in Saudi Arabia), BBC Arabic, accessed March 21, 2020, https://www.bbc.com/arabic/scienceandtech/2009/07/090727_ah_swine_saudi_tc2.

2 "Country Cooperation Strategy for WHO and Saudi Arabia 2012–2016," World Health Organization, accessed March 20, 2020, https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/113227/CCS_Saudia_2013_EN_14914.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

3 См. подробнее: Memish et al. 2009.

4 В «группу риска» вошли и те, кто страдал хроническими заболеваниями – диабетом, болезнями внутренних органов или избыточным весом (в конце июля 2009 г. в одной из саудовских частных клиник от «свиного гриппа» скончался тридцатилетний гражданин, принадлежавший к «группе риска»).

к совершению хаджа лишь тех, кто имел сертификаты о состоянии здоровья, заверенные медицинскими органами стран происхождения¹.

В конце июля 2009 г. министерство здравоохранения сообщило, что «высшее руководство» королевства приняло решение о поддержке рекомендаций каирского совещания. Оправдывая согласие власти с введением ограничений в отношении хаджа, министр Ар-Рубаи подчеркивал, что эти ограничения «не означают преднамеренного сокращения числа паломников либо квот для стран, граждане которых будут участвовать в хадже». По его словам, правительство приняло необходимые меры для «успешного проведения хаджа» (усиление санитарного контроля на границах, создание специальных групп медицинской помощи и полевых госпиталей). Министр обратился к ВОЗ с призывом довести до сведения медицинских учреждений государств, откуда будут прибывать паломники, точку зрения правительства его страны².

Все же проблема выглядела более серьезной и не была связана лишь с эпидемиологической ситуацией и мерами профилактики. Принимая решение об ограничениях для участников паломничества, правящий монарх проигнорировал суждение Совета высших улемов, критически отнесшегося к положительному заключению, принятому законодателями каирского Аль-Азхара³. Его решение положило начало отказу власти от существовавшей ранее практики обязательного одобрения ее действий религиозным истеблишментом. Абдалла бен Абдель Азиз делал выбор в пользу защиты человеческих жизней (включая бесплатное лечение в государственных больницах заболевших или пострадавших от чрезвычайных ситуаций паломников), а не поддержки обязательности хаджа. Паломничество вступало на этап (пока еще робкой) десакрализации, оказываясь зависимым от решения «мирских» задач.

Власть поступила идентично и в 2013-2014 гг. во время вспышки эндемического «ближневосточного респираторного синдрома» (*Middle East Respiratory Syndrome*, MERS). Предполагалось, что источником его происхождения могли стать фермы, разводившие скаковых верблюдов⁴. Новая форма респираторного заболевания унесла жизни 76 жителей страны (количество же заболевших составило не менее 244 чел.). Действия министерства здравоохранения в ходе борьбы с этой инфекцией были оценены властью как «неэффективные», что никак не подтверждалось ВОЗ, и привели к отставке Ар-Рубаи⁵.

Вероятной причиной этой отставки стали разногласия между министром и членами королевской семьи – владельцами ферм, заинтересованными в сохранении бедуинской традиции организации верблюжьих скачек. Отставка не привела вместе с тем к изменению статуса «разночинца» Ар-Рубаи – хирурга, осуществив-

1 Memish et al. 2009, 1790.

2 В частности, речь шла об обязательной прививке от A/H1N1, сделанной не менее чем за две недели до подачи заявления о получении саудовской въездной визы, что относилось и к тем, кто собирался совершить умру. См. подробнее: «حجز ٤ ملايين: جرعة من اللقاح الخاص بالفيروس لموسم الحج» (Ar-Rubai: 4,081 cases of «swine flu» in the Kingdom), Alriyadh, accessed September 15, 2009, <http://www.alriyadh.com/459277>.

3 «هل يمكن إلغاء فريضة الحج والعمرة بسبب انتشار مرض «انفلونزا الخنازير»؟» (Is it possible to cancel the obligation of Hajj and Umrah if «swine flu» is spreading?), Islamqa, accessed March 15, 2020, <https://islamqa.info/ar/answers/137801/-انفلونزا-الخنازير-هل-يمكن-الغاء-فريضة-الحج-والعمرة-بسبب-انتشار-مرض-انفلونزا-الخنازير>.

4 «WHO Lauds the Kingdom's Efforts to Combat Coronavirus», Ministry of Health, accessed March 24, 2020, <https://www.moh.gov.sa/en/CCC/News/Pages/news-2013-05-13-001.aspx>.

5 «الصفحة غير موجودة» (Saudi Health minister resigns), Aljazeera, accessed April 23, 2014, <https://www.aljazeera.net/news/arabic/2014/4/21>.

шего первую в Саудовской Аравии операцию по разделению сиамских близнецов. Указом Абдаллы бен Абдель Азиза он был введен в аппарат королевской канцелярии в качестве советника монарха по медицинским вопросам в ранге министра¹.

Еще более решительно власть действовала в 2019-2020 гг. во время распространения коронавируса COVID-19, когда без обращения к какому-либо религиозному авторитету (саудовскому или иностранному) ею были запрещены коллективные пятничные молитвы в мечетях, приостановлен малый хадж², закрыты для посещения и молитвы Запретная мечеть Мекки и мечеть Пророка в Медине³. Специальным указом короля Сальмана бен Абдель Азиза на время эпидемии был введен режим карантина на всей территории страны (обретшего форму комендантского часа в обоих «святых городах» – Джидде и столице), перемещение между провинциями категорически исключалось⁴. Для этого были основания: эпидемия последовательно охватывала всю страну, к концу мая 2020 г. зараженными оказались более 85 261 чел., 503 из них умерли⁵. Совету высших улемов оставалось лишь призывать к «поддержке указаний государственных служб», «вознесению молитвы Господу об избавлении от постигшей напасти» и напоминать о том, что «Господь вместе с терпеливыми»⁶. Одним из важных направлений политики 2019-2020 гг. стало субсидирование принадлежащих малому и среднему бизнесу предприятий, пострадавших от COVID-19.

Возвращение к обычной жизни стало возможным только в конце мая – начале июня 2020 г. Возобновилась (но не в полном объеме) работа государственных учреждений и частных компаний. 1 июня для ограниченного посещения были открыты (кроме Мекки) мечети, в обязательном порядке освобожденные от ковров. Частично восстановлено внутреннее авиасообщение. Однако решая вопрос о хадже 2020 г., власть ограничила участие в нем только теми, кто проживает в Саудовской Аравии, подчеркнув безусловность полного соблюдения всех профилактических норм. Во главу угла был поставлен вопрос о «ценности человеческой жизни»⁷.

Эпидемия в комплексе внутренних проблем: пути решения

Начавшаяся после окончания Второй мировой войны «нефтяная эра» меняла саудовское общество, и, меняясь, оно сталкивалось с новыми трудностями. Диспропорции в развитии провинций порождали официально признаваемую бедность и безработицу. Общественные пороки и коррупция в высших эшелонах власти (включая и религиозный истеблишмент) не позволяли считать коро-

1 "Royal Decree: the Resignation of the Minister of Health", Alriyadh, accessed April 25, 2014, <http://www.alriyadh.com/929134>.

2 "Saudi Arabia: Temporary suspension of Umrah for citizens and foreigners," accessed March 4, 2020, <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2020/03/04/السعودية-أيقاف-العمرة-وزيارة-المسجد-النبي-موقتاً>.

3 "Saudi Arabia: suspension of prayers and visits to Two Noble Shrines," accessed March 20, 2020, <https://www.alarabiya.net/ar/coronavirus/2020/03/20/تعليق-الصلاة-والزيارة-في-مساحات-الحرمين-خاصة-الجمعة>.

4 "Saudi Arabia extended quarantine," accessed April 13, 2020, <https://aawsat.com/home/article/2231111/400-السعودية-تتمدد-«منع-التجول»-والإصابات-اليومية-تتسارع-حاجز-400>.

5 "Saudi Arabia begins to return to normal life," accessed June 1, 2020, <https://aawsat.com/home/article/2311841/السعودية-تبدأ-العودة-إلى-الحياة-الطبيعية-والوعي-أبرز-مظاهر-ها/2311841>.

6 "Council of High Ulema publishes statement on Friday prayers," SkyNews Arabic, accessed March 13, 2020, <https://www.skynewsarabia.com/middle-east/132788>.

7 "Saudi Arabia: A Limited and Safe Hajj," Asharq Al-Awsat, accessed June 23, 2020, <https://aawsat.com/home/article/2348676/السعودية-تسمح-محدود-آمن-صحياً>.

левство идеальным, вдохновляющимся «высшими ценностями ислама» государством. Активно действовавшая на протяжении 2003-2011 гг. и апеллировавшая к религиозной догме антисистемная салафитская оппозиция или, если использовать термин официального дискурса, «заблудшая секта»¹, как и все еще существующее и эпизодически осуществляющее акты террора антисистемное подполье, видели в эпидемиях A/H1N1 и MERS проявления «Божественного гнева, обрушивающегося на страну порока»².

Противостояние A/H1N1 было не только частью комплекса проблем, вставших перед властью в начале 2000-х гг., но и подталкивало ее к их решению. Прямым итогом преодоления последствий эпидемии «свиного гриппа» стали предложенные обществу «национальные проекты» – создание системы современного образования и медицинского обслуживания. Власть не только инициировала эти проекты, но и вслед за королем создавала специализированные благотворительный фонды, играя роль их спонсора.

Действия власти становились ответом на запросы «образованного класса». Подвергая критике сложившуюся систему образования, его представитель говорил о «засилье религиозной догмы» в стране, которая нуждается в «70 тыс. инженеров и в не меньшем числе фармацевтов». Подчеркивая, что доля специалистов по «исламским наукам» среди безработных выпускников университетов составила более 70%, он замечал, что эта специализация выбиралась выходцами из депрессивных регионов, пополняющими ряды антисистемного подполья. Страна нуждалась в переходе к «обществу знания и информатики», способному дать «современных специалистов, обеспечивающих движение по пути прогресса и спасающих от постигающих бед и несчастий»³.

Власть активно создавала новые и реформировала старые университетские центры. Провозглашая себя «поборником революции в образовании» на основе «широкого введения в программы высших учебных заведений современных и технических наук», король Абдалла бен Абдель Азиз осуществлял курс на «качественный скачок» к «прогрессу королевства»⁴ за счет трансформации сложившегося в сфере образования и медицины порядка.

Данные официальной статистики свидетельствовали о том, что в ноябре 2012 г. в Саудовской Аравии действовали 25 университетов (включая крупнейшие учебные комплексы: Университет нефти и природных ресурсов в Дахране и Университет науки и технологии имени короля Абдаллы в районе Джидды), а также филиалы этих университетов во всех провинциальных центрах (почти половину от общей численности обучавшихся в них студентов составляли девушки).

Основной специализацией университетских центров становились точные и прикладные науки. В структуре каждого из них присутствовали медицинские и биологические факультеты, где готовились специалисты по ранее отсутствовав-

1 Термин восходит к заключительным аятам первой суры Корана.

2 «تفكيك شبكة إرهابية في السعودية على صلة بـ«قاعدة اليمن» و«داعش» (Dismantling a terrorist network in Saudi Arabia linked to al-Qaeda in Yemen and ISIS),” Asharq Al-Awsat, accessed July 18, 2014, <http://aawsat.com/home/article/91236?archive=1&date=05/07/2014>.

3 «التعليم إصلاح معارضي ينتقد سعودي أكاديمي» (Saudi university teacher criticizes opponents of education reform),” accessed May 30, 2010, <https://archive.aawsat.com/details.asp?section=43&article=280527&issueno=9562#.Xpv6ZMgzZPY>.

4 «الشرق الأوسط»-تعديد نشر حوار هاجع- (Al-Sharq Al-Awsat again publishes the text of a conversation with the dead king Abdullah bin Abdel Aziz),” accessed January 27, 2015, <https://aawsat.com/home/article/274561/> «الملك الراحل-عبدالله-عبد العزيز-في 2006-».

шим специальностям: пульмонологи, инфекционисты, вирусологи, гигиенисты, санитарные врачи. В основных городах всех провинций было открыто 52 региональных технических колледжа. Ежегодно не менее 90 тыс. молодых саудовцев и саудовок отправлялись на учебу (в той или иной форме оплачиваемую государством) в зарубежные, преимущественно американские университеты¹.

В рамках медицинского направления «национальных проектов» происходила реализация основывавшейся на рекомендациях ВОЗ «всеобъемлющей национальной программы медицинского обслуживания». Данная система предполагала создание лечебных комплексов, поликлиник и амбулаторий во всех населенных пунктах.

Существенным начинанием министра Ар-Рубаи стало введение составленной по американским образцам аккредитации национальных лечебных учреждений, повышение зарплат медиков и улучшение условий их работы. К концу 2014 г. уже после отставки министра эта часть «национальных проектов» была практически полностью реализована. Важной составляющей изменений в сфере саудовского здравоохранения стала и инициированная Ар-Рубаи исследовательская работа: в крупнейших университетах появились центры и лаборатории, занимавшиеся вопросами изучения вирусных заболеваний. Стоявшая перед ними задача предполагала, что во взаимодействии с зарубежными коллегами работающие в этих центрах ученые внесут свой вклад в разработку противовирусных вакцин.

Вместе с тем кадровое обеспечение национальной системы здравоохранения (как врачами, так и средним медицинским звеном) в немалой степени связывалось с заключением контрактов с гражданами соседних арабских и мусульманских стран. Лишь четверть из почти ста тысяч работающих в стране врачей высшей квалификации (по данным 2020 г.) и только треть из 185 тыс. медсестер и медбратьев были саудовцами, несмотря на то, что в стране действует 37 медицинских факультетов, где обучаются 25 тыс. студентов².

Борьба с COVID-19 поставила задачу совершенствования как системы здравоохранения, так и университетской подготовки необходимых для нее саудовских кадров. «Образованный класс» связывал ее с необходимостью продвижения по пути «саудизации» рабочей силы, в том числе за счет расширения в ней доли женщин, апеллируя к представленному в 2015 г. проекту социально-экономической трансформации «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030»³.

«Этап реформ», движение по пути которых после 2009 г. было ускорено, позволил власти обрести продвигаемый ею «образованный класс» в качестве социальной основы. По оценкам Саудовского департамента статистики на конец февраля 2010 г., более 96% молодых работающих саудовцев (почти 4 млн чел. в возрасте от 25 до 44 лет или 89,5% от общей численности рабочей силы) получили образование: 26,8% обладали дипломами об окончании средней школы,

1 «البرازيل» (Speech of the Custodian of Two Noble Shrines King Abdullah bin Abdel Aziz at the Third International Forum for the Interaction of Civilizations in Brazil), accessed May 28, 2010, <https://aawsat.com/home/article/274561/«الشرق-الأوسط»-تعيد-نشر-حوار-ها-مع-الملك-الراحل-عبد-الله-بن-عبد-العزيز-في-2006>.

2 «المراجعة تحت الصحي النظام . عبد الرحمن الراشد» (Ar-Rashed A.R. Health system needs review), accessed April 11, 2020, <https://www.alarabiya.net/ar/politics/2020/04/11/النظام-الصحي-تحت-المراجعة.html>.

3 Ibid.

а 34,4% – дипломами бакалавров. Обеспечены образованием как работающие мужчины (96,1%), так и работающие женщины (98,5%), при этом 18,4% работающих саудовских мужчин и 55,8% работающих саудовских женщин заняты в сфере науки, техники и гуманитарных дисциплин¹.

Созданный в 2008 г. по инициативе правившего монарха Центр диалога религий и цивилизаций трансформировал саудовский государственный дискурс, расширив его цивилизационные рамки. Выступая 24 октября 2010 г. на заседании Консультативного совета, Абдалла бен Абдель Азиз говорил: «Саудовская Аравия – страна, открытая миру. Мы черпаем наши идеи в Торе, Евангелиях и Коране – Книгах, ниспосланных Господом, поскольку весь мир верит в справедливость, благополучие, мир»².

Открывая в сентябре 2009 г. Университет науки и техники имени короля Абдаллы, Абдалла бен Абдель Азиз отмечал, что «наука и вера могут противостоять друг другу только в душах больных людей», что этот университет – «первая линия обороны против экстремистов» и «маяк толерантности»³. Однако, такой подход вызвал критику члена Совета высших улемов шейха Саада Аш-Шасри, протестовавшего против введения в этом университете (впервые в истории саудовского высшего образования) совместного обучения юношей и девушек, и требовавшего подвергнуть «шариатской проверке читаемые дисциплины, в частности теорию эволюции», преподававшуюся на биологическом и медицинском факультетах⁴. В начале октября 2009 г. был издан монарший указ об освобождении Аш-Шасри от занимаемой им должности.

В начале 2010 г. министерство юстиции приступило к реализации «программы идейной безопасности» – обязательной переподготовки имамов мечетей, призванной исключить возможность произнесения проповедей, противоречащих курсу власти. В августе 2010 г. был принят монарший указ, позволявший распространение только тех фетв – религиозно-юридических суждений, – авторами которых являются правоведы, введенные королем в Совет высших улемов⁵. Фетвы, имеющие своим источником иных представителей религиозного истеблишмента (среди них были и уличенные в сотрудничестве с «заблудшей сектой»), объявлялись незаконными.

Время после 2009 г. стало завершающей эпохой процесса формирования «образованного класса». Расширяясь и обретая новые возможности и институты влияния, как, например, Консультативный совет, торгово-промышленные палаты, профессиональные и правозащитные структуры, этот «класс» стал видеть себя частью системы государственной власти и подчеркивать необходимость сузить сферу полномочий корпуса улемов, представители которого не раз уличались в поддержании контактов со сторонниками «заблудшей секты». «Образованный

1 "حجم القوى العاملة في المملكة 8.6 مليون فرد" (The Kingdom employs 8.6 million people)," accessed March 1, 2010, <http://www.al-jazirah.com/2010/20100301/ec1.htm>.

2 "الملك عبدالله يتسلم أوراق اعتماد عدد من سفراء الدول الإسلامية والعربية والصديقة" (Minister of Two Noble Shrines: we draw from the Torah, the Gospels and the Koran)," Alriyadh, accessed November 26, 2011, <http://www.alriyadh.com/2010/10/25/article570998.html>.

3 Косач, Г.Г. Саудовская Аравия: годовщина национального дня. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9393> (дата обращения: 17.04.2020).

4 "الشيخ الشاذلي يجيب عن اختلاط جامعة الملك عبدالله" (Sheikh Al-Shasri answers the question of coeducation at King Abdullah University)," YouTube, accessed July 30, 2019. <https://www.youtube.com/watch?v=vmEuc5fxy9w>.

5 "العلماء كبار هيئة على الفتوى بقصر ملكيا أمرا يصدر الحرمین خادم" (The Custodian of the Two Noble Shrines issues a decree restricting the issuance of fatwas by members of the Council of High Ulama)," accessed August 13, 2010, <https://archive.aawsat.com/details.asp?issueno=11700&article=582296#XpxmisgzZPY>.

класс» также использовал вспышки эпидемий для давления на власть, стремясь ускорить ее движение по пути дальнейшей модернизации.

Описывая складывавшееся положение, саудовский журналист говорил о «движении королевства от провинциальности к глобализирующемуся миру», вызвавшему «противостояние в сфере культуры и общественной жизни». Суть этого «противостояния» заключалась в «ощутимом разрыве между поколениями». По его словам, «новое образованное поколение» стремится «с помощью сети Интернет войти в мир, освободиться от мелочной опеки», считая то, «что ранее было запретным, теперь – разрешенным». Данное поколение выглядело «противником консерваторов», стремящимся к «открытому обсуждению» социальных и политических проблем¹. Оно же поддерживало власть, ставя вопрос о необходимости полной дифференциации сфер полномочий государства и корпуса богословов: в Саудовской Аравии «должна существовать государственная религия», но страна не должна быть «религиозным государством»².

Заключение

Время после 2009 г., когда Саудовская Аравия испытала воздействие двух эпидемий, пришедшего извне A/H1N1 и эндемическому MERS, – стало эпохой, в течение которой она последовательно менялась, обретая черты современного и открытого миру государства. Естественно, обе эти эпидемии не стали причиной этих изменений (которые выросли из обстоятельств, связанных с модернизацией предшествующих лет). Тем не менее эпидемии стимулировали их, содействуя трансформации точки зрения власти на пути эволюции страны. Наиболее яркими проявлениями этой трансформации стало вхождение во власть нового общественного слоя, «образованного класса», и постепенное снижение роли религиозного истеблишмента.

Эпидемия COVID-19 доказала, что власть продолжает движение по пути реформ и преобразований, который она выбрала в 2009 г. Выступая 26 марта 2020 г. в ходе виртуального саммита G-20, где ныне председательствует Саудовская Аравия, посвященного борьбе с пандемией, король Сальман бен Абдель Азиз говорил о необходимости «объединения усилий всего мира в противостоянии грозящей ему опасности». Он выражал «глубокое сочувствие гражданам всех государств, страдающим от распространения эпидемии». Монарх подчеркивал, что его страна предоставит все необходимое для того, чтобы прекратить ее распространение и выработать специальные меры, которые дадут возможность «избежать повторения такого рода эпидемий». Являясь одной из крупнейших экономик мира, Саудовская Аравия, по словам нынешнего монарха, в «полном объеме внесет свой вклад» в поддержание стабильности и в последующее восстановление «системы мирохозяйственных отношений»³.

1 «الكلمة الرياض. من المحلية إلى عالم (معولم)» (From provincialism to a globalizing world), Alriyadh, accessed April 21, 2020, <http://www.alriyadh.com/2010/06/07/article532670.html>.

2 «الكلمة الرياض دولة الدين.. أم دين الدولة?» (Religious State or State Religion?), Alriyadh, accessed April 21, 2020, <http://www.alriyadh.com/870909>.

3 البرازيل (Speech of the Custodian of Two Noble Shrines King Abdullah bin Abdel Aziz at the Third International Forum for the Interaction of Civilizations in Brazil), accessed May 28, 2010, <https://aawsat.com/home/article/274561/> «الشرق الأوسط»-تعديد-نشر-حوارها- مع-الملك-الراحل-عبد-الله-بن-عبد-العزيز-في-2006-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Васильев, А. М. История Саудовской Аравии (1745 – конец XX в.). – М.: Классика плюс, 1999. – 672 с. [Vasilyev A.M. Istoriya Saudovskoi Aravii (1745 – konets XX v.) [History of Saudi Arabia (1745 – end of the 20th century)]. – Moscow: Klassika plus, 1999. – 672 p.] [in Russian].

Косач, Г. Г. Саудовская Аравия: внутривнутриполитические процессы «этапа реформ». – М.: Институт Ближнего Востока, 2007. – 359 с. [Kosach G.G. Saudovskaya Araviya: vnutripoliticheskie protsessy "etapa reform" [Saudi Arabia: Domestic Political Processes at the "Reform Stage"]. – Moscow: Institute for Middle Eastern Studies, 2007. – 359 p.] [in Russian].

Al-Rasheed, Madawi. *A History of Saudi Arabia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511993510>.

Fitzpatrick, Mark. "Sanctioning Pandemic-Plagued Iran." *Survival* 62, no. 3 (May 3, 2020): 93–102. doi:10.1080/00396338.2020.1763614.

Gronvall, Gigi Kwik. "The Scientific Response to COVID-19 and Lessons for Security." *Survival* 62, no. 3 (May 3, 2020): 77–92. doi:10.1080/00396338.2020.1763613.

Haykel, Bernard, Thomas Hegghammer, and Stéphane Lacroix, eds. *Saudi Arabia in Transition*. New York: Cambridge University Press, 2015. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139047586>.

Heisbourg, François. "From Wuhan to the World: How the Pandemic Will Reshape Geopolitics." *Survival* 62, no. 3 (May 3, 2020): 7–24. doi:10.1080/00396338.2020.1763608.

Memish, ZA, SJN McNabb, F Mahoney, F Alrabiah, N Marano, QA Ahmed, J Mahjour, et al. "Establishment of Public Health Security in Saudi Arabia for the 2009 Hajj in Response to Pandemic Influenza A H1N1." *The Lancet* 374, no. 9703 (November 2009): 1786–91. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(09\)61927-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(09)61927-9).

Nabil, Mouline. *Les clercs de l'islam: Autorité religieuse et pouvoir politique en Arabie Saoudite, XVIIIe-XXIe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France, 2015.

الشمرى فهد بن عبدالله (الناشر). المملكة العربية السعودية في مائة عام • الامن والصحة [Al-Shamri, Fahad bin Abdalla (a), ed. *One hundred years to the Kingdom of Saudi Arabia. Security and Health*. Riyadh, 2007] [in Arabic].

الشمرى فهد بن عبدالله (الناشر). المملكة العربية السعودية في مائة عام • التطور العلمي، التطور الاجتماعي، الثقافة والإعلام [Al-Shamri, Fahad bin Abdalla (b), ed. *One hundred years to the Kingdom of Saudi Arabia. Science development, social development, culture and information*. Riyadh, 2007] [in Arabic].

Сведения об авторе

Косач Григорий Григорьевич,

доктор исторических наук, профессор,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

профессор Факультета мировой политики,

Москва, Россия,

e-mail: g.kosach@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 апреля 2020. Принята к публикации: 23 апреля 2020.

Цитирование

Косач, Г.Г. Эпидемии и реформы: опыт Саудовской Аравии // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (1). – С. 85-96.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-85-96>

Epidemics and Reforms: Experience of Saudi Arabia

ABSTRACT

Saudi Arabia is one of the key countries in the Middle East and the Arab-Muslim world. The processes developing in this country, determined by both internal and external factors, are directly related to the development of the surrounding geopolitical space. In this regard, there arises the need to study the essence of such processes, their circumstances as well as the driving forces behind them. One of these factors is the epidemic of such diseases as A/ H1N1, MERS, and the coronavirus COVID-19. The author views this factor as an accelerator of socio-political transformations taking place in Saudi Arabia after 2009. These transformations were based on the experience of previous years already accumulated by the Saudi authorities. They took the form of implementing "national projects" aimed at restructuring the national education and health system. The results of the implementation of these projects were manifested in the country's ever-wider opening to the outside world, consistent reduction of the influential religious establishment, and increasing role of the new "educated class," which has been turned into a supporting pillar to the authorities. The government took on new forms of legitimation and won in the struggle for the minds of people, pushing the ulema away from influencing their political decision. The post-traditional Saudi society, as it was in the early 2000s, acquired features of modernity under the influence of the "educated class," while Saudi Arabia itself began to be considered as an integral and a full-fledged element of the international community.

KEYWORDS

Saudi Arabia, World Health Organization, epidemic diseases, coronaviruses, A/H1N1, MERS, COVID-19

Author

Grigory G. Kosach,

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Professor of the Faculty of world politics,
Moscow, Russia,
e-mail: g.kosach@mail.ru

Additional information

Received: April 1, 2020. Accepted: April 23, 2020.

To cite the article

Kosach, Grigory G. "Epidemics and Reforms: Experience of Saudi Arabia."
Journal of International Analytics 11, no. 1 (2020): 85–96.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-85-96>

Южный Кавказ: глокализация пандемии

Искандарян Александр Максович Микаелян Грант Георгиевич

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-97-113>

АННОТАЦИЯ

Пандемия коронавируса стала проверкой на способность государств реагировать на внешние вызовы. Цель статьи состоит в том, чтобы оценить, как в разных странах Южного Кавказа вводятся и соблюдаются карантинные меры – от рекомендаций до введения режима чрезвычайного положения – а также к каким последствиям эти меры приводят для легитимности власти, устройства элит и качества государственного управления. С точки зрения анализа, Южный Кавказ является «удобным» регионом: разные меры по борьбе с пандемией в его странах приводят к различным результатам. В целом идеология борьбы с коронавирусом в них основывается на изоляционизме и алармизме. Изоляционизм стран Южного Кавказа является частью глобальной тенденции и в некоторых случаях результатом нормативного влияния Запада. Алармизм также выступает необходимым фактором в борьбе с вирусом: именно паника стала основой для редкой в транзитных странах консолидации общества вокруг власти и массового одобрения вводимых государствами строгих ограничений. В отличие от предыдущих кризисов XXI века, пандемия создает запрос на компетентность власти и готовность реализовывать политические решения в ущерб комфорту и экономическим интересам граждан. Особенность Южного Кавказа в том, что вызванный пандемией такой запрос последовал за стремлением граждан добиться от правительств честности и борьбы с коррупцией, что было основным драйвером революций в Армении и Грузии. В условиях распространения болезни требование эффективной работы государственных институтов выступило на первое место. Если сравнительный успех Грузии в борьбе с пандемией сохранится, это станет еще одним свидетельством для остальных стран региона о том, насколько важно для государства быть «институционально состоятельным».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Южный Кавказ, коронавирус, институциональная состоятельность, изоляционизм, алармизм, кризис

Правительства государств Южного Кавказа ввели сходные с остальными странами меры при столкновении с пандемией, но результаты оказались разные. Можно сказать, что ранее неизвестная миру глобальная угроза становится проверкой на способность по-разному устроенных государств – от Великобритании до Китая – адекватно реагировать на внешние вызовы. Логично предположить, что разные способы введения карантинных и санитарных мер – от рекомендательных до объявления чрезвычайного положения – а также их соблюдение гражданами отражают особенности национальных политических культур. Речь может идти о проблематике легитимности власти, о представлении граждан о распределении ответственности в обществе, об устройстве элит, о том, как работают государственные аппараты, о качестве функционирования политических институтов: от системы здравоохранения до правоохранительных органов.

Влияние пандемий на изменение социальной, политической и экономической ситуации в государстве достаточно хорошо изучено. К неочевидным выводам приходят историки-социологи, изучая последствия эпидемий чумы в средневековой Европе. Так, по оценкам историков, чума способствовала изменениям социальной структуры, в долгосрочной перспективе приведшим к деградации феодальных отношений и становлению капитализма. Резкое уменьшение населения вызвало рост социальной мобильности; являвшиеся практически наследственными ремесленно-цеховые структуры стали принимать в свои ряды «чужаков» из других сословий. Выросшая стоимость рабочей силы привела к попыткам механизации производства. На фоне роста инфляции власти пытались вводить фискальные меры против высоких доходов низших классов. По всей Европе прокатились бунты, начала расти роль третьего сословия – будущей буржуазии¹. На востоке Европы чума стала одной из причин ослабления Золотой Орды².

Политические последствия пандемии коронавируса и связь ее протекания со стабильностью политических систем сегодня слабо изучена. Пока можно с уверенностью говорить об усилении некоторых из имеющихся тенденций³. Можно также выдвигать гипотезы о том, почему принимаемые в разных странах похожие меры приводят к различным результатам как минимум в социальной и политической сфере.

Южный Кавказ представляет собой удобную модель для подобных выводов. *Во-первых*, здесь можно ожидать сходный с другими регионами и сравнительно высокий риск распространения вируса: компактный по размерам и населению южнокавказский регион соседствует с одним из заметных очагов инфекции – Ираном. *Во-вторых*, все три государства Южного Кавказа – это небогатые постсоветские транзитные страны, одинаковые по многим параметрам, влияющих на ситуацию вокруг пандемии: средняя продолжительность жизни и возрастная структура населения, качество здравоохранения и санитарно-эпидемиологическая обстановка, уровень модернизации стран и качества образования. *В-третьих*, эти государства при всех сходствах заметно различаются по ряду политических и экономических

1 См. подробнее: Herlihy 1997; Nohl 2006.

2 См. подробнее: Schamiloglu 2017.

3 Крастев, И. Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa/> (дата обращения: 28.04.2020).

параметров: по степени легитимности и устройству политических режимов, стилю управления, типу экономик, связям с внешним миром.

Пока рано давать какие-либо предсказания о последствиях пандемии для этих стран. Можно, однако, предположить, что пандемия коронавируса станет проверкой молодых и хрупких государств Южного Кавказа на состоятельность и гибкость перед лицом новых вызовов. Ввиду идущего в этих странах процесса государственного строительства (*nation-building*), далеко не завершенного после распада СССР, пандемия может стать важным фактором как минимум процесса формирования политической культуры стран, а также институтов государственного управления.

Отношения общества и власти в свете эпидемии

В целом идеология борьбы с коронавирусом основывается на изоляционизме и алармизме. Вопреки расхожим представлениям на Южном Кавказе паника не только не мешает борьбе с вирусом, но, напротив, является ее необходимым условием. Паника стала основой для консолидации общества вокруг власти и национального согласия с вводимыми строгими предписаниями и запретами. Инструментом их выполнения может быть лишь добровольное согласие граждан, что редко для стран региона, поскольку ни один из южнокавказских режимов не имеет такой машины массового принуждения, какая потребовалась бы для введения карантина при противодействии общества. Подчеркнем, что страх заставил миллионы людей кардинально изменить образ жизни¹.

На момент написания статьи в обществах Азербайджана, Армении и Грузии наблюдается консенсус: люди согласны идти на ущемления своих свобод ради безопасности. Без такого консенсуса ни у одного из этих сравнительно бедных и слабых государств не хватило бы ресурсов на борьбу с пандемией. Однако именно в силу бедности государств этот консенсус хрупок и может ослабевать по мере того, как замораживание работы национальных экономик и различных институтов будет приводить к нарастанию экономических и социальных проблем.

Ввиду ограниченности ресурсов перед государствами Южного Кавказа намного острее и раньше, чем перед богатыми развитыми странами, встал вопрос выбора: продолжать ли сдерживать пандемию ценой падения экономической активности, а потенциально и полного коллапса в целом ряде секторов или допустить большие человеческие жертвы от эпидемии ради выживания бизнеса и экономики. Можно утверждать, что затяжной экономический кризис представляет для граждан большую угрозу, нежели дальнейший рост числа заразившихся. Государства должны будут делать этический, а не политический выбор: решать, какие ограничения снимать, какие усиливать, на что направлять имеющиеся ресурсы.

Немалую роль при принятии таких решений сыграет реакция граждан на деятельность властей. Как будет меняться общественный консенсус и доверие к власти, как государства будут на это реагировать, как изменившаяся политиче-

1 См. подробнее: Крастев, И. Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса.

ская повестка скажется на настроениях в обществе – все эти факторы повлияют не только на человеческие и финансово-экономические потери от пандемии, но и на политическое развитие молодых транзитных стран на годы вперед.

В краткосрочной перспективе многое зависит от того, как пандемия будет развиваться во всем мире, а не только в регионе Южного Кавказа – произойдет ли быстрый спад, волнообразное угасание или у развития ситуации будет иной исход. Также для региона окажется важным не только, когда будут найдены эффективные способы лечения и созданы вакцины, но и появится ли ясность относительно конкретных факторов, влияющих на распространение коронавируса и смертность: эффективны ли тесты, действенны ли карантинные меры, имеет ли смысл изолировать не только больных, но и здоровых.

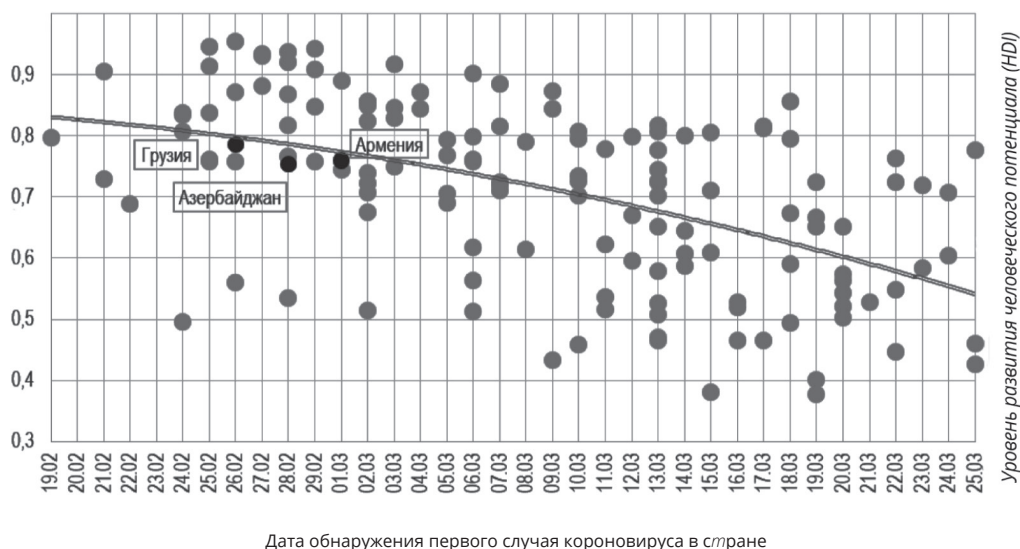
Факторы, влияющие на распространение коронавируса на Южном Кавказе

Распространение коронавируса неизбежно накладывается на миграционную, транспортную, туристическую и, как следствие, экономическую карту мира. Характерно, что на Дальний Восток России коронавирус прибыл посредством людей, прибывших из Москвы, до того побывавших в Китае¹.

Дата обнаружения первого случая в государствах коррелирует с уровнем развития страны, в частности, с уровнем развития человеческого потенциала. Эта взаимосвязь представлена на графике ниже.

График 1.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДАТЫ ПЕРВОГО ОБНАРУЖЕННОГО СЛУЧАЯ КОРОНАВИРУСА И ИНДЕКСА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Источники: "Situation Update Worldwide," European Centre for Disease Prevention and Control, accessed April 28, 2020, <https://www.ecdc.europa.eu/en/geographical-distribution-2019-ncov-cases>; "Human Development Report 2019," UNDP, accessed April 28, 2020, <http://report.hdr.undp.org>; "Covid-19 Coronavirus Pandemic," Worldometers.info, ac-

1 Зуенко, И. Что пандемия коронавируса говорит нам о евразийской центральности? [Электронный ресурс]. URL: <https://саа-network.org/archives/19433> (дата обращения: 26.04.2020).

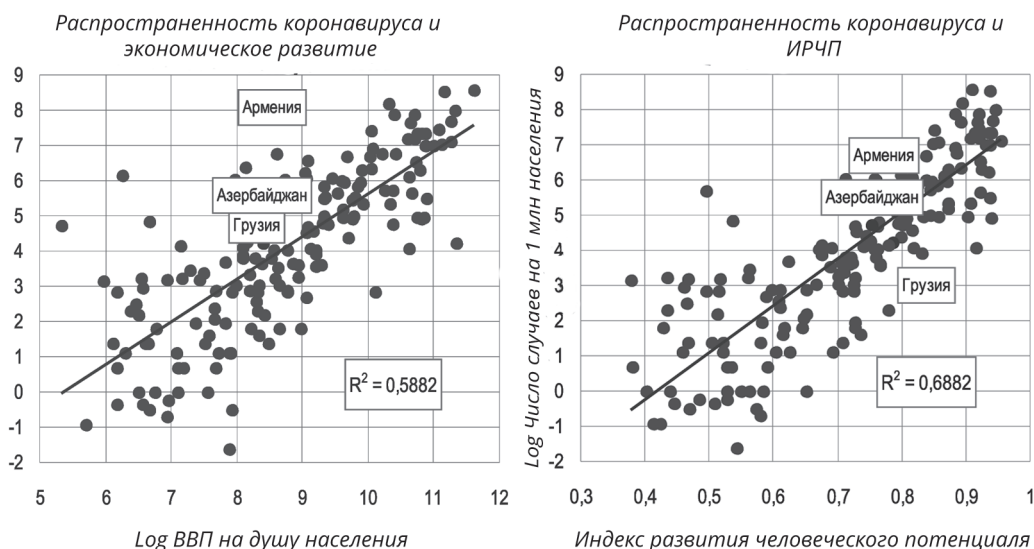
cessed April 28, 2020, <https://www.worldometers.info/coronavirus/>; "Statistical Reference," Georgian Center for Disease Control and Public Health, accessed May 2, 2020, <https://www.ncdc.ge/Pages/User/Documents.aspx?ID=f10b3ffb-da47-4488-94df-2f03764cf365>; "Epidemic Situation," Armenian National Centre for Disease Control, accessed May 2, 2020, <https://ncdc.am/activity/newsletters/epidemic-situation/>; "Current Situation in Azerbaijan," Korona Virus Info, accessed May 2, 2020, <https://koronavirusinfo.az/az/page/statistika/azerbaycanda-cari-veziyyet>; расчеты авторов.

Комментарий: График является результатом оригинального исследования с использованием источников, указанных выше. Представлены случаи в период с 19 февраля (обнаружение коронавируса в Иране) по 25 марта. ИЧРП – Индекс развития человеческого потенциала – представлен по состоянию на 2018, согласно докладу ООН за 2019. Линия тренда – полиномиальная, 2 степени, $n=166$, на графике – 140.

Уровень развития страны коррелирует не только со временем появления первого заболевшего, но и со степенью распространения пандемии. То есть, в более развитые страны вирус проник раньше и распространяется в них быстрее, так как в них выше мобильность населения.

График 2.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ (ПОДУШНЫЙ ВВП И ИЧРП) И СТЕПЕНИ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ КОРОНАВИРУСА

Источники: "Situation Update Worldwide," European Centre for Disease Prevention and Control, accessed April 28, 2020, <https://www.ecdc.europa.eu/en/geographical-distribution-2019-ncov-cases>; "Human Development Report 2019," UNDP, accessed April 28, 2020, <http://report.hdr.undp.org>; "Covid-19 Coronavirus Pandemic," Worldometers.info, accessed April 28, 2020, <https://www.worldometers.info/coronavirus/>; "World Economic Outlook Database, October 2019," IMF World Economic and Financial Surveys, accessed April 28, 2020, <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx>; "Statistical Reference," Georgian Center for Disease Control and Public Health, accessed May 2, 2020, <https://www.ncdc.ge/Pages/User/Documents.aspx?ID=f10b3ffb-da47-4488-94df-2f03764cf365>; "Epidemic Situation," Armenian National Centre for Disease Control, accessed May 2, 2020, <https://ncdc.am/activity/newsletters/epidemic-situation/>; "Current Situation in Azerbaijan," Korona Virus Info, accessed May 2, 2020, <https://koronavirusinfo.az/az/page/statistika/azerbaycanda-cari-veziyyet>; расчеты авторов.

Комментарий: Графики являются результатом оригинального исследования с использованием источников, указанных выше. Данные приведены по состоянию на 13 апреля 2020 – Уровень распространенности = количество случаев на 1 миллион населения, согласно данным Worldometers.info. Данные по ВВП на душу населения приведены на 2019 г., согласно данным МВФ. Количество стран в выборке слева составляет 169, справа – 178.

На Южном Кавказе осознание необходимости реагирования на государственном уровне появилось раньше, чем во многих других регионах. В феврале в Иране резко возросло количество случаев инфицирования, сопровождавшиеся первыми летальными исходами. Уже к концу февраля все три страны Южного Кавказа закрыли границы с Ираном, и примерно тогда же во всех трех государствах появились инфицированные, прибывшие из Ирана. После этого приток заболевших происходил в основном из Италии. На это быстрее всех отреагировала Грузия, закрывшая прямое сообщение с Италией 6 марта.

В самом начале распространения вируса национальным системам здравоохранения удавалось отследить все цепочки заболевания: они были связаны с прибывшими из-за рубежа. Со второй половины марта число случаев начало нарастать, и связаны они были со вторичной передачей внутри стран. В дальнейшем страны начали предпринимать сдерживающие меры. В этом лидировала Грузия, где с начала марта были закрыты образовательные учреждения, непродовольственная торговля. Чуть позже подобные меры начал внедрять и Азербайджан, и только Армения не вводила никаких ограничений внутри страны вплоть до объявления режима чрезвычайного положения 16 марта. И хотя режим чрезвычайного положения в Армении в итоге было введен раньше, чем у соседей (в Грузии 21 марта, в Азербайджане – 24), за две недели бездействия в марте коронавирус успел распространиться в Армении значительно шире.

Таблица 1.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КОРОНАВИРУСА В СТРАНАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА

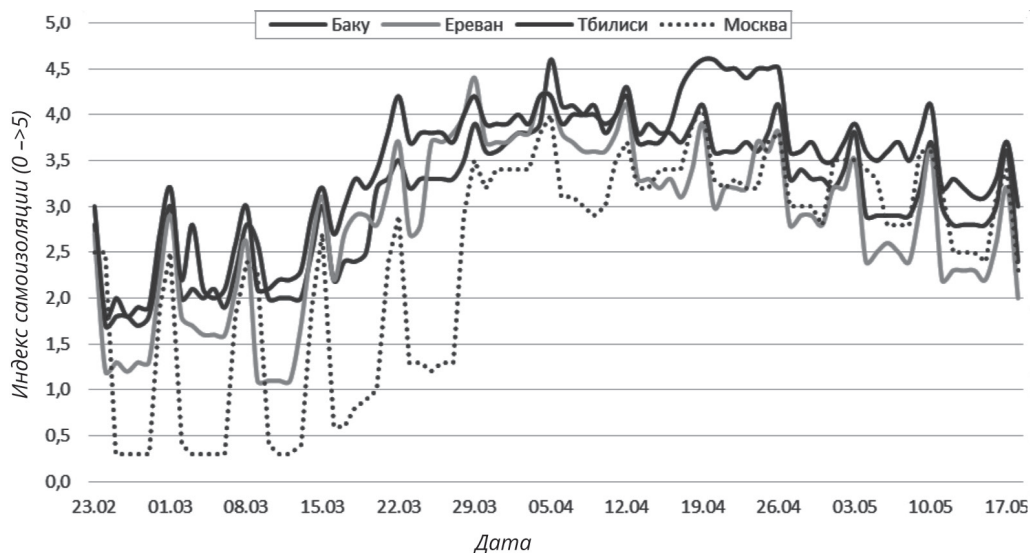
Показатель	На начало месяца				Относительные показатели на 1 июня
	Март	Апрель	Май	Июнь	
Число официально зарегистрированных случаев					Доля от всего
Азербайджан	3*	400	1,894	5,935	35.4%
Грузия	3	134	582	796	4.8%
Армения	1**	663	2,273	10,009	59.8%
Южный Кавказ	7	1,197	4,749	16,740	100%
Число зарегистрированных случаев на 10 тысяч населения					% к среднему
Азербайджан ^b	0.0	0.6	3.0	9.4	73%
Грузия ^c	0.0	0.3	1.5	2.0	16%
Армения ^d	0.0	2.4	8.1	35.7	277%
Южный Кавказ ^e	0.0	0.9	3.7	12.9	100%
Число зарегистрированных умерших					Доля от всего
Азербайджан	0	5	25	71	24%
Грузия	0	0	8	13	4%
Армения ^a	0	4	36	214	72%
Южный Кавказ	0	9	69	298	100%

Источник: “Situation Update Worldwide,” European Centre for Disease Prevention and Control, accessed April 28, 2020, <https://www.ecdc.europa.eu/en/geographical-distribution-2019-ncov-cases>; расчеты авторов.

Комментарий: *Жирным цветом выделяется самый большой среди стран показатель распространения вируса, **курсивом выделяется самый низкий показатель распространения в регионе. а В пересчете на количество населения, согласно демографическим расчетам автора, b Азербайджан – 6.2 млн человек, c Грузия – 3.9 млн человек, d Армения – 2.8 млн человек, e Весь регион Южного Кавказа – 12.9 млн человек.

Эффект от введения карантинных мер можно оценить с помощью Индекса самоизоляции Яндекса.

График 3.

ИНДЕКС САМОИЗОЛЯЦИИ БАКУ, ЕРЕВАНА И ТБИЛИСИ
С 23 ФЕВРАЛЯ ПО 18 МАЯ 2020 г.

Источник: Индекс самоизоляции // Яндекс-карты. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/web-maps/covid19/isolation> (дата обращения: 7.06.2020).

Комментарий: График составлен авторами на основе информации из источника. Чем выше индекс, тем выше степень самоизоляции, то есть больше людей остается дома и не покидает свои дома.

Учитывая, что пики графика приходятся на выходные дни, а провалы отражают ситуацию в течение рабочей недели, видно, как Ереван заметно отставал от Баку и Тбилиси вплоть до введения в Армении режима чрезвычайного положения 16 марта, особенно в предшествующую введению режима неделю, что могло стать причиной стремительного распространения вируса.

Напротив, в Грузии количество случаев заражения значительно меньше, чем у соседей, хотя эта страна теснее связана с ЕС и имеет большую индустрию туризма¹, и именно в Грузии был зарегистрирован первый случай распространения инфекции на Южном Кавказе, привезенной из Ирана. Когда же начался приток зараженных из Италии, Грузия была в группе наибольшего риска: 9 из 10 выходцев из стран Южного Кавказа, находившихся в Италии, являлись гражданами Грузии².

1 Согласно Всемирной организации туризма, в 2018 г. приток туристов в Грузию превышал аналогичный в Азербайджан и Армению вместе взятых. Число туристов в Армении составило 1.65 млн, в Азербайджане 2.63 млн, в Грузии – 4.76 млн человек. "UNWTO Tourism Highlights 2018 Edition," World Tourism Organization, accessed April 28, 2020, https://tourlib.net/wto/WTO_highlights_2018.pdf.

2 Согласно базе данных Национального института статистики Италии. См. подробнее: "I.Stat," accessed April 27, 2020, <http://dati.istat.it/>.

Таблица 2.

**ИНТЕНСИВНОСТЬ КОНТАКТОВ ЮЖНОГО КАВКАЗА ЗА ГОД СО СТРАНАМИ
НАИБОЛЬШЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСА К НАЧАЛУ МАРТА 2020 г.**

	Азербайджан ^а	Грузия ^б	Армения ^с
Посещение гражданами Ирана	241,124	141,997	150,000
Дата закрытия границы с Ираном	29 февраля	23 февраля	24 февраля
Посещение гражданами Италии	11,035	21,424	13,000
Посещение гражданами Китая	15,730	48,071	15,500
Число граждан стран Южного Кавказа в Италии	486	15,778	1,241

Источники: Азербайджан: "Tourizm Section," The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan, accessed April 27, 2020, <https://www.stat.gov.az/source/tourism/?lang=en>. Грузия: "International Travel (Residence) 2019," Georgian National Tourism Administration, accessed April 27, 2020, <https://gnta.ge/statistics/>. Армения: Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-декабре 2019 г. С. 247. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2236> (дата обращения: 27.04.2020).

Комментарий: а Данные за 2018 г., б Данные по туризму за 2019 г., с Оценка основана на количестве идентифицированных лиц, пересекавших границу и по числу пересечений границ. Итоговое количество будет опубликовано в декабре 2020 года и может незначительно отличаться.

Несмотря на то что во второй половине марта Армения вышла в лидеры Южного Кавказа по распространению вируса, к началу апреля скорость прироста в Армении снизилась, предположительно, благодаря карантинным мерам. За неделю, с 7 по 13 апреля, суточный прирост составил 3.6% (к числу активных больных на 6 апреля). Из этого следует, что удвоение числа случаев займет почти 20 дней. В Азербайджане и Грузии скорость распространения более стабильна, а удвоение займет от недели до двух.

Таблица 3.

**ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СКОРОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСА
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ ПО ОБНОВЛЕННЫМ ДАННЫМ ОТ 7 ИЮНЯ**

Страна	Число случаев на дату		Скорость прироста (суточная)	Скорость прироста (активных)*	Число дней до удвоения*	Число тестов на 1 позитивного
	6 июня	6 мая				
Азербайджан	7,553	2,204	4.2%	5.7%	12.5	...
Грузия	809	615	0.9%	-3.3%	-20.8	76
Армения	13,130	2,884	5.2%	5.9%	12.1	5.3

Источники: "Covid-19 Coronavirus Pandemic," Worldometers.info, accessed April 28, 2020, <https://www.worldometers.info/coronavirus/>; расчеты авторов.

Комментарий: * Предполагаемое число дней, за которое удвоится число случаев, если продлится скорость прироста числа случаев (прирост рассчитывался на основе отношения новых случаев к числу активных случаев на 6 мая), фиксировавшаяся за предшествующую неделю.

Азербайджан

В Азербайджане, как и на всем Южном Кавказе, эпидемиологическая ситуация на момент написания статьи сравнительно благополучная. Первый случай заражения был зафиксирован 28 февраля у гражданина России, вернувшегося из Ирана, затем, 29 февраля, были обнаружены случаи заражения у граждан Азер-

байджана. В тот же день страна закрыла сухопутную границу с Ираном. 12 марта в Азербайджане зафиксирована первая смерть от коронавируса: скончалась женщина, незадолго до того вернувшаяся из Ирана. Затем появились зараженные, приехавшие из Италии. 14 марта Грузия закрыла сухопутную границу с Азербайджаном, 15 марта Азербайджан закрыл границы с Турцией. Постепенно вводились карантинные меры внутри страны: были прекращены массовые богослужения, закрыты театры, музеи и прочие объекты культуры. Официальный карантин введен 24 марта.

Специфика Азербайджана выразилась, *во-первых*, в потоке сообщений о победах власти в борьбе с вирусом, в частности о выделяемых огромных материальных средствах, *во-вторых*, в озвученных президентом обвинениях в адрес «пятой колонны» и «предателей, получающих деньги из-за рубежа», то есть тех, кто не одобряет действующий режим¹. Такая риторика обычна для Азербайджана и напрямую не связана с пандемией. Нынешняя ситуация используется властью для укрепления своих позиций в обществе и пресечения инакомыслия.

Кроме того, вспышка коронавируса по времени совпала с резким падением мировых цен на нефть. Учитывая значительную роль, которую в структуре экономики Азербайджана занимает экспорт нефти, снижение нефтяных доходов становится для страны серьезным вызовом. Впрочем, имеющиеся у Азербайджана накопления пока позволяют ему избежать экономического спада, а специфика его информационного поля дает власти возможность нивелировать реакцию общества на случай, если зафиксировается падение уровня жизни. Таким образом, если не произойдет новых резких изменений, едва ли стоит ожидать серьезного влияния пандемии на политическую систему Азербайджана. Карантинными мерами полностью сдержать эпидемию не удастся, и в силу вышеуказанных причин, ситуация может оставаться неопределенной достаточно долго.

Армения

В Армении заболеваемость коронавирусом на миллион населения самая высокая из трех южнокавказских стран, почти в пять раз выше, чем в самой успешной в этом отношении страны региона, Грузии. Тем не менее медицинские службы Армении не перегружены и в состоянии оперативно оказывать помощь заболевшим, несмотря на ограниченные ресурсы в целом и малое количество аппаратов ИВЛ (искусственной вентиляции легких) – в частности.

Сравнительно неострой ситуации, возможно, способствовала изолированность страны: у Армении закрыты сухопутные границы с двумя из четырех соседей, Турцией и Азербайджаном. Граница с Ираном была перекрыта 24 февраля, воздушное сообщение ограничено тогда же, а 2 марта руководство Армении временно установило визовый режим с Ираном. Туристический сезон, в который Армению обычно посещает большое количество туристов из Европы и России, к моменту начала пандемии еще не начался. С 16 марта в Армении был объявлен режим чрезвычайного положения, отменены почти все авиарейсы, а с 25 марта –

1 Ильхам Алиев обвинил «пятую колонну» в том, что она «хочет уничтожить Азербайджан», используя коронавирус. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/azerbaijan-coronavirus-opposition-isolation/30497605.html> (дата обращения: 27.04.2020).

введены жесткие ограничения на скопления и передвижения граждан, закрыты многие предприятия, кроме стратегически важных, ограничены передвижения автотранспорта между областями; фактически Армения перешла в режим обязательной самоизоляции людей в домах, и в целом он соблюдается как минимум в городах. Грузы перемещаются, но передвижение людей запрещено, исключение делается только для возвращающихся на родину граждан Армении, членов их семей и лиц, имеющих вид на жительство в стране.

Причина большего распространения болезни по сравнению с соседями может заключаться в том, что карантинные меры в Армении были приняты не сразу. 1 марта в Армении появился первый подтвержденный случай заражения – это был гражданин Армении, вернувшийся из Ирана, затем появились зараженные, прилетевшие из Италии, однако до середины марта никаких серьезных мер по предотвращению эпидемии в Армении не принималось. Представители власти выступали с утешительными сообщениями, что оснований для паники нет и ситуация находится под контролем¹. Еще за несколько дней до введения режима чрезвычайного положения чиновники говорили об отсутствии необходимости прекращать полеты из европейских стран, включая Италию².

Причины, по которым откладывались карантинные меры в Армении, коренятся в политических обстоятельствах. На 5 апреля 2020 г. в Армении был назначен инициированный властью референдум по изменению конституции³. Придавая большое значение мероприятию, власти Армении откладывали введение карантинных мер вплоть до его проведения и даже продолжали агитационную кампанию. Еще 11 марта, то есть за пять дней до объявления режима чрезвычайного положения, премьер-министр Н. Пашинян ездил по стране, агитируя граждан выйти на референдум в начале апреля⁴. При сохраняющейся высокой степени легитимности власть могла себе позволить такого рода политику в надежде на то, что проблема обойдет Армению стороной и можно будет ограничиться закрытием границ с Ираном и транспортного сообщения с Китаем. В результате меры по борьбе с пандемией запоздали. Премьер-министр позже в одном из обращений признал ошибку своего правительства⁵.

3 июня 2020 г. Национальное собрание Армении одобрило поправки в Закон о референдуме, которые дали возможность отменить голосование по поводу из-

- 1 «...Министр здравоохранения Арсен Торосян вновь призвал граждан не распространять слухи, будто граждане Ирана могут вызвать вспышку инфекции в Армении». См. подробнее: «Не надо бояться иранских культуристов и бежать за масками», – Арсен Торосян. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/society/20200227/22198220/Nepado-boyatsya-iranskikh-kulturnistov-i-bezhat-za-maskami-poyasneniya-Torosyana.html> (дата обращения: 28.04.2020).
- 2 «Предвосхищая критику в адрес правительства Армении за то, что на рейсы из Италии не был наложен полный запрет, Пашинян заявил, что власти обсуждали подобную возможность и пришли к заключению, что потенциальные зараженные могут приехать и из соседних с Италией стран – Франции, Австрии, поскольку ограничений внутри Евросоюза нет». См. подробнее: В Армении зафиксированы три новых случая инфицирования коронавирусом. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/society/20200311/22357147/V-Armenii-zafiksirovany-tri-novykh-sluchaya-infitsirovaniya-koronavirusom.html> (дата обращения: 28.04.2020).
- 3 В итоге референдума должно было произойти назначение нового состава Конституционного суда – это стало бы заключительным этапом начавшейся весной 2018 г. Бархатной революции. Постреволюционная смена элит уже охватила верхний эшелон исполнительной, законодательной и местной власти. Конституционный суд остается последним бастионом старых элит, и его смена видится новому руководству Армении как завершение собственного прихода к власти.
- 4 11 марта Пашинян с группой представителей фронта «Да» посетили города и села провинции Сюник, где они встречались с жителями, агитируя голосовать на референдуме в поддержку их инициативы. См., например: Пашинян сделал в Горисе примечательные заявления. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/30481815.html> (дата обращения: 28.04.2020).
- 5 Пашинян: «Иногда думаю, что мы сделали ошибку, не закрыв рейсы в Италию раньше». [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/rus/news/570890.html> (дата обращения: 28.04.2020).

менений в Конституцию и передать парламенту право вносить корректировки в Основной закон. Тема референдума непонятна простому избирателю, сагитировать проголосовать достаточное количество людей непросто, а популярность новых властей убывает по мере течения времени после революции. В результате неэффективной организации карантина и прочих мер по противодействию эпидемии¹, в мае ситуация ухудшилась, что размывает легитимность власти, особенно в условиях глубокого экономического спада.

Грузия

Грузия отличается от соседних стран сравнительно меньшим числом случаев, скоростью распространения и, как следствие, числом умерших. Грузинское правительство с самого начала серьезно восприняло риски, связанные с распространением эпидемии. Эффективность действия Грузии не осталась без внимания со стороны международной прессы².

26 января, еще до того, как стало известно о сколько-нибудь заметном распространении вируса за пределами Китая, грузинские власти ввели меры по контролю пассажиров на контрольно-пропускных пунктах. Довольно быстро было отменено прямое транспортное сообщение со странами, представляющими потенциальную, с точки зрения распространения эпидемии, угрозу: 28 января с Китаем, 23 февраля – с Ираном, а 6 марта – с Италией. Возможно, именно оперативное закрытие сообщения с Италией, ставшей эпицентром пандемии в марте, было главной причиной минимального распространения коронавируса в Грузии.

Для Грузии закрытие границ более болезненно, чем для Азербайджана и Армении: национальная экономика страны в наибольшей степени на всем постсоциалистическом пространстве зависит от туризма. В рамках компромисса между сохранением экономической активности и здоровьем граждан, неизбежного при введении карантинных мер³, Грузия однозначно встала на сторону последнего. 14 марта Грузия закрыла границы с Арменией и Азербайджаном, с 18 марта были закрыты границы для всех иностранцев, 20 марта Грузия закрыла воздушное пространство. Поначалу введенные на ограниченный срок (обычно от недели до двух) эти меры продлевались, и на середину апреля они не отменены.

В самом начале марта были закрыты образовательные учреждения, а также многие коммерческие объекты. 21 марта введено чрезвычайное положение, но в отличие от некоторых других стран, в том числе соседей, оно не предусматривало ограничений для свободы прессы. 30 марта был введен комендантский час и высокие штрафы за нарушение карантина – около 1 тыс. долларов за первое нарушение и вплоть до тюремного срока при повторных. Кроме того, в местах, где стало известно о неконтролируемом распространении вируса (и потенциальном росте числа зараженных), вводится строгий локальный карантин с изоляцией от остальных регионов Грузии (Лентехский, Марнеульский и Болнисский

1 Упущения Армении в борьбе с COVID-19. Политические и институциональные причины // Кавказский узел. 30 мая 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/43476> (дата обращения: 30.05.2020).

2 "COLCHIS: Why is Georgia succeeding with the coronavirus where many Western countries are failing?" Intellinews, March 22, 2020, accessed April 28, 2020, <https://www.intellinews.com/colchis-why-is-georgia-succeeding-with-the-coronavirus-where-many-western-countries-are-failing-179039/>.

3 Baldwin, di Mauro 2020, 9.

муниципалитеты). Карантинные меры оказались столь строгими, что власти столкнулись с критикой не бездействия, а избыточной жесткости.

Были ли принятые Грузией меры избыточны, покажут дальнейшие события. Отметим, что как меры, так и их результаты оказались нестандартными на фоне других стран Южного Кавказа. Грузия, действительно, в результате последовательно введенных жестких мер добилась подавления эпидемии на своей территории, благодаря чему раньше начала открывать границы для туристов и укрепила свой имидж¹.

Причин тому несколько. *Во-первых*, наличие все более непримиримой оппозиции не оставляло центристскому правительству Грузии права на совершение новых ошибок. Поэтому власти с самого начала продемонстрировали максимальную ответственность. *Во-вторых*, ситуация с коронавирусом предоставляла власти редкую возможность за несколько месяцев до выборов повысить имидж в глазах избирателей, и власть этой возможностью воспользовалась. *Третьим* и главным обстоятельством стала состоятельность институтов государственного управления, достигнутая в Грузии за последние пятнадцать лет, позволившая ей быстро реагировать на угрозу, консолидируя ресурсы и учитывая мнения представителей научных и экспертных кругов.

Влияние коронавируса на экономику стран Южного Кавказа

Дискуссии о влиянии коронавируса на экономику продлятся еще долго. Опыт пандемии «испанского гриппа», продлившейся с 1918 по 1920 г., свидетельствует о том, что спад экономической активности в результате пандемии больше влияет на благосостояние стран, чем ограничительные карантинные меры². Более того, своевременно введенные и последовательно исполняемые меры социальной изоляции позволяют раньше погасить вспышку³ и перейти к восстановлению экономики. Впрочем, пока неясно, насколько можно этот опыт соотносить с текущей ситуацией, особенно ввиду разных возрастных показателей смертности от пандемий 1918 – 1920 гг. и 2020 г. и, соответственно, разного их влияния на рынок труда.

Политика государства становится компромиссом между стремлением сдержать распространение эпидемии и минимизировать экономические последствия: чем строже меры по сдерживанию эпидемии, тем глубже экономический кризис⁴. Страны Южного Кавказа сделали свой выбор в пользу сдерживания эпидемии ценой экономических потерь. Дальше всех в этом отношении пошла Грузия, и она же, по предварительным оценкам, потерпела самые большие убытки на раннем этапе. К 13 апреля грузинский лари потерял 12% от своей стоимости

1 Isabelle Khurshudyan, "On the Black Sea, Georgia rebrands as a holiday haven from the pandemic," Washington Post, May 30, 2020, accessed June 1, 2020, https://www.washingtonpost.com/world/europe/on-the-black-sea-georgia-rebrands-itself-as-a-holiday-haven-from-the-pandemic/2020/05/29/a41ffd0e-9f6d-11ea-be06-af5514ee0385_story.html.

2 Correia et al. 2020.

3 Ferguson et al. 2020.

4 Baldwin, di Mauro 2020.

на начало марта, армянский драм потерял 1.8%, а азербайджанский манат сохраняет фиксированный курс 1.7 AZN/USD¹.

Помимо мер социальной изоляции все три страны адаптировали под себя и образцы иных мер, принятых другими странами в сфере экономики, анонсируя масштабную помощь бизнесу и населению.

Таблица 4.

**ПАКЕТЫ ПОМОЩИ, АНОНСИРОВАННЫЕ СТРАНАМИ
ЮЖНОГО КАВКАЗА**

	Сумма, млн долл.	В % к ВВП (2019)	В % к бюджету (2019)
Азербайджан	588	1.2%	4%
Армения	300	2.2%	9%
Грузия	606	3.4%	15%

Источник: "Policy Responses to Covid-19. Policy Tracker," International Monetary Fund, accessed April 27, 2020, <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19>.

Что касается общей ситуации в экономике, то, хотя Всемирный банк в апреле 2020 г. и пересмотрел свой январский прогноз для развивающихся экономик Европы и Центральной Азии от роста в 2.6% к спаду в 2.8%², ни в одной из стран Южного Кавказа Всемирный банк не прогнозирует рецессии.

Таблица 5.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ ВСЕМИРНОГО БАНКА
ДЛЯ СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА**

	2017	2018	2019	2020	2021	2022
	факт	оценка		прогноз		
Прирост реального ВВП, в постоянных рыночных ценах (% к предыдущему году)						
Азербайджан	0.1	1.5	2.2	-0.2	2.2	2.4
Армения	7.6	5.2	7.6	1.7	4.5	4.7
Грузия	4.8	4.8	5.1	0.1	4.0	5.0
Текущий фискальный баланс (% от ВВП)						
Азербайджан	-1.3	5.9	8.9	-5.7	-3.2	-2.8
Армения	-4.8	-1.6	-0.8	-4.7	-2.7	-2.6
Грузия	-3.5	-2.6	-3.3	-5.2	-3.7	-3.2

Источник: "Fighting COVID-19. Europe and Central Asia Economic Update. Office of the Chief Economist, Spring 2020," World Bank Group, accessed April 27, 2020, <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33476/9781464815645.pdf?sequence=5&isAllowed=y>.

Впрочем, есть и менее оптимистичные прогнозы для стран Южного Кавказа. По расчетам Центробанка Армении, экономика страны будет расти с показателем в 0.7% ВВП³; Международный валютный фонд прогнозирует спад

1 "Currencies," Investing.com, accessed April 28, 2020, <https://www.investing.com/currencies/>.

2 "Fighting COVID-19. Europe and Central Asia Economic Update. Office of the Chief Economist, Spring 2020," World Bank Group, accessed April 27, 2020, <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33476/9781464815645.pdf?sequence=5&isAllowed=y>.

3 «Вирус «срежет» рост ВВП Армении в 2020-м до 0,7%, но с осени дела пойдут лучше», – ЦБ. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/economy/20200402/22609351/Virus-srezhet-rost-VVP-Armenii-v-2020-m-do-07-no-s-oseni-dela-poydut-luchshe---TsB.html> (дата обращения: 28.04.2020).

ВВП Армении на 1.5%¹. *Fitch Rating* прогнозирует спад азербайджанского ВВП на 4.8%², а, согласно исследованию инвестиционной дочерней компании Банка Грузии, взвешенный по вероятностям рост грузинской экономики за 2020 г. будет отрицательным и составит -3.5%³.

Мировое падение нефтяных цен станет особенно чувствительным для Азербайджана, порядка 90% экспортной выручки которого составляет продукция нефтегазового сектора. Согласно прогнозу Всемирного банка, после 8.9% профицита в бюджете в 2019 г., Азербайджан будет иметь 5.7% дефицит в 2020 г.⁴

Сильнее всех от карантина страдают туристическая и авиационная отрасли, остановленные почти полностью. Если глобальный коммерческий авиационный трафик снизился на 75%, то на Южном Кавказе в условиях почти полного запрета трансграничного движения наблюдается более острый спад: аэропорты Еревана и Тбилиси потеряли примерно 98.5% трафика (по числу полетов), а бакинский аэропорт – 94% в сравнении с периодом до начала международных карантин⁵.

При этом качественные экономические показатели также указывают на туризм как на одно из самых слабых мест для экономик региона.

Таблица 6.

УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИК СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА
К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ КРИЗИСУ, ВЫЗВАННОМУ ПАНДЕМИЕЙ

	Азербайджан	Армения	Грузия
Устойчивость к внутренним рискам			
Шоки розничной торговли	Высокая	Высокая	Высокая
Шоки на рынке труда	Низкая	Средняя	Низкая
Сила финансовой системы	Средняя	Высокая	Высокая
Устойчивость к внешним рискам			
Цены на сырьевые товары	Низкая	Средняя	Высокая
Глобальные цепочки стоимости	Высокая	Высокая	Высокая
Туризм	Средняя	Средняя	Низкая
Денежные переводы	Высокая	Средняя	Средняя

Источник: “Regional Economic Prospects in the EBRD Regions. Covid-19: From Shock to Recovery,” EBRD, accessed April 27, 2020, <https://www.wb6cif.eu/2020/04/08/regional-economic-prospects-april-2020-covid-19-from-shock-to-recovery/>.
Комментарий: «Высокая» означает высокую устойчивость к кризису, «низкая» отражает риски для экономики.

1 “IMF Reaches Staff-Level Agreement on Second Review for Armenia’s Stand-By Arrangement, Request for Augmentation,” International Monetary Fund, 9 April 2020, accessed April 28, 2020, <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/09/pr20140-armenia-imf-reaches-staff-level-agreement-second-review-sba-request-augmentation>.
2 “Fitch Revises Outlook on Azerbaijan to Negative; Affirms at ‘BB+,’” Fitch Ratings, 10 April 2020, accessed April 28, 2020, <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/fitch-revises-outlook-on-azerbaijan-to-negative-affirms-at-bb-10-04-2020>.
3 “Covid-19. Impact on Georgian Economy,” Galt&Taggart, 25 March 2020, accessed April 28, 2020, <https://galtandtaggart.com/upload/reports/10039.pdf>.
4 “Fighting COVID-19. Europe and Central Asia Economic Update. Office of the Chief Economist, Spring 2020,” World Bank Group, accessed April 27, 2020, <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33476/9781464815645.pdf?sequence=5&isAllowed=y>.
5 “Tbilisi International Airport”, Flight Radar 24, Statistics, accessed April 28, 2020, <https://www.flightradar24.com/data/airports/tbs/statistics>; “Yerevan Zvartnots International Airport”, Flight Radar 24, Statistics, accessed April 28, 2020, <https://www.flightradar24.com/data/airports/evn>; “Baku Heydar Aliyev International Airport”, Flight Radar 24, Statistics, accessed April 28, 2020, <https://www.flightradar24.com/data/airports/gyd>.

На всем постсоциалистическом пространстве у Грузии выше всего доля туризма и связанных с ним отраслей в ВВП¹; согласно платежному балансу, на въездной туризм приходится $\frac{1}{6}$ всей внешней торговли товарами и услугами. Спад в туристической сфере повлияет и на Армению и Азербайджан, но в меньшей степени.

Этот кризис может стать первым, когда на Южном Кавказе не будет столь острым влияние денежных переводов из-за рубежа, в первую очередь, из России. К 2020 г. сократился и чистый приток трансфертов в страны Южного Кавказа, и их доля в национальных показателях ВВП. Во время кризисов 2008 – 2009 гг. и 2014 – 2015 гг. сокращение объема трансфертов пагубно сказывалось на экономиках и приводило к девальвации местной валюты, чего вряд ли стоит ожидать в 2020 г. Однако зависимость не исчерпана, и снижение притока трансфертов все же отрицательно скажется на макроэкономической стабильности, спросе и темпах роста ВВП стран Южного Кавказа.

Заключение

Южный Кавказ демонстрирует довольно четкую картину поведения небольших транзитных стран при непредвиденных глобальных кризисах. Можно констатировать, что нормативное влияние Запада и, в первую очередь, Европы заставляет молодые транзитные страны принимать меры, идущие вразрез с внутривнутриполитической повесткой. Но при этом с Европой, на пример которой ориентируются страны региона, границы закрываются менее охотно, чем с Ираном или Китаем.

Парадоксальным образом на фоне пандемии изоляционизм приходит в страны Южного Кавказа как глобальное явление: нарастающая паника внутри страны и нормативное давление извне диктуют малым странам региона отказаться от внутренней повестки в пользу следования международным правилам.

Большая часть возникающих при этом явлений внутривнутриполитической жизни стран региона не новы: стремление усилить полицейский контроль над гражданами, попытки заработать на политических успехах дополнительный капитал, а в случае неудач – обвинить внутренних и внешних врагов. Возможно, государства попытаются сохранить часть приобретенных полномочий, полученных во время борьбы с пандемией. Не исключена также и секьюритизация медицины, то есть придание медицинским организациям некоторых контрольных функций. Интенсивность таких тенденций в той или иной стране будет пропорциональна тому, насколько они были выражены и до начала пандемии.

Особенность Южного Кавказа в том, что вызванный пандемией запрос на компетентность государственного управления пришел в страны региона на смену массовому запросу на прозрачность политических систем и борьбу с коррупцией. В условиях распространения эпидемии требование к эффективной работе государственных институтов выступило на первое место.

Со временем риск возникновения новой угрозы будет сведен к минимуму, и страны в любом случае к ней адаптируются. Не исключено, что в результате

1 "Regional Economic Prospects in the EBRD Regions. Covid-19: From Shock to Recovery," EBRD, accessed April 27, 2020, <https://www.wb6cif.eu/2020/04/08/regional-economic-prospects-april-2020-covid-19-from-shock-to-recovery/>.

нынешней пандемии запрос на компетентность государственного управления, включая умение своевременно реагировать на вызовы такого характера, может стать актуальным в данных транзитных странах, где традиционно политика государства строилась на личных качествах национального лидера, а не на эффективной работе политических институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Baldwin, Richard and Beatrice Weder di Mauro, eds. *Mitigating the COVID Economic Crisis: Act Fast and Do Whatever*. London: Center for Economic Policy Research, 2020. <https://voxeu.org/content/mitigating-covid-economic-crisis-act-fast-and-do-whatever-it-takes>.

Correia, Sergio, Stephan Luck, and Emil Verner. "Pandemics Depress the Economy, Public Health Interventions Do Not: Evidence from the 1918 Flu." *SSRN Electronic Journal*, 2020. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3561560>.

Ferguson, Neil M, Daniel Laydon, Gemma Nedjati-Gilani, Natsuko Imai, Kylie Ainslie, Marc Baguelin, Sanjeeta Bhatia, et al. "Report 9: Impact of Non-Pharmaceutical Interventions (NPIs) to Reduce COVID19 Mortality and Healthcare Demand," 2020. <https://doi.org/https://doi.org/10.25561/77482>.

Herlihy, David. *The Black Death and the Transformation of the West*. Edited by Samuel K. Cohn. Harvard University Press, 1997. <https://doi.org/10.2307/j.ctvjghwgp>.

Nohl, Johannes. *The Black Death: A Chronicle of the Plague*. Yardley: Westholme, 2006.

Singh, Jaspreet, and Jagandeep Singh. "COVID-19 and Its Impact on Society." *Electronic Research Journal of Social Sciences and Humanities* 2, no. 1 (2020). <https://doi.org/https://ssrn.com/abstract=3567837>.

Schamiloglu, Uli. "The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization." *Golden Horde Review* 5, no. 2 (2017): 325 – 43. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343>.

Сведения об авторах

Искандарян Александр Максович,
директор Института Кавказа,
Ереван, Армения,
e-mail: iskand@c-i.am

Микаелян Грант Георгиевич,
научный сотрудник Института Кавказа,
Ереван, Армения,
e-mail: hrant@c-i.am

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 18 апреля 2020. Принята к публикации: 4 мая 2020.

Цитирование

Искандарян, А.М., Микаелян, Г.Г. Южный Кавказ: глокализация пандемии // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (1). – С. 97-113. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-97-113>

South Caucasus: Glocalization of the Pandemic

ABSTRACT

The coronavirus pandemic has become a test of States' ability to respond to external challenges. The article assesses how quarantine measures are introduced and observed in different countries of the South Caucasus—from recommendations to the introduction of a state of emergency. It also examines the consequences these measures entail for the legitimacy of power, the structure of elites, and the quality of public administration in the region. From the analytical viewpoint, the South Caucasus represents an ideal model: different measures to combat the pandemic in these countries lead to different results. In general, the ideology of fighting coronavirus is based on isolationism and alarmism. Isolationism in the South Caucasus is part of a global trend, and in some cases, manifests itself as the result of Western normative influence. Alarmism is also a necessary factor in the fight against the virus: it was panic that became the basis for the rare consolidation of society around authorities in transit countries and mass approval of strict restrictions imposed by the national governments. Unlike previous crises of the twenty-first century, the pandemic creates a demand for the competence of the authorities and the willingness to implement political decisions at the expense of the comfort and economic interests of citizens. The peculiarity of the South Caucasus is that the demands for competence caused by the pandemic followed the desire of citizens to pressure governments to fight corruption, which was the main driver of the revolutions in Armenia and Georgia. Amidst the spread of the disease, the demand for sufficient work of state institutions has come to the fore. If Georgia's relative success in fighting the pandemic goes on, this will be another indication for the rest of the region of how important it is for the state to be "institutionally sound".

KEYWORDS

South Caucasus, coronavirus, institutional substantiality, alarmism, crisis

Authors

Alexander M. Iskandaryan,
Director, Caucasus Institute,
Yerevan, Armenia,
e-mail: iskand@c-i.am

Hrant G. Mikaelian,
Research Fellow, Caucasus Institute,
Yerevan, Armenia,
e-mail: hrant@c-i.am

Additional Information

Received: April 18, 2020. Accepted: May 4, 2020.

To cite the article

Iskandaryan, Alexander M., and Hrant G. Mikaelian.
"South Caucasus: Glocalization of the Pandemic."
Journal of International Analytics 11, no. 1 (2020): 97-113.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-97-113>

Пандемия COVID-19 как вызов для постсоветских стран Центральной Азии

Ахунов Азат Марсович

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-114-128>

АННОТАЦИЯ

Пандемия коронавируса оказала значительное влияние на социально-экономические и политические процессы в Центральной Азии. Политическая специфика стран региона сказалась на методах и подходах, предпринятых властями Казахстана, Киргизской Республики, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана по борьбе с распространением инфекции. В статье проводится сравнение этих подходов: от объявления чрезвычайного положения и введения комендантского часа до замалчивания информации о распространении эпидемии. А также рассматривается воздействие пандемии на отношения стран Центральной Азии с Россией и на перспективы развития евразийских интеграционных проектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*Центральная Азия, Республика Казахстан, Республика Узбекистан,
Киргизская Республика, Туркменистан, Республика Таджикистан, коронавирус*

Постсоветская Центральная Азия является важным объектом исследований как российских, так и зарубежных ученых. В первую очередь, это работы, посвященные проблемам зарождения и развития исламского экстремизма в странах региона, противодействия наркотрафику и нелегальной, в т. ч. криминальной миграции, а также различным экологическим аспектам¹. Те или иные вопросы, касающиеся распространения эпидемий (в основном чумы и холеры), борьбы с инфекционными заболеваниями в Центральной Азии, были отражены в многочисленных трудах, изданных как в дореволюционный, так и в советский период². Приведенные исторические факты и документы свидетельствуют о том, что в XIX в. в Российской империи предпринимались важные и своевременные меры по нераспространению эпидемии чумы в Туркестане. Например, после возникновения в 1896 г. т. н. «бомбейской чумы», в январе 1897 г. правительство издало специальную комиссию и утвердило ряд мер, среди которых значился запрет хаджа из российского Туркестана, а также воспрещение православным христианам совершать паломничество к «святым местам Востока» и др. К местам распространения эпидемий направлялись русские врачи с противочумной сывороткой с целью научить местных мулл применять это средство самостоятельно среди единоверцев³.

Несмотря на то что республики Средней Азии в советский период в основном развивались за счет общесоюзных связей в различных областях, включая образование, здравоохранение, а в идеологическом и национально-культурном отношении эти регионы практически не подвергались давлению Москвы, после распада СССР этот опыт был переосмыслен как отрицательный. Подобные настроения были характерны для большинства руководителей постсоветских среднеазиатских республик. Тем не менее многие из этих стран, до сих пор находятся в тесных экономических отношениях с Российской Федерацией. В этом контексте анализ подходов к борьбе с пандемией, позволяет оценить, насколько сильны культурно-экономические связи, и какие внешнеполитические приоритеты у России в отношении этих стран.

Пандемия COVID-19 еще не стала объектом изучения в качестве общественно-политического, а не медицинского явления. В этом заключается актуальность исследования, представляющего собой попытку осмыслить события по принципу *hic et nunc*⁴ на основе анализа электронных СМИ и ряда академических работ по смежной проблематике.

В статье анализируются политические последствия распространения вируса в постсоветской Центральной Азии (в советской терминологии – «страны Средней Азии и Казахстан»). При этом основная цель исследования заключается в том, чтобы выявить закономерности в области противодействия распространению коронавирусной инфекции в странах региона, а также показать разницу между принимаемыми мерами в зависимости от внутренней специфики политического управления.

1 Поляков 2014; Васильев 2017; Lal et al. 2007; Beeman 2008.

2 Карасев 1907; Верзилов 1894; Адамов et al. 2000; Хаутала 2018.

3 Супоницкий et al. 2006, 62-63.

4 *Hic et nunc* (с латин. «здесь и сейчас»).

Политическое измерение борьбы с пандемией
в странах постсоветской Центральной Азии

Пандемия коронавируса COVID-19, принявшая на момент написания данной статьи (апрель 2020) характер глобальной пандемии и захватившая большинство стран мира, привела к многочисленным проблемам не только гуманитарного, но, прежде всего, политико-экономического характера. Такая ситуация поставила перед государствами Центральной Азии задачу на выживание существующих политических систем, создав беспрецедентно критические условия для принятия необходимых решений главами государств, а также выявила наряду с общим характером действий, существенную разницу в принимаемых мерах. Если в Казахстане, Узбекистане и Киргизии использовали модель широкого информирования населения с попыткой сочетать жесткие государственные меры наряду с частным обращением к гражданам, то усилия властей Таджикистана и Туркмении во многом включали меры борьбы с коронавирусом в информационном пространстве.

По официальным данным из независимых источников, число заболевших и скончавшихся в результате пандемии COVID-19 в странах постсоветской Центральной Азии значительно меньше в сравнении со статистикой случаев заражения коронавирусом по миру, где максимальное количество заражений идентифицировано в США, Бразилии и России. Такие низкие показатели могут быть связаны как с приближением к действительной обстановке с учетом показателей населенности городских агломераций и уровня их глобализации, так и меньшей степенью выявляемости инфицированных, отсутствием или искажением официальных данных в ряде государств, что не может не вызвать беспокойства соседних стран в отношении эффективности предпринимаемых мер по борьбе с пандемией.

Таблица 1.

СТАТИСТИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19
В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ДАННЫЕ НА 26.05.2020)

Страна	Число заболевших	Число выздоровевших	Количество умерших
США	1.706.226	464.670	99.805
Бразилия	376.669	153.833	23.522
Россия	353.688	118.834	3.639
Казахстан	8.969	4.515	35
Узбекистан	3.189	2607	13
Таджикистан	3.100	1.395	46
Киргизия	1.433	992	16
Туркмения	нет данных	нет данных	нет данных

Источник: Coronavirus COVID-19. [Электронный ресурс]. URL: <https://coronavirus-monitor.ru> (дата обращения 26.05.2020).

Если Туркмения – единственная страна, имеющая визовый режим с Российской Федерацией, сразу закрыла все границы, то Таджикистан официально объя-

вил об ограничении движения через государственную границу лишь 10 апреля¹. Несмотря на то что в Туркмении и Таджикистане прошли отмененные в других государствах массовые празднования Навруза, и в целом на государственном уровне создавалось впечатление, что ничего не происходит, в Таджикистане коллективные намазы были приостановлены с 4 марта по рекомендации Министерства здравоохранения и социальной защиты Таджикистана. Совет улемов призвал мусульман страны воздержаться от джамаат-намазов для предотвращения распространения и защиты здоровья граждан от коронавируса². Другие ограничительные меры вводились постепенно, без введения режима чрезвычайной ситуации. Только в конце апреля было объявлено о дополнительных мерах, аналогичным тем, что были введены в России.

В конце апреля стало известно, что Таджикистан запросил финансовую помощь у Евросоюза и международных финансовых организаций, также эта страна получила гуманитарный груз, состоящий из тест-систем от Российской Федерации, что по сути, стало «дипломатическим признанием» наличия коронавируса³. Все это косвенно указывает на то, что власти понимают глубину проблемы, но не признают открыто.

Промедление с официальным признанием о наличии зараженных в Таджикистане объясняется не только боязнью выхода ситуации из-под государственного контроля. В этой стране на осень запланированы президентские выборы, в которых должен принять участие либо сам действующий президент Э. Рахмон, либо его старший 33-летний сын Р. Эмомали, так как ранее в Конституцию Таджикистана внесли поправки, которые снизили возраст кандидата в президенты с 35 до 30 лет. 17 апреля 2020 г. Р. Эмомали стал спикером Сената республики, до этого занимал должность мэра Душанбе, возглавлял таможенную службу и агентство по борьбе с коррупцией Таджикистана. Он также стал самым молодым генералом в Центральной Азии.

Лишь в преддверии запланированного на начало мая визита в Туркмению и Таджикистан инспекционной миссии Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)⁴, которая заинтересовалась отсутствием в этих странах случаев заболевания COVID-19, официальный Душанбе вынужден был объявить о подтвержденных случаях заражения коронавирусом в стране⁵.

В Туркмении власти на официальном уровне строго придерживаются позиции отрицания наличия проблем и, согласно сообщениям оппозиционных СМИ, намерены перевести всех больных коронавирусом в отдаленные сельские боль-

1 Таджикистан ограничил движение через госграницу для недопущения распространения коронавируса нового штамма по территории страны // Sputnik Таджикистан. 10 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20200410/1031045511/tajikistan-polnostyu-zakryl-granicy-koronavirus.html> (дата обращения: 10.04.2020).

2 В мечетях Таджикистана проводятся профилактические меры, чтобы как можно скорее возобновить джамаат – намазы // Sputnik Таджикистан. 14 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/health/20200314/1030878519/Tajikistan-mecheti-otkrutie-koronavirus.html> (дата обращения: 15.04.2020).

3 Кривошеев К. Таджикистан признал коронавирус дипломатически // Газета «Коммерсантъ». 16 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4322778?from=main_13 (дата обращения: 16.04.2020).

4 Миссия ВОЗ посетит Таджикистан и Туркмению, где якобы нет случаев COVID-19 // Газета «Коммерсантъ». 23 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4328921> (дата обращения: 30.04.2020).

5 В Таджикистане прошло экстренное заседание Республиканского штаба по предотвращению пандемии коронавируса в стране // Sputnik Таджикистан. 30 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20200430/1031157325/tajikistan-vyavlen-novyj-koronavirus.html> (дата обращения: 30.04.2020).

ницы¹. В то время как государственное информационное агентство «Туркменистан сегодня», сообщает, что на видеоконференции членов Тюркского совета в апреле, посвященной пандемии коронавируса, глава Туркмении подчеркнул, что в стране был своевременно предпринят комплекс мер, направленных на предупреждение распространения инфекции и заверил коллег, что санитарно-эпидемиологическая ситуация в стране стабильна, а все медучреждения обеспечены средствами индивидуальной защиты, тест-системами, медицинскими препаратами и другими необходимыми средствами², оппозиционные туркменские электронные СМИ обращают внимание на то, что «работающие в зоне врачи жалуются, что вынуждены сами оплачивать маски и перчатки. Более серьезных средств защиты нет. При выходе из зоны в город охрана требует от медперсонала снимать маски»³.

В целом, принимаемые меры по борьбе с пандемией в Туркмении и Таджикистане характеризуются непоследовательностью, отсутствием политики информирования населения о заболеваемости, что во многом указывает на слабость социально-экономического сектора, существенно сужающего спектр мер по борьбе с коронавирусом. Тем не менее показательно, что в этих условиях руководство Туркмении приняло решение о безвозмездной передаче стратегическому партнеру – российской стороне – гуманитарного груза, представленного «высококачественными туркменскими товарами, в том числе текстильной продукцией, строительными материалами, продовольствием»⁴.

Наиболее масштабную и своевременную политику в сфере нераспространения коронавирусной инфекции проводит Казахстан. Эти усилия получили высокую оценку со стороны США, несмотря на критику жестких мер властей Казахстана со стороны международных правозащитных структур. Так, госсекретарь М. Помпео в ходе своего визита в Казахстан во время совместной пресс-конференции с главой МИД республики М. Тлеуберди (2 февраля 2020) подчеркнул: «Оперативные действия по прекращению распространения вируса были невероятно впечатляющими. Тот факт, что ваша страна имеет общую границу протяженностью 1800 километров с Китаем, очевидно, был поводом для беспокойства, и вы приняли меры».

Казахстан стал одной из первых стран, вывезших своих граждан из Китая. Уже с 3 февраля были приостановлены все регулярные рейсы между Казахстаном и Китаем, резко сокращено количество рейсов в Японию, Южную Корею, Иран, Азербайджан, закрыт ряд европейских направлений. 12 марта глава государства К.-Ж. Токаев сообщил, что правительство приступает к реализации специальных превентивных мер в связи с ситуацией по коронавирусу. Президент объявил, что в Казахстане отменяются все массовые мероприятия, в том числе

1 В Туркменистане больных коронавирусом спрячут от миссии ВОЗ в отдаленных больницах // Хроника Туркменистана. 27 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hronikatm.com/2020/04/cover-up/> (дата обращения: 30.04.2020).

2 Президент Туркменистана: санитарно-эпидемиологическая ситуация в стране стабильна и под контролем // Государственно-информационное агентство «Туркменистан сегодня». 10 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article22033&cat11> (дата обращения: 14.04.2020).

3 В Туркменистане обнаружены как минимум семь человек с коронавирусом // Хроника Туркменистана. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hronikatm.com/2020/04/seven-infected/> (дата обращения: 14.04.2020).

4 О передаче Туркменистаном российской стороне гуманитарного груза // Официальный сайт МИД России. 10 мая 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/tm/-/asset_publisher/32j0LjSL2Nmm/content/id/4117763 (дата обращения: 29.05.2020).

празднование Навруза и парад к 75-летию Победы¹. Также было отменено заседание политсовета партии «Нур Отан», которое должно было пройти 18 марта под председательством Н. Назарбаева.

Тем не менее, очевидно, что в этой сложной ситуации экс-президент и глава Совета безопасности Казахстана по-прежнему играет одну из ключевых ролей: именно он проводил совещания, посвященные коронавирусу, заслушивал доклады министров и представителей служб безопасности. С другой стороны, с началом пандемии президент К.-Ж. Токаев, который до этого находился в тени предшественника, стал постепенно укреплять свои позиции. В этом плане важное значение имел указ от 16 марта 2020 г. (подписан в один день с введением режима чрезвычайного положения). Этот документ гласил, что в соответствии с конституционным законодательством «президент Республики Казахстан как высшее должностное лицо, определяющее основные направления внутренней и внешней политики государства и представляющее Казахстан внутри страны и в международных отношениях, вправе принимать акты или давать поручения государственным органам»². При этом была допущена специальная оговорка, что полномочия президента страны расширяются лишь на «период кризисных ситуаций». Интересно то, что похожим указом, который К.-Ж. Токаев издал в октябре 2019 г., он, наоборот, всячески ограничивал свои полномочия. 2 мая президент Казахстана К.-Ж. Токаев подписал указ о прекращении полномочий спикера сената республики Д. Назарбаевой. По мнению экспертов, эта отставка неслучайно произошла во время введения в Казахстане режима чрезвычайного положения, который давал возможность предупредить возможные стихийные народные волнения³.

Правительство Узбекистана, как и казахстанские власти, эвакуировало своих граждан из КНР еще до того, как был зафиксирован первый случай инфицирования. Первый случай заражения коронавирусной инфекции в Узбекистане был подтвержден в лаборатории Института вирусологии 14 марта. В этот же день на экстренном брифинге выступил премьер-министр А. Арипов, проинформировав население об отмене массовых мероприятий во время Навруза. После этого последовали меры по закрытию всех образовательных учреждений на карантин, приостановлено авиационное и автодорожное сообщение с другими государствами. Однако, в отличие от соседнего Казахстана, в Узбекистане не стали вводить режим чрезвычайного положения.

Жесткие меры были предприняты в отношении столицы: приостановлена работа общественного транспорта, компании и организации Ташкента были переведены на дистанционный режим. Ограничения не коснулись строительной и стратегической сферы: было решено возобновить работу стратегических и производственных предприятий, а также строительство на крупных объектах.

С 24 марта Ташкент был закрыт на въезд и выезд, а все внутренние авиа- и ж/д рейсы отменены. Для всех граждан был введен запрет на хождение без

1 Навруз (от перс. «новый день»), праздник весеннего равноденствия и начала нового сельскохозяйственного года у персоязычных и некоторых тюркоязычных народов.
2 Указ президента Республики Казахстан «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности». [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35552361#pos=4;-104 (дата обращения: 05.05.2020).
3 Ахунов, А.М. «Гарант стабильности транзита и угроза элитам»: почему «ушли» Даригу Назарбаеву? // БИЗНЕС Online. 5 мая 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/467382> (дата обращения: 05.05.2020).

масок, а с 6 апреля введен режим самоизоляции в Ташкенте, Нукусе и областных центрах: запрещено покидать дома, кроме случаев крайней необходимости; ограничено передвижение на мототранспорте и велосипедах. Пенсии было решено зачислять только на карты с мая и до стабилизации эпидемиологической ситуации¹.

Нехарактерной мерой для других государств стала просьба властей в отношении граждан вести дневники с записями своих контактов и передвижений для быстрой установки цепочки контактировавших и ограничения распространения вируса. Меры были приняты и в отношении массовых религиозных обрядов: 14 апреля объявлена фетва (решение муфтия) о проведении Рамадана, верующих призвали проводить обряды дома.

В Узбекистане не наблюдалось каких-либо панических настроений, хотя страна, по признанию властей не готова была самостоятельно справиться с эпидемией коронавируса, что во многом объясняет выбор жесткой модели превентивной борьбы с распространением вируса для снятия нагрузки на систему здравоохранения страны. Глава Министерства здравоохранения Узбекистана А. Шадманов заявил по этому поводу: «... Конечно, у нас есть социальные проблемы и есть вопросы с экономикой. Наша экономика еще не развита. Мы принимаем все меры, чтобы наша экономика стала устойчивой и самодостаточной, чтобы она смогла уделять достаточное внимание социальной сфере, в том числе и здравоохранению»².

Так, 15 апреля президент страны Ш. Мирзиёев подписал постановление о мерах по обеспечению стабильности государственного бюджета Узбекистана и своевременного финансирования первоочередных мероприятий в период коронавирусной пандемии. В документе отмечается, что введение карантина в стране и значительное снижение экономической активности создают серьезную угрозу стабильности государственного бюджета, связанную с ожидаемым ростом дефицита госбюджета во втором квартале вследствие дополнительных бюджетных расходов³. Министерство инновационного развития Узбекистана объявило конкурс прикладных проектов, которые бы помогли республике в борьбе с коронавирусом⁴.

Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод об адекватной оценке сложности ситуации в Узбекистане со стороны власти и, несмотря на жесткие превентивные меры борьбы с инфекцией, характерные для постсоветских стран Центральной Азии, поиски всех возможностей выхода из нее, включая элементы работы с гражданским обществом. В этом контексте также показателен «жест дружбы» Узбекистана в отношении Российской Федерации: 18 апреля в московском аэропорту Шереметьево приземлился самолет с гуманитарной помощью из Узбекистана, доставивший в Москву 5 млн медицинских масок, а также марлю⁵.

1 Месяц, изменивший Узбекистан // Интернет-издание «Газета.uz». 15 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/04/15/chronicle/> (дата обращения: 15.04.2020).

2 Шадманов назвал верными слова Госсекретаря США о неготовности здравоохранения Узбекистана противостоять масштабной вспышке коронавируса // Агентство новостей «Подробно.uz». 10 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/shadmanov-nazval-vernymi-slova-gossekretarya-ssha-o-negotovnosti-zdravookhraneniya-uzbekistana-proti/> (дата обращения: 05.04.2020).

3 Объявлена оптимизация бюджетных расходов // Интернет-издание «Газета.uz». 16 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/04/16/budget/> (дата обращения: 16.04.2020).

4 Министерство инновационного развития объявляет конкурс прикладных проектов // Официальный сайт министерства инновационного развития Республики Узбекистан. 12 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://mininnovation.uz/ru/competitions/1857> (дата обращения: 10.04.2020).

5 В Москву прибыл самолет с гуманитарной помощью из Узбекистана // Известия. 18 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1001557/2020-04-18/v-moskvu-pribyl-samolet-s-gumanitarnoi-pomoshchiu-iz-uzbekistana> (дата обращения: 20.04.2020).

Как известно, общая протяженность государственной границы Кыргызской Республики с КНР составляет свыше тысячи километров. Это стало определяющей причиной для ее закрытия еще 24 января. Несмотря на то что Минздрав страны пояснил, что это не связано с коронавирусной вспышкой в соседней стране¹, в Джумгалском районе местное население потребовало выдворить граждан Китая, а отдельные лица предлагали временно запретить жителям КНР въезд в Киргизию². Тот факт, что 5 марта в Бишкеке было разрешено провести первую публичную акцию в поддержку КНР – флешмоб «Ухань, живи. Ухань, мы с тобой», по мнению политолога И. Шестакова, является показателем того, что для властей Киргизии Китай важный стратегический партнер³.

В целом, до марта ситуация в столице Киргизии оставалась стабильной. Открытой паники из-за распространения коронавируса не было, но горожане стали скупать крупы, муку, растительное масло, соль и предметы первой необходимости. Такое поведение населения связано с высоким уровнем зависимости Киргизии от импорта лекарственных средств и продуктов питания, что в случае изоляции от соседей, грозит стране самыми негативными последствиями.

18 марта на территории Киргизии был зарегистрирован первый случай заражения коронавирусом – инфекцию обнаружили сразу у троих граждан, прибывших из Саудовской Аравии. В этот же день перед гражданами страны выступил президент Киргизии С. Жээнбеков, который оценил сложившуюся ситуацию вполне оптимистично: «В настоящее время медицинская ситуация в стране находится под полным контролем. Наши медицинские работники имеют достаточную квалификационную подготовку, они знают, как нужно лечить этот недуг». В то же время президент Киргизии особенно подчеркнул, что в стране имеется запас продовольствия в достаточных объемах, нет нехватки лекарственных средств и медицинских препаратов, а все спекулятивные попытки будут жестко пресекаться.

Также он объявил о временном закрытии школ и вузов и переходе на дистанционное обучение, а для населения – на режим самоизоляции. При этом лидер страны пообещал самые суровые меры в отношении нарушителей карантина. Не обошлось и без апелляции к прошлому («наши предки сумели пройти через многие перипетии судьбы, опираясь на мудрость народа», «Бог даст, мы сумеем выйти с честью и из этого испытания, не уронив человеческое достоинство и национальную честь»), что лишний раз показало неуверенность лидера Киргизии в благополучном развитии ситуации⁴.

Решение ввести с 25 марта в ряде городов страны (Бишкеке, Оше, Джалал-Абаде и др.) режима чрезвычайного положения, а в столице – комендантского ча-

1 Закрытие границы с Китаем не связано с новым типом коронавируса // Информационное агентство АКИ press. 24 января 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://zdorovie.akipress.org/news:1592363/?from=covid-19&place=mainnewslist> (дата обращения: 15.04.2020).

2 Распространение коронавируса в мире: в Кыргызстане нарастают опасения // Радио «Азаттык». 24 февраля 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_koronavirus_v_mire_opaseniya_kyrgyzstancsev_2020/30451755.html (дата обращения: 15.04.2020).

3 Ким, Е. Коронавирус грозит изоляцией Киргизии – лекарств и продуктов всем не хватит // ИА REGNUM. 10 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2878868.html> (дата обращения: 15.04.2020).

4 Президент Сооронбай Жээнбеков призвал всех кыргызстанцев к гражданской ответственности и не поддаваться панике, соблюдать все меры предосторожности // Официальный сайт президента Кыргызской республики. 18 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/16340_prezident_sooronbay_gheebekov_prizval_vseh_kirgizstancsev_kraghdanskoy_otvetstvennosti_inepoddavatsya_panike_soblyudat_vse_meri_predostoroghnosti (дата обращения: 14.04.2020).

са¹ также можно трактовать в пользу того, что более эффективных инструментов борьбы с эпидемией в Киргизии нет. Так, президент Киргизии в своём апрельском выступлении перед парламентом вынужден был признать, что «в стране существует немало проблем в сфере управления системой охраны здоровья, а сама система здравоохранения страны нуждается в реформах»². Это стало одной из основных причин формирования активного диалога с международными организациями по предоставлению финансовой помощи Киргизии для борьбы с последствиями распространения коронавируса³. Отличающей особенностью в работе с международными организациями по преодолению последствий пандемии стало тесное сотрудничество властей Киргизии с представителем ООН в стране.

Показательно, что руководство стран постсоветской Центральной Азии достаточно жестко отреагировало на новые вызовы, связанные с разрастающейся эпидемией COVID-19. Тот факт, что руководители этих стран, в большинстве своем бывшие советские и партийные функционеры, в результате масштабного распространения COVID-19 оказались в ситуации, когда каждый из них должен принимать быстрые стратегические решения в условиях неопределенности, стал для них своего рода проверкой на политическую зрелость.

Так, несмотря на самое большое количество заболеваемости в Казахстане и Узбекистане, эти страны за счет накопленных внутренних резервов, перераспределения строк бюджета и внешних займов, сумели развернуть эффективную борьбу против эпидемии, включая закупки за рубежом аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ), строительство мобильных госпиталей, проведение массовых работ по дезинфекции мест общего скопления людей. Широкая информационная работа с населением показала уверенность властей в своих позициях среди населения.

В свою очередь, власти Киргизии продемонстрировали также эффективную работу в области информирования населения, но, стратегические просчеты в направлении социально-экономического развития страны выявили неготовность этого сектора предоставить более широкие возможности для властей в сфере борьбы с пандемией. Более того, стало очевидно, что из-за высокого уровня зависимости от импорта в сфере продовольствия, ситуация в условиях закрытия границ для всей политической системы Киргизии может стать критической, поэтому власти Киргизии стали проводить активную политику по получению помощи от ведущих финансовых организаций.

Таджикистан и Туркмения продемонстрировали большую непоследовательность в борьбе с COVID-19. Во многом это объясняется выбранной политикой

- 1 Коронавирус в Киргизии: все случаи и последние новости // 24smi.org. 23 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://24smi.org/article/208056-koronavirus-v-kirgizii-vse-sluchai-i-poslednie-nov.html> (дата обращения: 17.04.2020).
- 2 Президент Сооронбай Жээнбеков: Сложившаяся ситуация, меняющая мир, обнажила, какие проблемы имеются в той или иной сфере // Официальный сайт президента Кыргызской республики. 15 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/16532_prezident_sooronbay_gheebekov_slozhivshayasya_situaciya_menyayushaya_mir_obnaghila_kakie_problemy_imeyutsya_vtoyi_ili_inoy_sfere (дата обращения: 15.04.2020).
- 3 Мониторинг принятых государствами-членами ЕАЭС мер, направленных на преодоление негативных последствий распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) // Евразийская экономическая комиссия. По состоянию на 29 мая 2019. С. 187. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/covid-19/Documents/%D0%9C%D0%9E%D0%9D%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%9D%D0%93%D0%20%D0%BD%D0%B0%2029%2005.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

балансирования между необходимостью принимать меры по стабилизации внутренней ситуации и попытками закрыть информационное пространство. Такая позиция демонстрирует глубокий разрыв между властью и обществом. И если власти Таджикистана во многом положились на финансовую помощь Европейского Союза и международных финансовых организаций, то власти Туркмении придерживаются курса на стратегическое партнерство с Россией.

Россия и коллективные проекты по предупреждению эпидемиологических и экономических последствий пандемии

Для Российской Федерации, где эпидемия COVID-19 на момент написания этой статьи еще не достигла своего пика, благополучный исход ситуации в странах постсоветской Центральной Азии крайне важен, прежде всего, с точки зрения контроля миграционных потоков и предупреждения распространения инфекции. Только в период января-февраля, согласно данным МВД России, в целом было зафиксировано 2 259 100 фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства¹. Согласно данным погранслужбы ФСБ России, в первой половине 2019 г. из стран постсоветской Центральной Азии прибыло на работу в Россию около 2 млн трудовых мигрантов. Лидерство на первую половину 2019 г. принадлежит Узбекистану: из этой страны в Россию прибыли в целях работы 918 тыс. человек. На втором месте Таджикистан – 523,9 тыс. человек, затем следуют Киргизия – 265 тыс. человек, Украина – 164,6 тыс. человек, а также Казахстан – 105,3 тыс. человек². По разным оценкам в России временно пребывают до 12 млн мигрантов³.

Базой для такого сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) является Совместное заявление о борьбе с инфекционными болезнями на пространстве ШОС от 2009 г., обозначившее необходимость развития совместной кооперации по информационному обмену, относящемуся к вспышкам инфекционных болезней, укреплению взаимодействия служб здравоохранения государств – членов ШОС со службами миграционного контроля, включая совершенствование системы эпидемиологического надзора и мониторинга инфекционных болезней в пунктах пропуска через государственные границы⁴. Все эти меры в условиях возможных новых волн COVID-19 приобретают особое значение для постсоветских государств Центральной Азии, за исключением Туркмении, не являющейся участницей ШОС, и могут стать фундаментом для развития долгосрочного сотрудничества в этой сфере.

В своем интервью генеральный секретарь ШОС В. Норов отметил, что «в разгар эпидемии в Китае государства-члены ШОС оказывали помощь китай-

1 Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - февраль 2020 г. // Официальный сайт МВД РФ. 16 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19786723> (дата обращения: 16.04.2020).

2 ФСБ впервые за 20 лет раскрыла число приехавших работать иностранцев // РБК. 16 августа 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2019/5d5560979a7947af4fa8a883> <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2019/5d5560979a7947af4fa8a883> (дата обращения: 16.04.2020).

3 Простаков, Г. Миграционная политика России становится осознанной // Деловая газета «Взгляд». 9 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/opinions/2020/4/9/1033118.html> (дата обращения: 14.04.2020).

4 Совместное заявление о борьбе с инфекционными болезнями на пространстве ШОС, г. Пекин. 14 октября 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=77> (дата обращения: 29.05.2020).

скому правительству и моральную поддержку китайскому народу. В настоящее время Китай предоставляет необходимую помощь странам ШОС, отправляя гуманитарные грузы, врачей и специалистов. Узбекистан в инициативном порядке оказал помощь Кыргызстану, России. Иран, Белоруссия и Афганистан, которые являются государствами-наблюдателями при ШОС, также получили помощь от узбекской стороны. Казахстан выразил готовность помочь в случае необходимости странам Центральной Азии и уже отправил гуманитарную помощь Таджикистану и Кыргызстану. Китай направил во многие страны ШОС врачей и специалистов. Все это говорит о приверженности стран ШОС к взаимной поддержке и сотрудничеству для совместного преодоления этой чрезвычайной ситуации»¹.

Ряд оперативных мер для предупреждения и предотвращения коронавирусной инфекции был разработан и реализован в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), членами которого помимо России, также являются Казахстан и Киргизия. В целом за период с марта по апрель, ключевые решения ЕАЭС касались, с одной стороны, введения запрета на экспорт отдельных видов продовольственных товаров, с другой стороны, реализации практики «зеленых коридоров» для поставок критически важных товаров в борьбе с пандемией².

14 апреля на рабочей встрече членов Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) президент Киргизии С. Жээнбеков предложил ряд коллективных мер в рамках ЕАЭС в борьбе с распространением COVID-19, а также подчеркнул, что договорно-правовая база ЕАЭС позволяет принимать меры по минимизации негативных последствий пандемии на экономику государств – членов. С. Жээнбеков также поблагодарил власти России за предоставление медицинских тест-систем и решение выделить в рамках Евразийского фонда финансовую помощь³.

Президент Казахстана во время встречи высказал ряд предложений, направленных не только на укрепление оперативного сотрудничества в сфере здравоохранения, но и на усиление торгово-экономического и цифрового взаимодействия в долгосрочной перспективе. По его мнению, создание и развитие качественной цифровой инфраструктуры будет определяющей в дальнейшей интеграционной работе: от цифровизации таможенных служб до совместных разработок по *Fintech*⁴.

По результатам встречи главы государств подчеркнули важность коллективных усилий для устранения негативных последствий пандемии COVID-19 в совместном заявлении, ключевой идеей которого является сохранение и со-

1 Интервью Генерального секретаря ШОС. «В. Норов: Сегодня вопрос многостороннего взаимодействия в сфере здравоохранения и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения стран ШОС является как никогда актуальным. 1 мая 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectso.org/news/20200501/644876.html> (дата обращения: 02.05.2020).

2 Обзор ключевых мер и решений ЕЭК // Евразийская экономическая комиссия. Март-апрель 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/covid-19/Pages/measures.aspx> (дата обращения: 29.05.2020).

3 Мониторинг принятых государствами-членами ЕАЭС мер, направленных на преодоление негативных последствий распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) // Евразийская экономическая комиссия. По состоянию на 29 мая 2019 г. С. 187. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/covid-19/Documents/%D0%9C%D0%9E%D0%9D%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%9D%D0%93%20%D0%BD%D0%B0%2029%2005.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

4 Глава государства принял участие в рабочей встрече членов Высшего Евразийского экономического совета // Официальный сайт президента Республики Казахстан. 14 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_other_events/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-rabochei-vstreche-chlenov-vyshego-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soveta?q=%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1 (дата обращения: 30.04.2020).

вершенствование наработанных кооперационных связей для обеспечения социальной и экономической стабильности государств – членов ЕАЭС¹.

Этот опыт показывает, что существующие интеграционные проекты в Центральной Азии рассматриваются главами ряда постсоветских государств как реальная возможность стабилизации национальных экономик в случае кризисных ситуаций, так и в качестве перспективы для развития национального экономического потенциала.

В то же время помимо интеграционных структур с участием Китая и России, свою роль в консолидации сотрудничества в борьбе с пандемией в странах Центральной Азии сыграл Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ). Уже сейчас заметны результаты политики Азербайджана в качестве лидера ССТГ, сумевшего вовремя реализовать проект Транскаспийского транспортного коридора, по которому в разгар пандемии пошли грузы из Узбекистана в Турцию, и в обратном направлении².

10 апреля на внеочередном заседании ССТГ, созванном по инициативе президента Азербайджана И. Алиева, президент Казахстана призвал в программе «Тюркское видение – 2040» сделать акцент на сферу здравоохранения, и предложил разработать совместный «План действий» для преодоления последствий негативного влияния пандемии COVID-19 на торгово-экономические связи между странами Тюркского Совета³. Президент Киргизии С. Жээнбеков⁴ и президент Узбекистана Ш. Мирзиёев⁵ выдвинули ряд предложений для консолидации усилий в борьбе с пандемией в сфере здравоохранения, а также в области устранения таможенных и административных барьеров на границах для поставок гуманитарных грузов.

Проведенное внеочередное заседание по проблеме распространения коронавируса показывает, что ССТГ является одной из форм для развития более широкого сотрудничества вне региона Центральной Азии, которое подерживается государствами – членами постсоветской Центральной Азии и является одним из форматов совместного диалога по насущным социально-экономическим вопросам.

- 1 Совместное заявление членов Высшего Евразийского экономического совета в связи с пандемией COVID-19 от 14 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-04-2020-1.aspx> (дата обращения: 30.04.2020).
- 2 Страны Тюркского совета объединяются в борьбе против коронавируса // Информационная служба Азербайджана Day. Az. 17 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.day.az/politics/1223314.html> (дата обращения: 30.04.2020).
- 3 Президент Казахстана принял участие во внеочередном заседании Совета сотрудничества тюркоязычных государств. // Официальный сайт президента Казахстана. 10 апреля 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_other_events/prezident-kazahstana-prinyal-uchastie-vo-vneocherednom-zasedanii-soveta-sotrudnichestva-tyurkoyazychnyh-gosudarstv?q=%D1%82%D1%8E%D1%80%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82 (дата обращения: 30.04.2020).
- 4 Президент Сооронбай Жээнбеков внес ряд предложений по консолидации усилий государств-членов ССТГ в борьбе с коронавирусной инфекцией // Официальный сайт президента Кыргызской Республики. 10 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/16483_prezident-sooronbay-gheenbekov-vnes-ryad-predlogheniy-rokonsolidacii-usilij-gosudarstv-chlenov-sstg-vborbe-skoronavirusnoy-infekciey (дата обращения: 30.04.2020).
- 5 Президент Республики Узбекистан принял участие во внеочередном саммите Тюркского совета // Официальный веб-сайт президента Республики Узбекистан. 10 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/3491> (дата обращения: 30.04.2020).

Заключение

Возникшая в конце 2019 г. в Китае и распространившаяся к весне 2020 г. практически по всему миру, пандемия коронавируса COVID-19 стала испытанием на прочность политических и экономических систем таких индустриально развитых стран как США, Великобритания, Франция, Италия, Южная Корея, Япония и др. Крупные природные и техногенные катаклизмы, эпидемии, до недавнего времени обходили стороной страны «первого мира». Де-факто эти государства оказались не готовы к бедствию такого масштаба, несмотря на высокий уровень медицинских услуг и наличие высокотехнологичного оборудования. На этом фоне на периферии общественного внимания оказались страны «третьего мира», которые также пострадали от последствий пандемии коронавирусной инфекции. Вызов пандемии показал, что общие формулы в виде «демократических ценностей» или ностальгии по утраченному СССР в условиях критической ситуации не работают. Профессионализм и ответственность в сегодняшних реалиях значат больше, чем идеологическая составляющая.

Несмотря на то что пандемия COVID-19 на момент написания статьи еще не достигла своего пика в постсоветских странах Центральной Азии, уже сейчас можно сделать предварительные выводы не только о влиянии на внутреннюю политику, но и на региональные тенденции в целом. С большой вероятностью можно прогнозировать, что по мере затихания пандемии в Российской Федерации, начнется процесс возвращения трудовых мигрантов за счет людей, потерявших свои рабочие места в результате экономических последствий эпидемии у себя на родине. Чтобы избежать внутреннего кризиса безработицы и повышения уровня преступности за счет неконтролируемой миграции, в России заинтересованы в создании благоприятных условий по восстановлению ситуации в области здравоохранения и сглаживанию экономических последствий пандемии для этих стран. В этом контексте большое значение приобретает повышение эффективности сотрудничества в рамках ЕАЭС и ШОС в области миграционного и эпидемиологического контроля.

Пандемия стала дополнительным стресс-тестом для постсоветских стран, обнажив их уязвимости в условиях масштабного вызова, не связанного с войнами, но катастрофического по своим последствиям, прежде всего, для экономики. И через экономические трудности ставшей угрозой социально-политической стабильности. Наступление пандемии COVID-19 и реакция на нее в постсоветских странах продемонстрировала значительные различия между государствами по линии взаимодействия власти и населения, выявила стратегические приоритеты государств как во взаимодействии с внешними игроками (ЕС, США), так и с державами региона – Россией и Китаем. Большую роль в консолидации реальных усилий по борьбе с пандемией сыграло сотрудничество в рамках ЕАЭС, что стало показателем высокого уровня его востребованности для ряда стран постсоветской Центральной Азии.

Поэтому выход из пандемии COVID-19 на постсоветском пространстве представляет собой многоуровневые действия, нацеленные также на качественное написание евразийских интеграционных проектов по контролю над миграционными процессами, включающего в себя внутри- и внешнеполитические элементы.

Следует отметить, что по окончании эпидемии, в условиях острого экономического кризиса, ряд стран Центральной Азии (Узбекистан и Таджикистан) будет заинтересован в ускорении переговоров о сотрудничестве с ЕАЭС, что может стать дополнительным импульсом для усиления интеграционных процессов в регионе и более эффективной политике в обозначенных критических сферах для устранения экономических и социальных последствий распространения COVID-19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Адамов, А.К., Ломов, Ю.М., Малеев, В.В. и др. Холера в СССР в период VII пандемии / Под ред. В.И. Покровского. – М.: Медицина, 2000. – 470 с. [Adamov A.K., Lomov Yu.M., Maleev V.V. i dr. Holera v SSSR v period VII pandemii [Cholera in the USSR during the VII pandemic] / Ed. V.I. Pokrovskii. – Moscow: Medicine, 2000. – 470 p.] [In Russian].
- Васильев, Л.Е. Борьба с терроризмом на пространстве ШОС. – М.: ИДВ РАН, 2017. – 216 с. [Vasil'ev L.E. Bor'ba s terrorizmom na prostranstve SHOS: monografiya [Fighting terrorism in the SCO space: a monograph]. – Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 2017. – 216 p.] [In Russian].
- Верзилов, Н.М. К вопросу об эпидемиологии азиатской холеры / [Соч.] Д-ра Н.М. Верзилова. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1894. – 24 с. [Verzilov N.M. K voprosu ob epidemiologii aziatskoj holery [To the question about the epidemiology of Asiatic cholera]. – Saint-Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich, 1894. – 24 p.] [In Russian].
- Карасев, И.Н. Азиатская холера и санитарные меры для борьбы с нею. – М.: Комис. по орг. общ.-образоват. чтений для фабрич.-завод. рабочих г. Москвы, 1907. – 30 с. [Karasev I.N. Aziatskaya holera i sanitarnye mery dlya bor'by s neyu [Asian cholera and sanitary measures to combat it]. – Moscow: Commission on the organization of general educational readings for factory workers in Moscow, 1907. – 30 p.] [In Russian].
- Поляков, К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: ИВ РАН, 2014. – 136 с. [Polyakov K.I. Islamskijekstremizm v Central'nojAzii [Islamic extremism in Central Asia]. – Moscow: Institute of Eastern Studies of the Russian Academy of sciences, 2014. – 136 p.] [In Russian].
- Супоницкий, М.В., Супоницкая, Н.С. Очерки истории чумы: в 2 кн. – М.: Вузовская книга, 2006. – Ч. 2: Чума бактериологического периода. – 694 с. [Suponitskii M.V. Suponitskaya N.S. Ocherki istorii chumy: v 2 kn. – Ch. 2: Chuma bakteriologicheskogo perioda [Essays on the history of the plague: in 2 books. Part 2: the Plague of the bacteriological period]. – Moscow: Vuzovskaya kniga, 2006. – 694 p.] [In Russian].
- Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII – XVI вв.): сборник научных статей / Под ред. Р. Хаутала. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 283 с. [Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoj Orde i na sopredel'nykh territoriyah (XIII – XVI vv.): sbornik nauchnykh statei. [Epidemics and natural disasters in the Golden Horde and adjacent territories (XIII – XVI centuries): collection of scientific articles] / Ed. R. Khaudala. – Kazan: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ, 2018. – 283 p.] [In Russian].
- Beeman, O. William. "Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia." *Contemporary Islam* 2, no. 2 (July 17, 2008): 163 – 164. <https://doi.org/10.1007/s11562-008-0043-1>.
- Lal, R. Suleimenov, M. Stewart, B.A. Hansen, D.O. Doraiswamy, P. *Climate Change and Terrestrial Carbon Sequestration in Central Asia*. CRC Press, 2007. <https://doi.org/10.1201/9780203932698>.

Сведения об авторах

Ахунов Азат Марсович,

кандидат философских наук, доцент,

ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства

им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,

Казань, Россия,

e-mail: aakhunov@rambler.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 апреля 2020. Принята к публикации: 1 июня 2020.

Цитирование

Ахунов, А.М. Пандемия COVID-19 как вызов для постсоветских стран

Центральной Азии // Международная аналитика. – 2020. –

Том 11 (1). – С. 114-128.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-114-128>

The COVID-19 Pandemic as a Challenge for Post-Soviet Central Asia Countries

ABSTRACT

The coronavirus pandemic has a significant impact on socio-economic and political processes in Central Asia. The political specifics of the countries in the region affected the methods and approaches taken by the authorities of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, Uzbekistan, Tajikistan, and Turkmenistan to prevent the spread of infection. The article compares these approaches: from declaring a state of emergency and ordering a curfew to suppressing information about the spread of the epidemic. The impact of the pandemic on the relations of the Central Asian countries with Russia and the prospects for the development of Eurasian integration projects is also considered.

KEYWORDS

Central Asia, Republic of Kazakhstan, Republic of Uzbekistan, Kyrgyz Republic, Turkmenistan, Republic of Tajikistan, coronavirus

Authors

Azat M. Akhunov,

Ph.D., Associate Professor, Leading Researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and Art of Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia,

e-mail: aakhunov@rambler.ru

Additional information

Received: April 17, 2020. Accepted: June 1, 2020.

To cite the article

Akhunov, Azat M. "The COVID-19 Pandemic as a Challenge for Post-Soviet Central Asia Countries."

Journal of International Analytics 11, no. 1 (2020): 114–128.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-114-128>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Подача рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью» или по электронной почте: submissions@interanalytics.org

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указаний сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, ScopusAuthorID, РИНЦ AuthorID.

Журнал выпускает аналитические материалы по четырем направлениям: исследовательская статья, рецензия, интервью, полемика.

Исследовательская статья должна содержать результаты самостоятельных исследований автора и нести добавочное научное знание.

К публикации принимаются научные статьи объемом от 30 000 до 40 000 знаков с пробелами без списка литературы. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала.

Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к публикации.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI работы осуществляется в добавлении рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы.

Проверить наличие DOI работы можно на сайте www.crossref.org, в разделе SimpleTextQuery. За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию. Содержание журнала не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Оформить подписку на журнал «Международная аналитика» можно:
в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777;
по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2020. – 11(1). – С. 1-128.

Подписано к печати: 06.07.20.

Формат: 108х70/16. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 10. Тираж 200 экземпляров. Заказ 0000

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.